

Луиджи Джуссани

**Отдать жизнь  
ради дела Другого**

*Под редакцией ХУЛИАНА КАРРОНА*

Перевод: Александра Шилова

© 2023 Fraternità di Comunione e Liberazione

## «ХРИСТОС – ЖИЗНЬ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Что определяет историческую реальность, в которую мы погружены? Превосходство этики над онтологией<sup>1</sup>. Такое суждение сложилось у отца Джуссани в конце 1990-х годов. Для него это была высшая точка процесса, начавшегося несколько веков назад, в эпоху Нового времени, с распространением рационалистического влияния, сформировавшего отношение культуры и государства к христианству и Церкви. С тех пор примат этики над онтологией стал общепринятым фактом. В результате размежевания и иерархизации научно-математического и философского знания (а также знания религиозного) представления о реальности и существовании все больше определялись поведением, «предпочтениями»: не разумом, не реальностью, очевидным образом проявляющейся в опыте, не онтологией, а в этическом ключе – поведением, на основании которого используется разум<sup>2</sup>. «Под нападками рационализма Церковь тоже подчеркивала перед народом и в своем богословии этику, считая онтологию предпосылкой и чуть ли не забывая о ее порождающей силе» (См. здесь. С. 21).

Ощущая оппозицию со стороны государства и зарождающейся формы культуры, большая часть Церкви сосредоточилась на том, что другие, в том числе и недоброжелатели, могли понять или должны были признать: на основополагающей этике, на нравственных ценностях. Она оставила на заднем плане догматическое содержание христианства, его онтологию, то есть весть о том, что Бог стал человеком и что это событие продолжается в истории благодаря человеческой реальности – Церкви. Она есть «осязаемое Тело Христа» (С. 93) и состоит из людей, свидетельствующих о полноте, которую Христос приносит в жизнь тех, кто признает Его и следует за Ним. Вследствие этого проповедь Церкви тоже преимущественно сфокусировалась на призывах этического характера. Христианство стало преподноситься скорее и прежде как обязанность, а не как нечто привлекательное. Когда такое случается, вера теряет свою разумность и способность порождать жизнь христианского народа.

Казалось, чтобы и дальше удерживать людей, наиболее очевидный и простой путь – апеллировать к католической морали. Предлагать сообразные причины для следования за Церковью не считалось необходимым; сложилось мнение, что достаточно подчеркивать некоторые фундаментальные нормы поведения, чтобы люди придерживались их. Церковь таким образом продолжила бы исполнять роль нравственного маяка. До тех пор, пока культурная среда оставалась однородной и Церковь выступала в ней главным действующим лицом, нравственность, возникшая в лоне христианства, сохранялась, хотя и получала все меньше одобрения. Однако, когда социальный контекст стал более разнообразным и мультикультурным, все изменилось. Процесс разрушения внезапно ускорился. Недавно я увидел фотографии церквей, переустроенных под дискотеки, кинозалы, теннисные корты и бассейны, и они произвели на меня силь-

<sup>1</sup> Cf. L. Giussani. *l'uomo e il suo destino. In cammino*. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 63–74.

<sup>2</sup> *Ibidem*. P. 67.

ное впечатление. Упорная защита нравственности, справедливая в своих принципах, не устояла перед лицом распространяющегося противоположного менталитета, завоевывающего все больше территорий и устанавливающего новые ценности и новые права.

Христианство не предлагалось согласно его онтологии, как событие жизни, способное ответить на глубокое человеческое желание, оно свелось к морали и постепенно лишилось привлекательности. Многие наши современники рождаются и живут в равнодушии к нему и к вере. Человечность стала словно чем-то незнакомым из-за непонимания того, «что в конечном счете движет человеком в глубине сердца»<sup>3</sup>; из-за пренебрежения глубинными человеческими потребностями (в истине, красоте, справедливости, счастье) Церковь казалась все более далекой от жизни, а вера – в конечном счете чем-то непостижимым.

Как мы дошли до такого? На этот вопрос отец Джуссани дает ответ, проливающий свет не только на наше прошлое, но и на наше настоящее. Процесс начался, утверждает он, «незаметно ни для кого с *отрыва смысла жизни от опыта*». Бог воспринимается отдельно от опыта, как нечто не влияющее на жизнь. «Смысл жизни больше никак не связан или же связан, но трудноразличимо, с моментом его существования». Это, однако, зависит (тут Джуссани делает важнейший шаг) от чего-то произошедшего ранее: «Суть проблемы проясняется в борьбе, разворачивающейся вокруг взгляда на *отношение между разумом и опытом*» (С. 48). У истоков разрыва, разделения между Богом и опытом лежит редукция познавательного характера, связанная с определенным восприятием взаимоотношений разума и опыта.

Что Джуссани понимает под опытом? «В опыте реальность предстает перед человеческим сознанием, становится прозрачной для человеческого взгляда. Реальность – то, с чем мы сталкиваемся, данность, а разум – тот уровень творения, на котором оно обретает самосознание». Следовательно, именно в опыте реальность открывается нам, открывается как некая данность, не произведенная нами, отсылающая нас к своему истоку – Другому. Разум же есть взгляд, перед которым происходит это откровение, уровень реальности, на котором реальность сознает саму себя, сознает, что происходит от Другого. Джуссани замечает: «Жан Гиттон, подтверждая наше беспокойное чувство дискомфорта, укрепил в нас ощущение правильности нашего подхода к связи между разумом и жизнью, когда сказал о „разумности“ подчинения разума опыту» (С. 49). Почему разумно такое подчинение? Потому что, если реальность становится прозрачной в опыте, разум служит такой прозрачности, является средством ее достижения.

Логичным кажется и следующий шаг отца Джуссани. «Чтобы защитить Бога в Его истине и защитить необходимое человеку осмысление жизни как принадлежащей Ему, а значит, и стремление во всем угождать этому высшему Творцу и Правителю всего сущего, нужно в первую очередь всем сердцем вернуться к слову „разум“» (С. 49). Если же «разум используется неправильно», как «мера» реальности, под угрозой оказывается все человеческое познание, весь человеческий путь.

«Если разум используется неправильно, то есть если разум выступает как «мера» реальности (а это всегда означает, что разум становится предвзятостью...) <...> возможны три серьезные подмены, сказывающиеся на любом поведении» (С. 49). Подмены эти касаются не только прошлого, но и нашего поведения в настоящем. Рассмотрим их.

<sup>3</sup> Ср. Бенедикт XVI. Постсинодальное апостольское обращение *Sacramentum caritatis*, 2.

А. «Первая подмена (я описываю происхождение нашего поведения в его драматизме и противоречивости): *идеология вместо события*». Что стоит за этой альтернативой? Человек может вступать в отношение с реальностью с инициативой, которая вызвана происходящими событиями, тем, что он ощущает в себе в соприкосновении с ними, или же с инициативой, которая затмевает происходящее, стремится его перекрыть. В последнем случае он подчиняется чему-то, что «проистекает не от *его* способа реагировать на то, с чем он встречается, с чем сталкивается, а от *предвзятости*». Отправной точкой становится «некое впечатление от вещей, некая их оценка, некая позиция, которую человек занимает „до“ встречи с вещами, особенно – до вынесения о них суждения». Положим (приводит пример отец Джуссани), случается авария в шахте или на железной дороге. Подход к этим фактам, бросающим человеку вызов, в таком случае «не рождается от его трепета, от того, что он по-человечески ощущает перед лицом таких событий». В его суждение о вещах словно проникают однажды услышанные слова, предвзятость: «Человек отталкивается от предвзятой идеи, и потому в республиканской или либеральной газете об этом напишут в одном тоне, а в газете правящей партии – в другом». Предвзятая идея, то есть отправная точка человеческих действий, чтобы войти в историю, чтобы выдержать испытание временем, «чтобы преодолеть время, чтобы проложить себе дорогу среди человеческих мыслей и общественных суждений, должна развиваться. Ее развитие – логическое построение, превращающееся в идеологию. Логическое построение, исходящее из предвзятой идеи и стремящееся поддерживать и навязывать ее, называется идеологией» (С. 50).

Именно в такой борьбе каждый из нас более или менее сознательно участвует каждый день. Христианин, подобно остальным людям, живет в историческом контексте и не может избежать этой альтернативы, этой борьбы: «Наша христианская жизнь, наша вера и наша конкретная нравственность, наша жизненная установка определяются либо действующими идеологиями, либо обстоятельствами, превосходством нашего существования, происходящих событий, вещей, с которыми мы сталкиваемся, вещей, на которые мы реагируем тем или иным образом, фактами: фактами как событиями» (С. 50). Как когда рождается ребенок: он предстает перед всеми в безоружной силе собственного присутствия. Раньше его не было, и вот теперь он есть. Происходит событие.

Но как переживать полноценные отношения с реальностью стабильно, в постоянном устремлении, как сделать, чтобы нас определяло «превосходство... происходящих событий»? «Бывают события по значимости своей великие и ничтожно малые», – говорит Джуссани. Чтобы мы «насыщенно жили реальностью», нас должно достичь великое событие, исток, присутствующий в настоящем, «образующее начало всего человеческого опыта». Человеческий опыт зиждется не на прошлом. Это замечание объясняет, насколько важно понять природу христианства, которое можно постоянно сводить к идеологии, то есть к полной его противоположности. «Христианство – событие, и потому оно присутствует в настоящем, оно присутствует сейчас, и его отличительная черта – присутствие в настоящем как память, а христианская память не тождественна воспоминанию, точнее, это не воспоминание, а то же Присутствие, вновь осуществляющееся сейчас». Только если христианство является событием, если его признают таковым и следуют за ним, оно действительно способно играть решающую роль в жизни человека, способно изменить его подход ко всему. «Только признание этого события не позволяет нам стать рабами идеологии» (С. 51).

Б. Вслед за первой Джуссани выявляет и вторую подмену, влияющую на наше поведение: «Если человек идет на поводу у господствующих идеологий, вырастающих из всеобщего менталите-

та... начинается разделение, разрыв между знаком и видимостью, *подмена знака видимостью*. Чем лучше мы сознаем, что такое знак, тем больше понимаем всю скверность и катастрофичность подмены знака видимостью» (С. 51)

Но что такое знак? По словам Джуссани, это «опыт чего-то присутствующего в реальности и отсылающего меня к иному. Знак – эмпирическая реальность, смысл которой – в иной реальности; он раскрывает свой смысл, ведя нас к иной реальности». И здесь тоже важным образом использовать разум: «Неразумно... сводить опыт знака к его непосредственному восприятию, или к *видимости*», поскольку видимость «не передает в полной мере наш опыт о вещах». Тем не менее мы легко поддаемся такому искушению, почти не замечая: «При определенном расположении духа мы примерно так же поступаем с реальностью мира и существования (с отношением к обстоятельствам, к вещам, к семье, к воспитанию детей и т. д.): мы их замечаем, но при этом пресекая нашу человеческую способность углубляться в поиски смысла, на которые сам факт наших отношений с реальностью неоспоримо подталкивает человеческий ум». Когда пресекается способность человеческого ума погружаться в поиск смысла, «устраняется [говорит Финкелькраут] очевидное»<sup>4</sup>, «выхолащивается то, что видно, осязаемо, ощутимо», утверждается, что «происходящее „происходит, потому что происходит“, что позволяет избежать насущной потребности смотреть на настоящее... в его отношении с целым» (ср. С. 51–52)

Напротив, решительно утверждает Джуссани, «идея знака... действительно впускает в жизнь смысл вещей». Здесь он прибегает к очень смелому выражению: «Тайна (Бог) и знак (сиюминутная реальность, отсылающая к чему-то другому; даже мельчайший камушек, будучи самим собой, отсылает к истоку Бытия)... в некотором смысле совпадают». Что он хочет сказать? «Тайна есть глубина знака, знак указывает на присутствие глубокой Тайны, Бога – Творца и Искупителя, Бога-Отца. Знак указывает нашим глазам на присутствие Другого, глубокой Тайны, затрагивающей все, указывает на него нашим глазам, нашим ушам, нашим рукам. Тайна через знак становится опытом» (С. 52).

Воспринимать вещи как знак Тайны, улавливать ценность каждой вещи в том, что она отсылает к Другому, велит разуму сама его природа. Идеология же склонна считать конкретным лишь видимое, то, что зримо, осязаемо, ощутимо. Такое поведение остается в силе даже после грандиозного краха всех великих идеологий XX века.

В. И тут появляется третья подмена. «Устранение ценности знака подразумевает (с одной стороны как причину, а с другой как следствие) *подмену сердца чувством*». Сердце перестает быть главным двигателем, главной, глубинной причиной человеческих действий, критерием суждения, местом изумления и силы привязанности, которые составляют ткань исконного познавательного отношения с реальностью. Его место занимает чувство. «Наша ответственность становится тщетной именно так: мы уступаем чувству и опираемся на него больше, чем на сердце... Сердце же, напротив, есть основополагающий фактор человеческой личности и действует как таковой, а чувство – нет, поскольку само по себе чувство действует реактивно, по сути своей оно животно» (С. 53). Чезаре Павезе писал: «Я еще не понял, в чем состоит трагизм существования... И все же предельно ясно: нужно прекратить предаваться сладострастию, перестать принимать душевные состояния за самоцель»<sup>5</sup>.

Для Джуссани «сердце представляет собой единство чувства и разума. Для этого необходимо воспринимать разум не закрепощенно, во всей широте его возможностей: разум не может

<sup>4</sup> А. Finkelkraut. *L'umanità perduta. Saggio sul XX secolo*. Roma: Liberal, 1997. P. 88; см. также Х. Арндт. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом, 1996. С. 611, 615.

<sup>5</sup> С. Pavese. *Il mestiere di vivere. Diario 1935–1950 con il taccuino segreto*. Milano: BUR, 2021. P. 66.

действовать без того, что называется привязанностью. Сердце как разум и привязанность есть условие здравого приложения разума. Разум является разумом при условии, что привязанность охватывает его и тем самым движет всем человеком. Разум и чувство, разум и привязанность – вот что такое человеческое сердце» (С. 53). Джуссани непрерывно свидетельствует нам о взгляде, учитывающем все человеческие факторы! Каждый раз, читая его, я поражаюсь, сталкиваясь с разумением реальности, которое не останавливается на поверхности, но проникает вглубь. Не было случая, чтобы он не уловил динамику отношений «я» с окружающим его миром.

Как преодолеть описанные подмены? Путем простых разговоров о них? Попытками обратить процесс вспять? Ответ Джуссани возвращает нас на уровень опыта, доступного каждому: нет, необходимо *столкнуться* с человечностью, которую невозможно редуцировать подобным образом, с присутствием, которое освободит «я» из клетки, выстроенной вокруг него, которое разрушит меру видимости, избавит от закона реактивности и позволит «насыщенно жить реальностью», как говорится в уже упомянутой фразе из десятой главы «Религиозного чувства»<sup>6</sup>.

Так перед нами предстает природа христианства, какой она была изначально: «Иисус был человеком, подобно всем остальным, Он был человеком, не выходящим за рамки определения человека, но Человек этот говорил о Себе то, что другие не говорили, Он говорил и действовал иначе, чем все остальные. Знак всех знаков. Те, кого однажды сотрясло Его притязание, кто однажды познал Его, воспринимали Его, видели Его, трактовали Его как знак иной реальности, отсылавшей к чему-то иному. Из Евангелия от Иоанна ясно, что для Иисуса Его притягательность в глазах других людей в конечном итоге не замыкалась на Нем, а вела к Отцу: притягивал Он, но для того, чтобы вести к Отцу через познание и послушание» (С. 58). Окончательный смысл, к которому отсылает вся реальность (всякий знак), стал человеком, «Знаком знаков», Человеком, Который ходил по дорогам, с Которым можно было разделять трапезу, говорить, за Которым можно было следовать. Это и есть христианское событие, содержание вести, обращенной к человеческому сердцу.

На страницах этой книги Джуссани призывает нас вживаться в начало веры первых учеников, встретивших того молодого Человека, так непохожего на всех остальных: «Верить во Христа, как явствует из возникновения христианства, – значит познавать исключительное Присутствие, испытать потрясение от него и, следовательно, прилепиться к тому, что оно говорит о себе. Это факт, факт, благодаря которому стало возможным возникновение христианства в мире. Мы не хотим ничего иного: только познавать произошедшее и жить им» (С. 58).

Верить – значит признавать исключительное присутствие, признавать божественное присутствие в определенной человеческой реальности. «И потому вера есть действие, имеющее своей отправной точкой разум. Разум... утверждающий, что Тайна существует и без нее человек не может обладать разумным взглядом на реальность. Иначе говоря, отправная точка веры – разум как осознание реальности, или как религиозное чувство человека» (С. 58).

Вера не эмоция, «не изменчивое чувство, определяющее существование Бога по нашему усмотрению и переживание религиозности – как нам заблагорассудится. Вера есть суждение, утверждающее некую реальность, присутствующую Тайну». Джуссани описывает природу веры несравненным образом: «Вера разумна, поскольку она цветет на крайнем пределе динамики разума как цветок благодати, к которому человек прилепляется своей свободой». Но как наша свобода «прилепляется к этому цветку с его непостижимым началом и строением?»

---

<sup>6</sup> Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 126.

Принимая в простоте «то, что разум ощущает исключительным, с уверенной непосредственностью, как принимают неопровержимую и несокрушимую очевидность факторов и моментов реальности, появляющихся на горизонте нашей личности» (С. 59).

Необходимо помнить следующее утверждение Джуссани: событие Христа исключительно, «но, чтобы объять его во всей его инаковости, разум должен в простоте сразу же принять, признать происходящее, произошедшее с уверенной непосредственностью, как перед лицом любого очевидного события реальности». Христос предлагает, а не навязывает Себя нашей свободе. Именно так случилось в самом начале: «До всего остального, до суждения Иоанна о том Человеке, до суждения Петра о том Человеке, до их суждения и их присоединения была простота, было простое сердце, были простые глаза и устремленность, было простое желание, готовое воспринять, способное ясно воспринять то, с чем они встретились, тот аспект реальности, с которым они столкнулись» (С. 59). Чтобы заметить, признать истину, присутствующую в знаке человечности – иной, исполненной привлекательности, чтобы последовать за ней, не требуются особые таланты, нужна лишь простота сердца.

Кардинал Ратцингер, говоря о современном социальном контексте, разнообразном и мультикультурном, в котором, как я упоминал, многие церкви превращаются в дискотеки, кинозалы, теннисные корты и бассейны, задавался вопросом: «Как же вере до сих пор удастся быть успешной?» Он думал о молодых людях, зрелых с точки зрения культуры, и отвечал: «Я бы сказал, причина в соответствии, которое она находит в человеческой природе... В человеке живет неугасимое желание бесконечного. Ни один из искомых ответов не является достаточным. Лишь Бог, сделавшийся конечным, чтобы преодолеть нашу конечность и привести ее в пространство Своей бесконечности, способен удовлетворить потребности нашего существа»<sup>7</sup>. Нужно только столкнуться с христианским фактом, с христианством в его подлинной природе – с современным нам событием, происходящим в форме человеческой встречи. Сведенное к морализму или словесному повторению вести, оно не способно ответить на наши глубокие потребности. Не способно на это и его рационалистическое редуцирование до одной из множества форм выражения религиозного чувства, религиозности.

«В современную эпоху рационализм, утратив подлинную природу разума, возводит в привычку путаницу между религиозным чувством и верой, отсекая тем самым и подлинную природу веры». Это происходит не без ущерба для современных людей, и не только христиан. «Путаница между религиозным чувством и верой вносит сумятицу во все. Крах подлинной природы веры, как она запечатлена в Предании, то есть в жизни Церкви, крах веры как признания, что „Христос – всё во всех“, как уподобления и подражания Христу, положил начало *современной растерянности*, имеющей различные и четко различимые аспекты» (С. 59).

В 1998 году Джуссани описал характерные черты современного недоумения, которое мы замечаем в нашем опыте и опыте людей вокруг нас. Христианский факт, Присутствие, признаваемое верой, можно умалить, лишит историчности и конкретности. Но в таком случае христианская вера превращается в карикатуру на саму себя, становится неразумной, непонятной, поскольку утрачивает свое основание – реальность. Это результат того, что Джуссани описывает как «*пять без*» современного рационализма. Коротко рассмотрим их.

А. «Первое следствие рационализма можно выразить формулой: *Бог без Христа*. Оно заключается в отрицании того факта, что лишь во Христе Бог – Тайна – может явить Себя нам как Он

<sup>7</sup>J. Ratzinger. *La fede e la teologia ai giorni nostri // Enciclopedia del cristianesimo*. Novara: De Agostini, 1997. P. 30.



есть» (С. 60). Однако без Христа вера теряет разумность и становится *фидеизмом*. Пропадает сама основа христианского опыта, и нравственным усилиям недостает адекватных причин. Бог превращается в плод воображения и мыслительных построений человека, оттененный теми или иными культурными или этническими особенностями.

Б. Второе следствие рационализма – *Христос без Церкви*, то есть без Его Тела, без Его плоти. Речь о *гнозисе, гностицизме* в любом его проявлении. «Отвергая тот факт, что Христос был человеком, реальным, историческим человеком, мы отвергаем саму возможность христианского опыта». Христианство – человеческий опыт, «и потому он соткан из времени и пространства, как всякая реалья, в том числе и материальная. Без материальной стороны опыт Христа, который человек переживает, лишен возможности проверить Его современность, то есть истинность того, что Он говорит о Себе». Рационалистическая позиция не признает, что конкретная реальность, сотканная из времени и пространства, может быть «местом, где рождается опыт высшего смысла человека... [и поэтому] высший смысл человека не проникает в повседневный опыт» (С. 60)

Христос (всегда подчеркивал Джуссани) – не идея, а реальное Присутствие, доступное слуху, зрению, осязанию. Доступное где? В историческом явлении – жизни Церкви. «Без такой конкретности думать о Христе нельзя; мы бы редуцировали и видоизменяли то, что Христос сказал о Себе, откровение, которым Христос является в руках Божиих. Тертуллиан утверждает: „*Caro cardo salutis*“ – „Плоть есть якорь спасения“» (С. 60).

В. Третий результат влияния, которое рационалистический менталитет оказывает на церковную жизнь, личную и общинную, выражается в *Церкви без мира*, а также ее последствиях: «*клерикализме и спиритуализме* – двойной редукции ценности Церкви как Тела Христова» (С. 61).

Г. Джуссани делает еще один шаг и выявляет еще одно «без»: «При Церкви без мира мир пытается обходиться без „я“: налицо *отчуждение*. Характерная черта такого мира и его результат (предвиденный или непредвиденный, желанный или нежеланный, обычно желанный для власти, для тех, в чьих руках в определенный момент сосредоточена политическая власть) – отчуждение» (С. 63).

Конечный итог отчуждения, производимого властью, – «утрата свободы, пренебрежение свободой или ее упразднение, упразднение, не провозглашаемое теоретически, а фактически реализованное». Однако, поскольку свобода, как бы ее ни определяли, есть «лик человеческого „я“, речь идет об утрате человеческой личности» (С. 63).

Д. Конечная точка этого нисходящего пути – «отчужденное „я“, „я“ без Бога». Такое «я» неизбежно «испытывает изнуренность и тошноту и потому живет как придется: оно может ощущать себя частицей всего (пантеизм) или жертвой отчаяния (господство зла и пустоты: нигилизм)» (С. 64).

Возможно ли обратить вспять этот процесс? Как не допустить, чтобы «пять без» и три подмены, описанные ранее, и дальше выхолащивали жизнь веры и препятствовали свершению, достижению человеком полноты? Есть только один путь: вернуться к подлинной природе христианства как события.

«Итак, *присутствие Иисуса Христа есть событие* – мы воспринимаем его таким образом в силу дарованной нам харизмы (и она нас убедила!), Событие, с которым мы встречаемся в настоящем, здесь и сейчас, в обстоятельствах, делающих все очевиднее, что в компании по

призванию проявляется тайна Церкви, таинственное Тело Христово». Джуссани утверждает: «Сверхъестественное... есть человеческая реальность, в которой присутствует тайна Христа; это естественная реальность (она выражена и очерчена человеческим лицом), в которой присутствует тайна Христа. Это Церковь, возникающая рядом со мной». Он уточняет, говоря о собственной жизни: «Она возникла рядом со мной в конкретных обстоятельствах, начиная с моих отца и матери, потом – в семинарии, а после – когда я начал встречать людей, внимательно слушавших меня и становившихся друзьями, поскольку я говорил определенные вещи, и, наконец, меня словно увлекло в русло компании, где становилась и становится очевидной тайна Церкви, и потому в ней проявляется Тело Христово. Речь о компании „по призванию“, то есть компании, включающей нас потому, что она порождает опыт и порождена опытом, в рамках которого нас коснулась харизма» (С. 42).

Цитируя блаженного Августина («*In manibus nostris sunt codices, in oculis nostris facta*»<sup>8</sup>), Джуссани объясняет природу такого явления, как харизма: «*In manibus nostris sunt codices* – Евангелия, которые надлежит читать, Библия, которую надлежит читать, но мы не знали бы, как их читать, без второго утверждения: *in oculis nostris facta*. Присутствие Иисуса подпитывается, подкрепляется, описывается текстами Евангелия и Библии, но оно подтверждается и становится очевидным среди нас благодаря факту, благодаря фактическому присутствию». Факты обретают особый вес для тех, с кем они происходят, кого они затрагивают, покоряют: «Для каждого существует значимый факт, присутствие, оказавшее влияние на всю жизнь, осветившее наш способ понимать, чувствовать и действовать. Это и называется событием. То, с чем мы встретились, остается действительно живым, осуществляется каждодневно». Необходимо, чтобы это все больше и больше входило в наш опыт: «Каждодневно мы осознаем, должны осознавать произошедшее с нами событие, случившуюся с нами встречу» (С. 42).

Только опыт христианства, неразрывно связанный с первоначальной верой, способен по-прежнему очаровывать настолько, что человек, который сталкивается с событием Христа в той форме, в какой оно выходит ему навстречу, может быть «покорен», подобно Иоанну и Андрею две тысячи лет назад. Джуссани – ясное подтверждение такой возможности сегодня, и он описывает ее так: «Христос – имя, обозначающее и определяющее реальность, с которой я встретился в жизни. Встретился: я слышал о ней в детстве, в юности и т. д. Бывает, что человек взрослеет и это слово у него на слуху, но многие люди не встречаются с ним, не переживают на опыте как нечто присутствующее в настоящем. Христос же столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась со Христом, чтобы я научился понимать, что Он средоточие всего, всей моей жизни. *Христос – жизнь моей жизни*. В Нем воплощается все, чего бы я хотел, все, чего я ищу, все, чем жертвую, все, что во мне прорастает из любви к людям, с которыми Он меня свел» (С. 43).

Отсюда рождается любая новизна, любое практическое следствие: «Христос, жизнь жизни, уверенность в благой судьбе и Спутник в повседневной жизни, Спутник знакомый и все преображающий в добро: такова Его действенность в моей жизни. Нравственность не только проистекает отсюда: лишь здесь нравственный стержень утверждается и спасается». Чтобы доказать, что нравственность возникает от принадлежности Христу, Джуссани приводит в пример «да» Петра: «Святой Петр не назвал причиной своей любви ко Христу тот факт, что ему были прощены многие его недостатки, многие его ошибки, многие его предательства; он не перечислял своих ошибок. Когда он оказался лицом к лицу с Ним после воскресения и Христос спросил его, „Симон, любишь ли ты Меня?“ – Петр сказал: „Да“. Именно отношение

<sup>8</sup> Sant'Agostino. *Sermo 360/B, 20: Sermo sancti Augustini cum pagani ingrederentur.*

с этим Его словом, в высшей степени человеческим и в высшей степени божественным, позволяет нам в нашем повседневном существовании обнимать все» (С. 43).

Как для Петра, так и для нас «повседневной должна быть память о Нем, повседневным должен быть порыв, благодаря которому Он делается ближе, радостной должна становиться Его компания, а память о Нем должна быть нам в радость в любых обстоятельствах, в любых условиях, ибо в Тебе, Господи, воплощается любовь Тайны ко мне. Так мы обретаем уверенность в достижении счастливой судьбы и надежду на весь жизненный путь». Какое освобождение! Какой поток свежего воздуха! В жизнь врывается мера без меры, изумляющая и побуждающая Джуссани говорить: «„Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя“. Это так, это должно быть так, даже если я ошибусь и предам тысячу раз за тридцать дней! Мне кажется, это не дерзость, а удивительная, немислимая и невыразимая благодать, как говорит Микеланджело Буонарроти: „Но что могу я, Господи, если Ты не придешь ко мне / с извечной неизреченной милостью?“» (С. 43).

Христианская жизнь проста, и нужна простота, чтобы принять ее: «Христос и „да“, сказанное Ему: как ни парадоксально, это самый простой с человеческой точки зрения аспект (я говорю отчасти дерзко, отчасти восторженно) или, по крайней мере, самый приемлемый из всего нравственного долга, что есть в мире. Ибо слово „Христос“ раскрывает все: Христос – Человек, живший две тысячи лет назад подобно остальным людям, но, воскреснув из мертвых, Он силой пронизывающей Его Тайны, Которой Он единосущен, охватывает нас день за днем, час за часом, поступок за поступком» (С. 43).

Именно простота позволяет нам обращаться на ты к Тайне, которую мы признаем близкой нам в нашем повседневном существовании: «Полнота присутствия и притязания Тайны в нашей жизни („Бог всё во всё“) и Христа, Иисуса из Назарета, молодого Человека из Назарета, Иисуса, Тайны, ставшей Христом, Его Христом; полнота великой фигуры, грандиозной фигуры, грандиозного знака, каким Бог, слово „Бог“ является в нашем сердце и на наших устах, полнота этого близкого нам присутствия, повседневного и действенного, этой компании, столь же странной, сколь и очевидно непревзойденной, – эта полнота объясняет, почему мы говорим „Ты“: „Ты“ должны мы говорить Богу и „Ты, о Христе“ должны мы говорить Человеку Иисусу из Назарета» (С. 43).

От отношения с этим воплощенным «Ты» рождается возможность новых, более человеческих – наконец-то человеческих – отношений со всем: «Ты смотрел на всех людей, с которыми говорил, или которые Тебе отвечали, или с которыми не возникло никакого диалога, включая Пилата и первосвященников; Твое отношение с ними, как видно из Твоих Страстей, было исполнено страсти к их судьбе, судьбе их личности, исполнено любви к ним; если бы они приняли это, если бы пришли к согласию и единению с Тобой, слово „дружба“ оказалось бы единственным уместным для описания отношения с Тобой. Слово „дружба“ – единственно уместное слово для описания нашего отношения с Ним» (С. 44).

Его несравненное присутствие последовательно, непрерывно двигалось сквозь историю и достигло сегодняшнего дня, достигло нас: «Человечность Иисуса из Назарета, призванная быть причастной к тайне божественной природы, расширяется, чтобы совершилось установленное Отцом: в осязаемой, видимой и осязаемой реальности, в народе, обладающем умом и привязанностью. Он есть мистическое Тело Христово, осязаемое Тело Христа, где невидимая божественность охватывает сферы, которые Отец дарует Сыну. Такое проникновение порождает людей с новым мышлением и новой плодотворностью» (С. 93).

Джуссани подчеркивает историческое, фактическое условие описанного «расширения Христа», достигающего и привлекающего нас, – *харизму*. «Харизма – вмешательство Духа Христо-

ва ради укрепления принадлежности Христу в мире: это факт истории, в рамках которой мы рождаемся, в рамках которой Дух настаивает на нас, в которую Отец поместил нас. Замысел порождающей Тайны, Отца, поместил нас на определенный путь, на определенную стезю в лоне Церкви, погрузил нас в событие Христа, причастил нас к Себе, сделав нас Своими с точки зрения познания и привязанности». Харизма есть дар, «милосердие Христа, явленное нам, когда Он сделал нас Своими: Своими с точки зрения сознания и привязанности, с точки зрения мышления, отношения к человеческой привязанности и ее осуществления» (С. 93).

Исполненный этого Присутствия, в конце духовных упражнений 1999 года, Джуссани обратился ко всем участникам следующими словами: «Я хотел бы оставить вам одно пожелание. После всего услышанного, его можно и не понять, но я все равно скажу, потому что не могу сказать ничего лучше. <...> Во встрече мы получили благодать, и потому в вас есть потенциал, потенциал, заложенный Духом Святым, явно или неявно, в соответствии с историей каждого из вас; Дух Святой даровал вам способность свидетельствовать о Христе, и это то единственное, чего ожидает мир, ведь там, где Христос, отношения исполнены мира, единства и мира... желаю вам... чтобы через то великое, что Господь вам дал, по мере того, кого оно становится все более личным, проживаемым со все большим послушанием (потому что переживание личного опыта предполагает разумное послушание), вы могли встретить отца, пережить опыт отца <...> Пусть каждый из вас по-настоящему заново откроет величие этой роли, даже не роли, а условия, при котором человек видит Бога и Бог доверяет человеку то, что Ему дорого; роли отца, а значит, и матери, поскольку это одно и то же, в духовном смысле это не две разные функции, разница существует только на материальном уровне: у каждого свои ограничения.. <...> Желаю вам переживать опыт отца, отца и матери. Желаю этого всем ответственным ваших общин и каждому из нас, ведь каждый должен быть отцом своим друзьям, матерью окружающим людям, не занимая высокомерную позицию, а неся подлинную любовь. Нет людей удачливее и счастливее, чем мужчина и женщина, которые чувствуют, что Господь сделал их отцом и матерью. Отцом и матерью всем, кого они встречают» (С. 102).

«Господь сделал их отцом и матерью...» Мы видим, как такая жажда растет в нас каждый день и распространяется на всех, кого мы встречаем, на всех наших братьев, раненых, как и мы, исполненных несокрушимого желания счастья. Благодарность за то, что мы встретили отца, который ввел нас в отношение с Отцом – такое, каким жил Христос, пробуждает в нас желание разделять со всеми полученную благодать, отдавая жизнь ради дела Другого.

ХУЛИАН КАРРОН

*Сентябрь 2021 г.*

**Отдать жизнь ради дела Другого**

## ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Отец Луиджи Джуссани на протяжении всей жизни вел неустанную воспитательную деятельность. И потому существенную часть своих мыслей он передавал через насыщенность и ритмичность его устных выступлений, и именно в такой форме (в аудио- и видеозаписях, хранящихся в архиве Братства «Общениа и освобождения» в Милане) они дошли до нас.

Настоящая книга составлена на основе расшифровок некоторых из этих записей. Текст был подготовлен с учетом критериев, сформулированных в свое время самим отцом Джуссани.

Во-первых, сохранена верность выступлениям в той форме, в какой они прозвучали. Расшифровки максимально приближены к течению, к акцентам и типичному стилю устной речи и к тому, каким образом автор выразил свои мысли.

Во-вторых, важно уважение к природе выступлений. Отец Джуссани говорил по самым разным поводам: на конференциях, на университетских лекциях, на встречах ответственных, на духовных упражнениях, в проповедях – и всегда уделял внимание тону, выбирая его в соответствии с ситуацией. При редактировании текстов мы избегали унификации и переорганизации содержания согласно формальным или структурным факторам.

Кроме того, поскольку слушатели явно или неявно были основополагающей частью построения и выражения мысли отца Джуссани, их выступления (в случае диалога и бесед) по большей части сохранялись в первоначальном виде.

В-третьих, переход от устной формы к форме письменной следует понимать не как преобразование одного способа выражения в другой, а как простую запись мысли, сообщенной устно. Однако там, где это было необходимо во избежание неудобств чтения, присущих механической расшифровке речи, устранены повторения слов или выражений, случайные оговорки, не влияющие на содержание, лишние междометия. Также с целью удобочитаемости исправлены некоторые согласования и синтаксис.

В-четвертых, отсылки (явные или неявные) к людям и фактам были по возможности пояснены в тексте или же в примечаниях, а в отдельных случаях удалены без потери смысла. Прямые упоминания собеседников, присутствовавших на мероприятии, или общественных деятелей, если они не являются существенными для развития и понимания темы, обычно опускаются.

Составлением и подготовкой текстов в настоящей книге занимался Жулиан Каррон.

Издание содержит ранее опубликованные тексты под редакцией Кармине Ди Мартино и Онорато Грасси. Координатором издательского процесса выступил Альберто Саворана.

## «ТЫ», ИЛИ О ДРУЖБЕ 1997 \*

Слова Жана-Батиста Массийона («Dieu seul est grand, mes frères»), сказанные решительным голосом, разносились по большому залу выставочного центра, без всяких прерамбл определяя начало и тон упражнений того года. Отец Джуссани выбрал их, чтобы обратиться к многотысячной аудитории еще до того, как подступиться к обширной теме Другого («Ты, или О дружбе»). Предыдущие тяжелые месяцы ослабили его, и он оказался в непривычных для себя условиях, отмеченных бременем болезни и ускользающим временем. «Во мне вспыхнула старость», – признался он некоторым людям<sup>1</sup>. Физические ограничения ежедневно возвращали его к мысли, что все проходит, меркнет, заканчивается. Однако, вместо того чтобы отступить, опустить руки, сдаться, он нашел в себе силы и, преодолев видимость, направил самого себя и свой ум на поиски истины – уже известной, но которую еще предстояло открыть в ее глубине. Это был вдумчивый период, полный догадок, рефлексии, критического анализа, которым он всегда старался придать форму и завершенность посредством «развития мысли», имевшего одной из главных точек опоры как раз выступления перед Братством.

Он даже считал своего рода «настоящим божественным озарением» две лекции упражнений того года, где ясно говорилось о самосознании человека перед лицом великого Присутствия, как видно из следующих страниц.

Глубокое погружение в содержание опыта веры было тесно связано с изучением интеллектуального контекста нового времени и современности и вытекающего из них менталитета, с которым люди в наши дни вынуждены считаться. В 2004 году, в последний раз приветствуя друзей из Братства, отец Джуссани обратится к ним с призывом «изучать» историю человечества с целью показать конечную положительность существования. Это задача, которую он взял на себя, которую он решал и о которой свидетельствовал на проникновенных страницах, посвященных современному рационализму, нигилизму, пониманию человеческого «я» и свободы.

К каждой речи и выступлению отец Джуссани готовился скрупулезно: делал заметки, набрасывал конспект, подкреплял свои слова цитатами, записанными на карточках или листах бумаги. А потом он говорил и, говоря, «творил» речь почти живую, в порыве, вовлекая в процесс и слушателей. Однако с упражнений 1997 года все изменилось. Переживая, что физические ограничения, включая дикцию, могут затруднить понимание его речи, он решил прибегнуть к новой для него коммуникативной форме, доступной благодаря технологиям. Две главные лекции были записаны на несколько дней раньше перед небольшой группой людей, а затем показаны на огромных экранах в залах, где находились участники упражнений. Форма не изменила сути, и опыт «живого» присутствия не пострадал. В те дни отец Джуссани был в Ри-

\* Духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Римини, 16–18 мая 1997 г.

<sup>1</sup> Cf. A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 975.

мини и слушал лекции в маленькой комнате за сценой, а в воскресенье утром принял участие в собрании, отвечая на вопросы экспромтом.

Новый способ коммуникации оказался как нельзя более своевременным. В последующие месяцы и годы использование видеозаписей и прямых подключений позволило отцу Джуссани выступать на многих встречах и непосредственно следить за жизнью Движения, компенсируя невозможность физического присутствия. Его «вторжения», как он их называл, трогали сердца и становились вехами на пути, по которому он продолжал увлеченно идти вместе с друзьями и с теми, кого он «знал мало или не знал совсем, но с кем ощущал глубокое единство».



## Введение

«*Dieu seul est grand, mes frères*»: один лишь Бог велик, братья мои. Так известный оратор Жан-Батист Массийон начал свою речь на похоронах «короля-солнца» в кафедральном соборе Нотр-Дам.

Смерть Людовика XIV – знамение эпохи, в которую разум претендовал на то, чтобы занять все пространство Божьего вмешательства в жизнь человека во всех возможных смыслах. Поэтому Церковь, высший источник света, озаряющего человеческий опыт, укрепила позиции на пастырском уровне, чтобы защитить нравственность народа, посчитав, что для верующего содержание догматики самоочевидно. Это привело к тому, что вера народа Божия не оберегалась и не подпитывалась, поскольку жизнь народа углубляется и порождает что-то с исторической точки зрения посредством культурной деятельности, согласно или вопреки христианской традиции, сформировавшей западную цивилизацию.

Мы сейчас как бы охвачены крайними последствиями рационалистского бунта против Живого Бога, явившего Себя человеку. «Бог Живой» – так Его назвал Иисус, поскольку Он Бог, явившийся человеку, Бог, существующий в истории.

Вот почему мы должны просить у нашего Отца, Сущего на небесах, углубить в нас сознание о нашей вере: «Кто Ты, Господи, для меня, для нас, для всего человеческого мира?» Это шаг надежды на то, что Он поможет нам победить черствость сердца, которой так способствует всеобщий менталитет.

Я попытаюсь размышлять об этом в русле двух тем, которые в последнее время занимают мои мысли.

Первая определяется следующим вопросом: что есть Бог для человека? «Бог есть всё во всем», – говорит святой Павел (ср. *1 Кор.* 15:28). Кто из нас живет с постоянно обновляемым сознанием о том, что «Бог есть всё во всем»? Что это значит?

И вторая тема: как мы можем познать Его таковым? Иисус говорит: «Кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына» (*Лк.* 10:22). И мне понятно, почему в третьей главе Послания к колоссянам, в одиннадцатом стихе, тот же святой Павел говорит: «Всё и во всех Христос».

## «БОГ ВСЁ ВО ВСЕМ»

### 1. Новая точка отсчета: онтология

Тема этого первого размышления – изречение святого Павла: «Бог всё во всем»<sup>2</sup>. Милош в «Мигеле Маньяра» устами своего главного героя утверждает: «Есть один Он»<sup>3</sup>.

«Не имеем здесь постоянного града»<sup>4</sup>, – говорится в Послании к евреям. Такое существование, мое или человеческого общества, какое оно есть, полное претензий, заключенное в рамки исторического развития как результата драматического человеческого сожительства и форм общественного бытия, не является постоянным: это преходящее, эфемерное существование.

«Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»<sup>5</sup> – говорится в восьмом псалме. И все же мы являемся тем головокружительным уровнем природы, на котором природа сознает саму себя; для реальности, предстающей в ее космичности, как ни парадоксально, существует место, объемлющее ее во всей своей способности к сознанию, неуловимая точка, где все осмысливается: «я».

Фраза святого Павла напоминает о похожем изречении из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Вспомяну теперь о делах Господа и расскажу о том, что я видел. По слову Господа явились дела Его... <...> Он устроил великие дела Своей премудрости и пребывает прежде века и вовек; Он не увеличился и не умалился... Как вождельны все дела Его, хотя мы можем видеть их как только искры! <...> Чрез Него все успешно достигает своего назначения, и все держится словом Его. Много можем мы сказать, и, однако же, не постигнем Его, и конец слов: Он есть всё»<sup>6</sup>.

Перед лицом этого Господа человеческое «я» жаждет Его. Человеческое «я» жаждет этого Бога, или, как говорит Иисус, «жаждет жизни вечной». Без такой жажды все было бы непроницаемым, смутным или же невыносимо ничтожным: чем в большей степени человек является человеком, чем сознательнее его «я», чем сильнее в нем любовный порыв, тем яснее он ощущает, что без Бесконечного все оказалось бы удушающим и нестерпимым. «Я» жаждет вечности, «я» есть отношение с Бесконечным, с реальностью, лежащей по ту сторону любых границ. Есть один Он: Бог, всё во всем.

«Бог есть всё». Он всё как раз в силу жажды, определяющей человеческую природу. Бог есть Бытие. Что значит, что Бог есть Бытие? Значит, что Он всё во всем. Он *есть* всё. Если Бог есть Бытие, ибо Он всё во всем, тогда всё, что есть, создано Богом.

### 2. Два искушения: нигилизм и пантеизм

Если же Бог есть всё, то что тогда я? Кто ты? Кто человек, которого я люблю? Что такое отечество? Что такое деньги? Моря и горы, цветы и звезды, земля и небосвод – что они такое?

<sup>2</sup> 1 Кор. 15:28.

<sup>3</sup> О. Милош. *Мигель Маньяра*. Сериате: Христианская Россия, 2000. С. 107.

<sup>4</sup> Евр. 13:14.

<sup>5</sup> Пс. 8:4–5.

<sup>6</sup> Сир. 42:15, 21–23; 43:28–29.

Ответ – не решение проблемы этического характера, а открытие онтологии: онтологии реальности. Но как существует и из чего сотворена реальность в ее бытии, реальность, какой она предстает в опыте, какой она предстает человеческому разуму? Реальность, какой она предстает человеку, сотворена Богом, «из» Бога. Бытие создает из ничего, то есть передает Себя. Таким образом мы понимаем, что реальность зависима, а иными словами, что *реальность не творит саму себя*.

От головокружительного ощущения эфемерной видимости вещей возникает – как отступление и лживое отрицание – соблазн думать, будто вещи – иллюзия и ничто. Если Бог есть всё, значит, вещи, которыми ты обладаешь, люди, с которыми ты живешь, – либо ничто (нигилизм), либо невычленимая часть – и тогда ты тоже невычленимая часть – Бытия, часть Бога (пантеизм). Итак, или нигилизм, или пантеизм. Эти позиции являются сегодня конечным ответом, которому все поддаются и который все мы принимаем в отсутствие твердой и ясной опоры.

Нигилизм есть прежде всего неизбежное следствие антропоцентрического высокомерия, утверждающего, будто человек в состоянии спасти самого себя. Это настолько противоречит истине, что все, кто живет, отстаивая такую позицию, в итоге чувствуют, порой не скрывая, как растворяются в дуализме, горечь которого они пытаются развеять в представлениях, заимствованных из восточного мира и из некоторых спиритуалистических течений мира западного, тех, что по сути всегда воплощают некий пантеистический идеал (как, например, нью-эйдж в США).

Такой идеал мы находим у Томаса Манна в его «Будденброках», где он описывает последнего человека, способного отстоять огромное изысканное богатство семьи: на нем драматичная история превращается в трагедию. За день, полный работы, он, истощенный необходимостью сохранить наследство, доставшееся ему от отца и деда, может позволить себе лишь десять минут, четверть часа отдыха. Погрузившись в кресло, он – говорит Томас Манн – утешается, неизменно думая о том последнем моменте, когда его капля будет поглощена «великим морем бытия» и исчезнет как капля, как индивидуальность, отдавшись умиротворяющей всеобщей однородности<sup>7</sup>.

Этими двумя теориями и позициями (нигилизмом и пантеизмом) продиктованы сегодня все виды поведения; они являются единственным объяснением (в том числе и практическим, а точнее, прежде всего практическим), которое дает всеобщий менталитет, заполняющий и засоряющий голову и сердце всех людей, включая и нас, христиан, включая и многих богословов. И у того, и у другого, со всеми их последствиями, одни и те же ходы, один общий знаменатель: упование на власть и жажда власти, как бы она ни понималась, в любой ее разновидности.

Как бы она ни понималась, в любой ее разновидности власть склонна быть диктаторской. Она утверждается как единственный источник и форма порядка, пусть эфемерного, но возможного. Минимальный порядок, всякая потребность в порядке в заданной общественной ситуации может иметь своим единственным надежным источником лишь власть. По сути, в этом заключалась и мысль Лютера, ведущая к абсолютному государству: поскольку все люди плохи, лучше, чтобы ими командовал кто-то один или немногие. Можно сказать, что Ленин, Гитлер и Муссолини с такой точки зрения идентичны. Но в свете кальвинистского пуританства они идентичны, разве что кроме формы, и демократическим государствам, идет ли речь о США, России Ельцина или о сегодняшнем итальянском правительстве. В этой культуре

<sup>7</sup> Ср. Т. Манн. *Будденброки*. Ч. 10, гл. V.

государство проявляет себя исключительно как культурный тоталитаризм, если только его не поражает в самое сердце что-то более христианское, нежели идеи и практики, на которые опирается вся его мудрость.

Каким же образом переходят от нигилизма и пантеизма к власти как к цели? Если человек, сводя в конечном счете самого себя к нулю, ко лжи, превращается в фикцию, чувствует себя фикцией, подобием бытия; если его «я» рождается целиком и полностью как часть великого процесса развития, как простой результат предшествовавших ему факторов, физических и биологических, то у него нет никакого самобытного содержания: единственный критерий, которым он в таком случае может располагать, заключается в том, чтобы приспособливаться, насколько удастся, к механическому столкновению с обстоятельствами. И чем больше у него власти над ними, тем больше возрастает, кажется, что возрастает его содержание, которое есть видимость, а потому растет и иллюзия, или, точнее, ложь.

### 3. Существование «я»

И пантеизм, и нигилизм разрушают то, что есть в человеке непоколебимо великого; они разрушают человека как личность, чья малейшая мысль, по словам Паскаля, ценнее всей вселенной, потому что она принадлежит бесконечно превосходящей ее реальности: «Все тела, небосвод, звезды, земля с ее царствами не стоят малейшего из умов. Ибо он знает все это и себя самого, а тела – нет. Все тела вместе и все умы вместе и все из них происходящее не стоят малейшей толики любви. Она принадлежит бесконечно более высокому порядку. Из всех тел вместе нельзя извлечь и самой ничтожной мысли. Это невозможно, ибо принадлежит другому порядку. Из всех тел и умов нельзя извлечь толики истинной любви, это невозможно, это принадлежит другому, сверхъестественному порядку»<sup>8</sup>.

«Я» – тот уровень реальности, на котором реальность пульсирует как потребность в отношении с Бесконечным. Потребность во всеохватном отношении, превосходящем непрочность любых возможных отношений, в традиционном словаре называется «душой», или «духом». Нигилизм и пантеизм разрушают это «я», которым определяется человеческое достоинство, низводят его до животных аспектов, и тогда закон любого поступка и любого действия умалется до инстинктивности: «Нечестивые подобны льву, жаждущему добычи, подобно львьятам, сидящим в укрытии»<sup>9</sup>.

Так же и власть, предстающая как высшее выражение превосходства человека над всеми остальными творениями, осуществляется в обладании, достигаемом благодаря инстинкту, куда более хитроумному, чем инстинкты льва и тигра, но идентичному им по динамике: гордыне, насилию, сексу («Похоти, Лихоимству и Власти»<sup>10</sup> – говорит Элиот в «Камне»).

Каков ответ на поставленный вопрос («Если Бог есть всё, то что тогда я?»), как разрешается проблема человеческого бытия? Перед нами не только философская проблема, а прежде всего проблема самосознания, то есть проблема «я», личности: речь о том, что она такое, и этот вопрос является ключевым в любом человеческом поступке, в любом опыте, где реальность предстает перед разумом. Но, если человек перечеркивает содержание опыта, говоря о себе, либо что он ничто, либо что он лишь невычленимая часть всеобщего бытия, то вне его нет

<sup>8</sup> Б. Паскаль. *Мысли*. 308 (793) // *Мысли. Малые сочинения. Письма*. М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 141.

<sup>9</sup> Ср. *Пс.* 16:12.

<sup>10</sup> Т. С. Элиот. *Камень*. VII. Сериате: Христианская Россия, 1997. С. 138.

ничего, он единственный господин самому себе. Однако же, если у него нет власти, если господин не он, его поработщает власть других, в чьих бы руках она ни находилась: так ребенок может быть рабом отца и матери, женщина – мужчины, гражданин – государства, региона, области или района, и чем меньше сообщество, к которому человек принадлежит, чем оно теснее, тем больше зависимость от того, кто в нем наделен властью.

Вернемся к вопросу: «Если Он всё, что тогда есть я?» Иными словами, если Бытие – Бог, что значит «я есть»? Что значит «ты есть»? Этот вопрос вызывает очевидные затруднения, и именно поэтому разуму, недостаточно наделенному сознанием, нигилизм и пантеизм кажутся ответом: нигилизм, пантеизм и в конечном счете власть. Любое отношение превращается во власть, в насилие, даже самые нежные отношения пронизывает жесткий стержень. Исключение, пожалуй, составляют дети, со взрослыми же так происходит повсеместно.

Чтобы начать нащупывать правильный ответ, давайте посмотрим, что Бог в Библии говорит Моисею: «Ты скажешь им: „Я есмь Сущий“. Таково Мое имя»<sup>11</sup>. «Есть один Он» (Милош в «Мигеле Маньяре» все верно понял) – вот определение Бога как Тайны. Но в то же время «есть я», и это остается единственной подлинной тайной для разума; без этой тайны разум не рассуждает, поскольку разум – осознание реальности согласно совокупности ее факторов. Следовательно, нигилизм и пантеизм являются редукцией, отрицанием разума, это преуменьшенные упрощения, противоречащие разуму и идущие на поводу у количественного образа вещей: количественного образа бытия, который мы черпаем из повседневного опыта, из смертной жизни.

Итак, вот единственная подлинная тайна: как получилось, что я есть? Как я устроен? Как устроена вещь, находящаяся передо мной? Этот вопрос выявляет онтологический (не этический) уровень проблемы. Напротив, нигилистический или пантеистический рационализм сделал упор на этической остроте проблемы, сведя все к утверждению человека, а утверждение человека есть хюбрис, насилие над собой и над тайной мира. Под нападками рационализма и Церковь подчеркивала перед народом и в своем богословии этику, считая онтологию предпосылкой и чуть ли не забывая о ее порождающей силе.

В свете сказанного нельзя, конечно же, не учитывать, что разуму необходимо по мере возможности как бы «умалить» Тайну. Насколько далеко в таком случае способен зайти разум и в какой точке Тайна неприступна? Где разум вынужден признать существование запредельной реальности, куда нельзя проникнуть? Что в человеке можно считать в некотором смысле, пусть и парадоксальном, как бы «избежавшим» зависимости от творящего его Бога? Где его бытие «избегает» неминуемой доли участника (не «части») Бытия? Где «я» может воспринимать себя независимо от Бытия, из которого оно проистекает? Где? В *свободе!* Все остальное «подвластно» разуму, постижимо для разума. Для разума очевидно, что волосы не творят сами себя, разуму очевидно, что цветок не творит сам себя, что я не творю сам себя. Но как действует Тайна, творящая цветок? Как Она творит меня?

И еще более радикальный вопрос: как Тайна творит нечто, не отождествляющееся с Ней? Вот истинная тайна!

Таким образом, все постижимо, кроме одного, что по-прежнему остается вне, что для разума лежит вне Бога: кроме свободы. Свобода – то единственное, что предстает перед разумом как лежащее вне Бога. Бытию как таковому нельзя ничего прибавить, у него нельзя ничего отнять, и все же свобода, кажется, отнимает что-то у тайны Бытия, у Бога.

Но что такое свобода? Оттолкнемся от опыта, как мы обычно делаем. Свобода есть удовлетворение желания. Феномен, побуждающий меня сказать: «Я свободен», – это удовлетворение. Следо-

---

<sup>11</sup> Ср. *Исх.* 3:14.

вательно, феномен, определяющий свободу, есть полное мое удовлетворение, ответ на мою жажду. Свобода – потребность в полном удовлетворении. А значит, она есть сообразование с Бытием, прирастание к Бытию. Если Бытие, Бог, – всё, свобода есть признание, что Бог – всё. Тайна пожелала, чтобы наша свобода Ее признавала, Она пожелала породить собственное признание.

Но в Самом Боге признание исходит от Сына, от Того, Кто был «дан» нам как Слово. Для Иисуса Христа Бог есть Отец, а для Отца Иисус Христос – Сын, а потому причастник Слова, как утверждает богословие Пресвятой Троицы. В Его личности, в Его поведении по отношению к Отцу Тайна раскрывается как Троица. Принятие любви влечет за собой взаимность, порождает взаимность. Такова природа Тайны. Природа Бытия явилась в Иисусе из Назарета как любовь в дружбе, как признанная любовь. Зерцало Отца есть Сын, бесконечное Слово, и изнутри бесконечного таинственного совершенства этого признания, в котором для нас пульсирует бесконечная таинственная красота источника бытия, Отца (*Splendor Patris*), исходит таинственная творческая сила Святого Духа.

Итак, «я», человеческое «я», созданное по образу и подобию Божию, изначально отражает тайну Бытия, триединого как раз в движении свободы, чьим законом является любовь, и единственной динамикой, в которой задействована эта любовь, может быть только дружба.

Впрочем, один момент так и остается тайной для моего разума: почему Богу было угодно сотворить сущее по причастности (об этом подробнее см. Ф. Аквинский. *Сумма теологии*. I. 4. 3. – *Примеч. перев.*), и как это последнее не ограничивает, не стесняет в своих границах Сущего, ничего не крадет у Сущего?

Вот сердцевина Тайны: как сущее по причастности ничего не крадет у Сущего.

#### 4. Просьба о бытии

Природа сущего по причастности, будучи свободой, выражается (прибегнем сразу же к великому слову) в *молитве*.

Если свобода есть признание Бытия как Тайны, отношение сущего по причастности с Богом может быть только молитвой. Все остальное творит Бог.

Именно в молитве Тайна продолжается, сохраняется как окончательное объяснение; именно в молитве и в просьбе, потому что молитва и есть просьба, «просьба о бытии». Богу угодно, чтобы был тот, кто просит о бытии, кто так много, так искренно говорит: «Он всё», – что просит Его о том, что ему уже дано: о причастности к Бытию.

Если сотворенное сущее есть сущее по причастности, свобода выдвигает молитву как единственное проявление этого сущего: все, что совершает сущее по причастности есть, по сути, молитва, просьба. И в том, что оно понимает и чувствует, разумное «я» также благоговеет перед Тайной, оказывается перед Тайной. Не «перед», а «внутри» Тайны. Свобода, если она молитва и просьба, тоже находится внутри Тайны.

О чем же просить? Просить о том, чтобы быть, просить о Бытии, о Тайне. Природа сущего по причастности выражается в молитве, которая с экзистенциальной точки зрения является просьбой, просьбой о бытии. Но о чем оно может просить? О том, чтобы бытие стало всеохватным в нем, во всех его делах. В существовании, то есть в том количестве бытия, которое ему сообщено, из которого оно соткано, во всем, что оно делает (поскольку бытие «я» осуществляется в действии: «Едите ли, пьете ли, спите ли или бодрствуете, живете ли или умираете»<sup>12</sup>),

<sup>12</sup>Ср. 1 Кор. 10:31; 1 Фес. 5:10.

сущее по причастности признает, что Бог есть всё, что всё сотворено Богом. *Omnis creatura Dei bona*: всякое творение хорошо<sup>13</sup>. Всё есть Бог. Бог есть всё.

С утвердительной точки зрения «Бог есть всё», и свобода состоит в том, чтобы признать, что Бог есть всё; с пассивной точки зрения, со стороны, скажем так, ничто, «всё есть Бог». Такова христианская мораль. Христианская мораль совпадает с этим признанием, которое по-настоящему сосредоточено там, где Тайна становится более таинственной, неприступной даже для воображения, для фантазии человека.

## 5. Выбор чуждого

Противоположность истины, справедливости и добра – грех.

В любом действии и в любом отношении, грех, на каком бы уровне он ни происходил и в чем бы ни заключался, состоит в непризнании того, что Бог есть всё как цель и как метод. Когда речь идет об отношении, грех в том, чтобы не переживать все как утверждение Бога. Грех означает непризнание Бога как всеобщего начала, из которого проистекают цель и метод каждого действия: «Есть один Он». И тогда ничто не принадлежит нам.

Если это вызывает возражения, то только из-за яда, выпущенного «отцом лжи», и такие возражения суть идолопоклонничество перед самими собой.

В Библии идолопоклонничество – высший синоним греха. «Отец лжи» (как Иисус скажет о дьяволе) действует, чтобы распространять рационально обоснованное идолопоклонничество.

Мы лишь можем сказать: грех есть любое действие, в рамках которого мы отказываемся говорить, что Бог есть всё, любая сторона действия, не вытекающая из того, что Бог есть всё.

Так человек старается либо убежать, укрыться от присутствия Бытия (как в самом начале первые двое – Адам и Ева), либо в конце концов предается отчаянию: «И скажут они горам: „покройте нас“, и холмам: „падите на нас“»<sup>14</sup> в последний из дней.

Вместо близости к Богу, Который прогуливался с Адамом и Евой во время вечерней прохлады, они *выбирают чуждость*. Вместо того, чтобы идти с Ним, Адам и Ева следуют за чужаком, за чем-то чуждым их опыту, за чужим, за отцом лжи, Сатаной, единственное определение которого – «быть против». Его свобода осуществляется как «бытие против»: он не доказывает, что Бог не есть всё, а противится очевидности того, что Бог есть всё. Такова его природа, как и природа любого греха. Вопреки очевидности, вопреки тому, что обнаруживает опыт, Сатана, искушая, преподносит Бытие как источник лжи и зла, как иллюзорную видимость. Так отец лжи проявляет свою лживость. И потому в человеческом опыте он предстает как нечто противное истине и благу человека, как *чужой*: Адам и Ева не знали, что это был дьявол, под обликом змея скрывался чужой, чуждый их опыту.

Человек, восставая, прилепляется к реальности, чуждой его бытию, прилепляется к «миру», как говорит Иисус, то есть к совокупности власти, принимающей привычную форму (подобно змею, который приходит к Адаму и Еве под видом животного), но по сути она не то, что говорит о себе, не то, чем кажется, по сути она «не есть». Сатана тоже является сущим по причастности к Богу, и потому он Божий; и именно неприятие, непризнание этого делает несчастным его и, следовательно, грешного человека.

---

<sup>13</sup> 1 Тим. 4:4.

<sup>14</sup> Ос. 10:8.

Это объясняет, с одной стороны, почему тот, кто идет в русле нравственности, понимаемой как признание, что Бог есть всё, радостен, он находит радость и умиротворение даже в самых печальных ситуациях. С другой, тот, кто следует за отцом лжи, кто уступает ему, дьяволу, который не признает, что Бог есть всё, хотя он Им сотворен, тот, кто уступает чужому, – жертва, раб и жертва начала, которое его ненавидит, которое его не любит, – мира сего; он становится рабом мира, и, чем дальше он продвигается вперед, тем ощутимее это рабство. «Смотрите, сколько господ у тех, кто не желает иметь одного Господа», – говорил святой Амвросий<sup>15</sup>.

---

<sup>15</sup> «Quam multos dominos habet qui unum refugerit». Sant’Ambrogio. *Epistulae extra collectionem traditae*. 14, 96 // *Tutte le opere di sant’Ambrogio. Discorsi e Lettere. II/III. Lettere (70–77)*. Milano: Biblioteca Ambrosiana; Roma: Città Nuova Editrice, 1988. P. 312–313.



## «ВСЁ И ВО ВСЕХ ХРИСТОС»

### 1. Природа и судьба человека

«Всё и во всех Христос».<sup>16</sup> Эта фраза святого Павла заслуженно процитирована в «Мистагогии» преподобного Максима Исповедника. «Всё и во всех Сам [Христос], – говорит он, – Который одной простой и беспредельно мудрой силой Своей Благости все заключает в Себе, подобно тому, как центр соединяет в себе прямые линии вследствие одной простой и единственной причины и силы. <...> И это для того, чтобы творения и создания единого Бога не были совершенно чуждыми и враждебными друг другу, чтобы не утратили они предмет и цель проявления своей любви, миролюбия»<sup>17</sup>. Это, если кратко, корень всего того, что мы думаем и чувствуем в рамках убеждений нашей веры.

Начнем с фразы святого Павла. Если «Бог всё во всем», то что значит «всё и во всех Христос»? В богословии часто пытаются отождествить эти два утверждения, заменяя в первом «всё» на «все». Но в Первом послании к коринфянам (15:28) говорится: «Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог всё во всем» [*hína ê(i) ho theós pánta en pâsin*]<sup>18</sup>. Греческое слово *en pâsin* имеет как мужской, так и средний род. В данном случае, однако, святой Павел формулирует свою мысль так, что этот термин может быть исключительно среднего рода: «Когда же все покорит Ему... Покорившему все Ему, да будет Бог всё (*pánta*) во всем (*en pâsin*)». «Бог всё во всем» – не только возможный, но и необходимый вариант, если исходить из конечного и всеохватного контекста высказывания.

В Послании к колоссянам (3:11) появляется другая формулировка: «Нет Еллина и Иудея, нет обрезания и необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всех – Христос» (*allá tá pánta kái en pâsin Christós*). Здесь *en pâsin* стоит в мужском роде множественном числе, это подчеркивается и обосновывается контекстом, и, следовательно, верно переводить «всё и во всех».

Различие имеет существенное значение.

Во-первых, «всё и во всех Христос» в онтологическом смысле связывает тайну личности Христа с природой и судьбой личности каждого человека. Вот подлинный, онтологический смысл фразы «всё и во всех Христос». Поэтому-то Иисус в последней Своей речи перед смертью, обращаясь на Тайной Вечере к Отцу, говорит: «Ты дал Мне власть над всякою плотью, чтобы всем, кого даровал Ты Мне, Я дал жизнь вечную»<sup>19</sup>.

Во-вторых, «всё и во всех Христос» означает, что Христос не только онтологически, но и для человеческого самосознания является первоисточком, высшим и сообразным примером, позволяющим человеку осмыслить и пережить отношение с Богом (Творцом) и другим человеком (творением), отношение с мирозданием, обществом и историей.

<sup>16</sup> Кол. 3:11. Пер. епископа Кассиана (Безобразова). Здесь и далее некоторые цитаты намеренно приводятся не в Синодальном переводе, поскольку он не отражает лингвистические нюансы новозаветного текста, которые рассматривает Джуссани. – *Примеч. перев.*

<sup>17</sup> Преп. Максим Исповедник. *Мистагогия. I // Избранные творения*. М.: Паломник, 2004. С. 216–217.

<sup>18</sup> 1 Кор. 15:28.

<sup>19</sup> Ср. Ин. 17:2. Пер. епископа Кассиана (Безобразова).

## 2. Подражание Христу

Почему отношение с Богом – это отношение с Иисусом? Потому что Иисус есть раскрытие, откровение Бога как Тайны, Троицы как Тайны. Вот почему «нравственность» для человека – подражание поведению Иисуса Христа, Человека Иисуса, Иисуса Богочеловека, Человека, в Котором есть Бог.

Он для всех Учитель (*Magister adest*: «Учитель здесь»<sup>20</sup>. «Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель»<sup>21</sup>). Учитель, Которого надлежит узнавать, слушать, за Которым надлежит следовать: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его»<sup>22</sup>. Подражание Христу есть познание истины, жизнь по истине для всех людей.

Иисус Христос продолжает пребывать в истории во все времена в тайне Церкви – Его Тела, составленного из всех тех, кого, по Его собственным словам, Отец дал Ему, тех, кого Он силой Своего Духа уподобил Себе в Крещении, сделав членами Своего Тела. Учение Христа, таким образом, есть учение Церкви, оно совпадает с ним, поскольку именно она достоверно прочитывает и выслушивает его.

Тут я хотел бы сделать одно замечание. То, что мы выше сказали о власти, головокружительным образом касается и того, как можно переживать авторитет в Церкви. Если в нем нет отцовства, а значит, и материнства, авторитет способен стать источником высшего непонимания, коварным и разрушительным инструментом в руках лжи, дьявола, отца лжи<sup>23</sup>. И все же, как ни парадоксально и как бы это нас ни будоражило, авторитету Церкви в конечном итоге всегда нужно подчиниться.

С институциональной точки зрения, это так, поскольку то, что говорит Церковь, – инструмент и проводник Предания, то есть поскольку по форме она ортодоксальна в вере, а на практике верна авторитету папы. Поэтому с институциональной точки зрения авторитет есть временная форма, которую Иисус воскресший и присутствующий использует как действенное выражение Его дружбы с человеком, со мной, с тобой, с каждым из нас. Это самая поразительная черта тайны Церкви, которая больше всего затрагивает человеческое самолюбие, человеческий разум.

По сути подражание Христу, имитация Христа касается всех людей, но изначально и прежде всего – крещенных, верных, согласно аутентичным указаниям Церкви. Таким образом, Церковь есть исток, с которым соотносится любая нравственность, определение нравственности жизни как осознания долга и стремления его исполнить в свете осознания Христа – единственного Учителя человечества (*Unus est enim Magister vester*<sup>24</sup>). В Крещении, основополагающем событии, делающем человека причастным к тайне Христа в жизни Церкви, рождается «новая тварь»<sup>25</sup>. Вот новая онтология, новое бытие, новое непредставимое соучастие в Бытии, в Бытии как Тайне. Отсюда возникает новая нравственность.

Но как можно подражать Христу, Человеку Иисусу из Назарета при бесконечных отличиях таинственной идентичности каждого человека, верующего в Него? Какая таинственная идентичность живет в каждом человеке, верующем в Него!

Иисус – Человек, по воле Духа Божия родившийся, как и всякий человек, от женщины, живший и умерший как Сын матери; Его «Я», Его личность отождествлялись с самой природой Тайны, и все, что можно было и можно познать о Тайне, было непосредственно явлено в Нем.

<sup>20</sup> *Ин.* 11:28.

<sup>21</sup> *Ср. Мф.* 23:8, 10.

<sup>22</sup> *Ср. Лк.* 11:28.

<sup>23</sup> *Ср. Ин.* 8:44.

<sup>24</sup> *Мф.* 23:8.

<sup>25</sup> *Гал.* 6:15; *ср. 2 Кор.* 5:17; *Еф.* 4:23; *Кол.* 3:9–10; *Иак.* 1:18; *1 Пет.* 1:23.

Так мы узнали, что Человек Иисус имманентен Слову Божию, Сыну Отца. Поэтому подражание Христу возможно, если человек видит себя как «усыновленное чадо» Бога Отца, таинственным образом причастное к природе Бога, избранное Иисусом, Богочеловеком, чтобы быть Его частью в тайне Крещения, ставшее членом Его Тела.

Церковь использует для этого термин «усыновление», Дух Иисуса открыл нам, что мы чада *по усыновлению*. «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего [Единородного], Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: „Авва, Отче!“ Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа»<sup>26</sup>. Поэтому-то в конце Книги Откровения говорится: «Побеждающий [тот, кто последует за Христом в Его страданиях на кресте, на кресте, ведущем Его к воскресению и господству над всем миром] наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном»<sup>27</sup>. Здесь речь о человеке, о человеке призванном и верном призванию<sup>28</sup>.

Если нравственность для человека – в подражании Христу, спросим себя: каково поведение Христа по отношению к Богу, по отношению к человеку как к ближнему, то есть к другому, сотворенному Отцом, по отношению к обществу, а значит, и к истории, ко всей истории человечества?

### 3. Бог есть Отец

Прежде всего поведение Иисуса, Богочеловека, по отношению к Богу целиком и полностью отмечено признанием *отцовства* Бога, Тайны. Сознание Иисуса проникнуто присутствием Отца, Бога, Который есть «всё во всем». «Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь»<sup>29</sup>.

Иисус подводит человека к признанию этого отцовства, этой высшей близости с Тайной, образующей его, творящей все. «Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах [то есть в сокровенной глубине, порождающей вещи]!»<sup>30</sup>

«Я, – скажет о Себе Иисус, – есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его. Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца?»<sup>31</sup>

Единый Бог – Тайна, творящая все вещи и все время, в которое вещи существуют, пребывают, – становится нам близким через Иисуса (Человека, Им избранного и приобщенного, непосредственно причастного к Его божественной природе, к природе Тайны). В этом Человеке

<sup>26</sup> Гал. 4:4–7; ср. Рим. 8:14–17, 19–23; Гал. 3:26.

<sup>27</sup> Откр. 21:7.

<sup>28</sup> См. Еф. 1:5; Евр. 2:10; 12:5–8.

<sup>29</sup> Ин. 5:19–20; ср. Лк. 2:49.

<sup>30</sup> Мф. 6:7–9.

<sup>31</sup> Ин. 14:6–9.

осуществляется определение, которое с человеческой точки зрения было бы самонадеянным (оно могло бы быть выражением вершины желания, исконного желания нашего сознания, но желания совсем неуверенного, редкого, и неуверенного, и полного ошибок и непостоянства человеческой мысли!): определение Бога как Отца, отцовства Тайны. Есть ли что-то более близкое, чем решительная положительность, благо, истоком которого в человеческом опыте является отец?

#### 4. Поведение Иисуса по отношению к Отцу

Каково же поведение Иисуса по отношению к Отцу? Если Он в первую очередь открывает нам, что Бог – Отец, Тайна – Отец, то каким образом проявляется Его поведение по отношению к Нему?

А. Иисус подчеркивает творческую силу Отца, Тайны как Отца: Его поведение – поведение по отношению к Отцу как к *Творцу*. Он Творец человеческого существования, которое есть путь к совершенству; для человеческой жизни, слабой, хрупкой, непоследовательной и головокружительной, для всего этого, даже для всего этого, даже для Его творения, пребывающего в таких условиях, Он Искупитель, искупающий.

Христос обращается к Отцу как к Творцу.

Он первый Человек, должным и совершенным образом сознающий: все, что Его по-человечески составляет, – это присутствие Отца. Размышляя над некоторыми главами Евангелия от Иоанна (над пятой, шестой, седьмой и восьмой), мы обнаруживаем в словах Христа ведущую мысль: Он творит то, что угодно Отцу. Он видит Отца, Он не творит ничего кроме того, что видит, как творит Отец. Когда Он глядел на падающую птицу, на полевые лилии, на жатву, на волосы человека, что позволяло Ему с уверенностью отталкиваться от всего этого, чтобы достичь смысла мира, смысла жизни? Уверенность расцвела в Нем благодаря отношению с Отцом, благодаря компании Отца<sup>32</sup>.

Следовательно, для нас подражать Христу – значит, прежде всего, проживать религиозность каждого действия. Нам ясен этот первый шаг, первая ступень нравственности: проживать религиозно каждое действие. Святой Павел говорит об этом неоднократно: «Бодрствуем ли или спим, живем или умираем, мы живем вместе с Ним»<sup>33</sup>; «едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию»<sup>34</sup>, или во славу Христову, ибо Бог сообщает нам о Себе в Слове Иисуса, в личности Иисуса.

Для Христа движущий закон существования – послушание (переживание всего ради Другого); для нас его высшее выражение – в приношении. Приношение есть признание того, что Христос, как и Бог, есть *субстанция* всей жизни, содержание и смысл, или ценность, отношения между человеком и любым жизненным явлением. Ценность отношения между человеком и любым жизненным явлением – Христос, о каких бы отношениях ни шла речь. Смысл – Христос, и потому послушание, приношение – это жизнь ради того, что выражается словом «Христос», как и Христос живет ради Отца. Отсюда и религиозность каждого действия, каждого поступка, каждого отношения.

<sup>32</sup> Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 51, 69–70.

<sup>33</sup> Ср. 1 Фес. 5:10.

<sup>34</sup> 1 Кор. 10:31.

Б. Иисус относится к Богу Отцу как к *высшему совершенству*, и это определяет жизнь как непрестанную устремленность к Нему: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»<sup>35</sup>. Путь совершенства есть смысл человеческого существования. Цель существования в том, чтобы тварь, насколько это возможно, жила стремлением к совершенству Тайны.

В таком случае нравственность переживается не как определение некоего мерила или законов, а как стремление подражать Христу и жить в соответствии с этим: «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона»<sup>36</sup>. «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить»<sup>37</sup>, то есть в таком стремлении сделать его возможным. «Всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист»<sup>38</sup>: вот нравственность как непрестанное стремление подражать Христу в Его послушании Отцу.

Что значит «Я пришел не нарушить, но исполнить», сделать возможным? Стремление – своего рода высшее и постоянное выражение свободы по отношению к Богу, Который есть всё во всем. Для того чтобы это стремление стало в человеке последовательным, нужна благодать. Поэтому стержень нравственности – искренняя просьба о такой благодати. Искренняя просьба – основополагающая форма молитвы, она выражается в смиренной мольбе. Так молился мытарь. «Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится»<sup>39</sup>.

Человек, говорящий: «Я способен», «в моей власти», «в моих силах», – воочию убедится, что не от себя, но лишь от Другого, Которого он молит, можно получить все это.

Одним словом, для нравственности характерно превосходство просьбы и смиренной мольбы над успешным исполнением намерений: намерения, не являющиеся просьбой, – всего лишь самонадеянность. Какую великую истину вновь ставит перед нами эта евангельская притча!

В. Наконец, рассмотрим поведение Иисуса по отношению к Богу Отцу как к Искупителю, а значит, как к *милосердию*.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»<sup>40</sup>. Следовательно, смысл Сына, Слова, ставшего плотью, отождествленного с Человеком, рожденным от жены, в том, чтобы в совершенстве открыть нам любовь Тайны, любовь, которую Тайна питает к Ее творению, полностью открыть любовь Бога Отца.

Христос, Человек, родившийся в Вифлееме, живший в Назарете в определенный и мимолетный момент истории, есть наша Судьба, ставшая для нас присутствием и компанией, есть тайна Бога, ставшая непреходящим присутствием и компанией на все время существования Его творения. «Се, Я с вами во все дни до скончания века»<sup>41</sup> – вот высшее утверждение Творца как любви.

<sup>35</sup> Мф. 5:48; ср. Лк. 6:36.

<sup>36</sup> Мф. 5:18.

<sup>37</sup> Мф. 5:17.

<sup>38</sup> 1 Ин. 3:3.

<sup>39</sup> Лк. 18:10–14.

<sup>40</sup> Ин. 3:16.

<sup>41</sup> Мф. 28:20.

В Иисусе отношение Бога с Его творением предстает как любовь, а значит, и как милосердие.

Сложно понять, что прибавляет слово «милосердие» к слову «любовь» или «прощение», ведь к слову «любовь» ничего нельзя добавить; однако к нашему восприятию смысла этого слова слово «милосердие» добавляет фактор Тайны, подрывающий всякую нашу меру или фантазию. Милосердие – позиция Тайны, оно указывает на позицию Тайны по отношению к любой человеческой слабости, ошибке и забывчивости: каким бы ни было преступление человека, Бог его любит.

Принятие этого милосердия, признание этого милосердия есть высшая нравственность, вершина нравственности; такое принятие есть глубина подлинного признания человеком, человеческой свободой Тайны, Тайны как истока всего, Бога, Который есть «всё во всем».

Невозможно обращаться с мольбой к Богу Отцу, не отдаваясь Его милосердию.

##### *5. Нравственность рождается от дружбы*

Если коротко, поведение Иисуса с Богом Отцом выражается в признании и принятии Тайны как милосердия. *Следовательно, взаимоотношение Иисуса и Отца представляет собой высшее осуществление дружбы.*

Человек Иисус признает и принимает тот факт, что Он является милосердием Отца. Поэтому Он соглашается умереть: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»<sup>42</sup>.

Как для Человека Иисуса послушание Отцу есть источник и вершина добродетели, так и для человека нравственность рождается как главенствующая, непреодолимая симпатия к кому-то присутствующему – к Иисусу. Привязанность к Иисусу превосходит все – влечение, боль и преступления. Человеческая нравственность, таким образом, рождается как дружба с Богом – Тайной, а значит, и с Иисусом, через Которого и в Котором Тайна раскрывает Себя, являет Себя, сообщает о Себе.

Подлинная дружба – это любое отношение, где нужда другого разделяется в ее высшем смысле, а иными словами, в свете той судьбы, к которой устремлена всякая нужда и которой жаждет и алчет человек. Для человека принятие любви, выражающейся в воле Бога, Тайны, Которая, став в Иисусе человеком, соглашается на смерть, смерть за всех чад, есть источник нравственности, и она рождается как дружба с Богом. Как для Иисуса нравственность рождается от принятия того, что через Него действует Отчее милосердие (Он принимает Тайну, которая сообщается Ему, принимает, умирая за людей), так и для человека, для каждого человека нравственность рождается как дружба с Ним, с Богом в Иисусе.

Нравственность рождается как дружба с Богом как Тайной и, следовательно, с Иисусом. Отношение человека с Богом как Тайной и, следовательно, с Иисусом начинается и совершается во всем своем величии, простоте, истине и уверенности в «да» святого Петра Иисусу, спросившему его: «Симон, любишь ли ты Меня?»

Для «да» Петра нравственность – удивление перед Присутствием, к которому присоединяешься настолько, что стремишься воспринимать в его свете всю жизнь, с ее частностями, в ее целостности, так, чтобы угодить этому Присутствию. И потому для христианина нравственность есть *любовное присоединение*.

---

<sup>42</sup> Лк. 23:34.

## 6. Свет, сила и помощь для человека

Теперь рассмотрим более детально отношение Иисуса к другому человеку, к человеку как к ближнему.

Оно, говоря коротко, заключается в разделении жизни человека, в которой Он предстает как источник света, то есть ясности и истины, силы и помощи.

А. Источник света: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир»<sup>43</sup>, – или, как скажет Иисус в Своей речи во время Тайной Вечери: «Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть, ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня»<sup>44</sup>.

Поэтому для нас, для человека, Им избираемого, ценности, на основании коих надлежит выносить суждение, – это ценности, внимательные к тому, что говорит Слово – присутствие Иисуса, Присутствие здесь и сейчас. Но это община Церкви, к которой мы принадлежим; она есть лик Присутствия, в ней лик Присутствия делается осязаемым, становится *знаком*, и притом знаком, содержащим то, на что он указывает. Община Церкви – это место, где событие Христово присутствия обновляется, где оно ново, где оно возрождается.

Чтобы дать Себя, явить Себя Своему творению, Тайна использовала сакраментальный метод: знак, содержащий Тайну, Которую он означает. Община Церкви – аспект этого знака, видимый аспект этого лика; она есть одежды Присутствия, как одежды Иисуса для маленьких детей, стоявших рядом с Ним. Малыши четырех-пяти лет, окружавшие Его, цеплявшиеся за Его ноги, зарывались личиком в Его одежды и не видели Его лика, не запоминали лица, а возможно, даже и не видели. Но они были с Ним. Одежды, несшитый хитон, в который был одет Иисус, запечатлевались в их взгляде отчетливее Его лица. Подобным образом для нас Иисус делается осязаемым, ощутимым в церковной общине, словно она является одеждой, посредством которых наша малость вступает в отношение с Его реальным присутствием.

Прислушиваться к голосу авторитета, то есть папы и официальных документов Церкви, – это своего рода противоядие против дурманящих слоганов СМИ.

«Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная»<sup>45</sup>. Выдающийся богослов Йозеф Звержина<sup>46</sup>, несколько десятилетий тому назад претерпевший гонения в Чехословакии, процитировал этот отрывок из Послания апостола Павла к римлянам в своем «Письме к христианам Запада»<sup>47</sup>.

Суждение, определяющее человеческие поступки и дни, основано на познании истины через Церковь – присутствие Истины. Не Церковь «богословов», а Церковь Таинств, слова папы и епископов, пребывающих с ним в единстве, Церковь тех, кто, со смирением и болью переживая великое ожидание (преодолевающее боль в радости надежды), принимает слово папы и епископов, управляющих Церковью в ее истине.

<sup>43</sup> *Ин.* 1:9.

<sup>44</sup> *Ин.* 17:6–8.

<sup>45</sup> *Рим.* 12:2.

<sup>46</sup> Йозеф Звержина (1913–1990) – чешский священник, богослов и историк искусства.

<sup>47</sup> J. Zvěřina. Lettera ai cristiani d'Occidente // *Scritti per una "Chiesa della compassione"* / A cura di M. Guidetti. Milano: Jaca Book, 1971. P. 177–178.

Вероятно, были в жизни Иисуса моменты, когда какая-нибудь благочестивая женщина или ученик, обладавший зрелой человечностью и чуткостью, говорили: «Бедный Иисус!» Подобным образом и мы с тем же сожалением, по тем же причинам и на тех же основаниях можем сказать: «Бедная Церковь!» И это не негативное суждение, а печальная констатация, исполненная притом уверенности в воскресении в жизни сегодняшней Церкви.

Б. Иисус – источник *силы*: «Без Меня не можете делать ничего»<sup>48</sup>. Кто знает, как апостолы на последней трапезе, на Тайной Вечере, в тот вечер, и без того отягощенный трепетом и ужасом, услышали эту фразу: «Без Меня не можете делать ничего». И потому мы нищие, молящие о подавании, и форма нашей мольбы, освещенная Христом, – это Таинства. Таинство как высшая форма молитвы «должно быть просьбой, которую человек, даже будучи погребенным под грузом своих слабостей, обращает к Богу, словно через узкую щель желания получить освобождение»<sup>49</sup>.

В. Наконец, источник *помощи*: «Я посреди вас как служащий»<sup>50</sup>. «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою»<sup>51</sup>. Он всем становится слугою и таким образом дает человеку силы, чтобы тот совершал путь к своей Судьбе, то есть к Нему.

Таким образом, все отношения с другими людьми в Иисусе переживаются как совместное разделение. Отношение не может быть правильным, если не служит Судьбе: к ней устремлена всякая нужда человеческого бытия, нужда сущего по причастности, называемого человеком. Когда человек живет этим, соглашается с этим, ищет во всех отношениях судьбу другого, тогда все отношения благи и во всех отношениях человек принимает *помощь*, большую или малую, которую он получает от Тайны через другого, поскольку через другого Тайна помогает человеку, когда тот переживает отношения (отношения с товарищем, с другим) с сознанием о Судьбе.

Итак, любые отношения начинаются с положительной гипотезы. Секретная душа любого отношения – дружба: желание судьбы другого, принятие того факта, что другой желает моей судьбы. Если я признаю и принимаю тот факт, что другой действует на благо моей судьбы, нас связывает дружба.

С христианской точки зрения, дружба есть дружба братская, дружба наиболее близкая. Ее великолепно описывает святой Бернард: «Милосердная любовь порождает дружбу, она ей как мать [милосердная любовь есть любовь к другому, выражающаяся в утверждении его благой судьбы, в желании утверждать исполнение его истинной судьбы, потому что Христос есть Тайна, по отношению к Которой он часть и причастник]. Это дар Божий, от Него исходящий, ибо мы суть плоть. По Его воле наше желание и наша любовь начинаются с плоти. В наше сердце Бог вписывает по отношению к нашим друзьям любовь, которую они не могут прочесть, но которую мы можем им явить. От нее рождается привязанность, *affectus*, глубокое, невыразимое приобщение, которое возникает на уровне опыта и устанавливает права и долг дружбы»<sup>52</sup>.

Такой была дружба святого Петра, Симона, сына Ионина, с Иисусом, когда он еще не знал, еще не заметил, еще не осознал в полной мере, что Иисус хотел сказать о Себе.

<sup>48</sup> Ин. 15:5.

<sup>49</sup> Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 214.

<sup>50</sup> Лк. 22:27.

<sup>51</sup> Мф. 20:28.

<sup>52</sup> Cf. Bernardo di Chiaravalle. *Lettera 11, 2.8. Ai monaci della Certosa e al priore Guigone // Opere di san Bernardo VI/1*. Milano: Scriptorium Claravallense: Fondazione di Studi Cistercensi, 1986. P. 103, 107, 111.



«Дружбу порождает милосердная любовь, она ей как мать». Милосердная любовь есть отношение, в рамках которого человек, сознавая, что он к нему призван, ищет судьбу другого с уверенностью, что судьба другого – Иисус, Бог, ставший Человеком, ибо через этого Человека Бог вступает в отношение с нами.

## 7. Экуменизм и мир в русле мировой истории

Наконец, рассмотрим поведение Иисуса по отношению к обществу как к институту.

А. В первую очередь обратимся к поведению Иисуса по отношению к институту, называемому государством, нацией или, еще лучше, отечеством, изначально – народом, народом отечества. По этому поводу существуют поразительные цитаты.

«Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»<sup>53</sup>. Тут подчеркивается важность отечества, или общества, выраженного народом, с его характерными чертами, а также его границами. Однако любовь к этому отечеству приносит пользу всему миру: «И будет проповедано покаяние и прощение грехов во всех народах, начиная с Иерусалима»<sup>54</sup>.

Однажды вечером Иисус видит с холма Свой город и плачет о нем, думая о его разрушении: «Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!»<sup>55</sup> Спустя несколько недель этот город убьет Его. Но для Него это не важно, не является определяющим. В другой вечер, непосредственно предшествовавший аресту, в золотом сиянии храма, освещенного закатным солнцем, Иисус *edákruse*, как говорится в греческом тексте, – заплакал о судьбе Своего города. Это было сострадание, похожее на сострадание матери, хватающейся за сына в попытке удержать его от смертельной опасности, на которую тот идет<sup>56</sup>.

Любовь к отечеству – глубокое следствие христианской жертвенности (*pietas*). Но любовь эта истинна, если отечество для тебя – то, что служит земному благополучию и вечному благу всего человечества.

Б. На втором месте – поведение Иисуса по отношению к обществу как к политической власти, римской и иудейской политической власти того времени.

«Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. <...> Пилат, услышав это слово, больше убоялся. И опять вошел в преторию и сказал Иисусу: откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа. Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь

<sup>53</sup> Мф. 15:24.

<sup>54</sup> Ср. Лк. 24:47.

<sup>55</sup> Лк. 13:34.

<sup>56</sup> Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. С. 289.

ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха [чем на тебе] на том, кто предал Меня тебе»<sup>57</sup>. Политическая власть тоже способна принести пользу на земле, только если стоит на службе вселенной, на службе всех людей в мире. В противном случае «более греха на том, кто предал Меня тебе».

В другом отрывке из Евангелия от Иоанна говорится об отношении Иисуса с иудейской политической властью: «Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино»<sup>58</sup>.

В. Наконец, подход и поведение Иисуса по отношению к истории.

Мы должны подражать поведению Иисуса по отношению к истории, поскольку признаем в человеческой славе Христа смысл истории, нашего личного существования и его всеобъемлющего контекста, называемого историей: «Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную»<sup>59</sup>. Для Иисуса смысл истории заключался в исполнении воли Отца («Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»<sup>60</sup>), для человека смысл истории – Христос, человеческая слава Христа; следовательно, подражать Христу – значит проживать каждое действие с целью утверждения смысла истории, который есть Сам Иисус Христос, человеческая слава Христа.

Жизнь ради человеческой славы Христа называется свидетельством. Это феномен, благодаря которому люди осознают, в силу могущественной благодати, могущественного дара, из чего сотворена реальность – люди и вещи: она сотворена из Христа. И свидетели кричат об этом всем, подтверждают это собственным существованием, преображенным способом своего существования. В последний день истории вся человеческая вселенная вынуждена будет признать это<sup>61</sup>.

Каждое историческое время, каждый отрезок времени «достойны», то есть соизмеримы с вечностью, в той мере, в какой для них жива память о Христе. Поэтому христианская нравственность подразумевает, что вовлечение в социальную жизнь, культуру и политику должно воспитываться и, следовательно, созреть в свете конкретного идеала, который состоит в том, чтобы призывать к памяти о Христе, а значит, напоминать о смысле истории, о значении времени и отношений и помогать в этом друг другу.

Нравственность не может быть христианской, если она не побуждает переживать любое действие – от мытья тарелок до заседаний в парламенте – в его космическом измерении, как приношение Христу. Приношение – это признание, что субстанция, содержание бытия, живущего и выражающегося в отношении, есть Христос; такое признание должно непременно подкрепляться молитвой о том, чтобы Он явил Себя, показал Себя, открыл Себя.

Идеал человеческого общежития описан в Послании к евреям: «Наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: „ныне“, чтобы кто из вас не ожесточился, обольстив-

<sup>57</sup> Ин. 18:33–37; 19:8–11.

<sup>58</sup> Ин. 11:49–52.

<sup>59</sup> Ин. 17:1–2.

<sup>60</sup> Ин. 17:3.

<sup>61</sup> Cf. L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Milano: Bur, 2020. P. 275.

шись грехом». Наставляйте друг друга каждый день: пробуждайте память о Христе каждый день, призывайте друг друга к памяти о Христе. «Ибо мы сделали причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца»<sup>62</sup>.

Отсюда возникает послушание, сохраняющее порядок в обществе.

Но порядок в обществе сохраняет авторитет: «Всякий человек да подчиняется существующим властям. <...> Начальники страшны тем, кто творит не добрые, а дурные дела. Хочешь не страшиться власти? Твори добро, и получишь от нее похвалу»<sup>63</sup>; «будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа»<sup>64</sup>. Иначе жить нельзя.

Так рождается обязательство служить человеческому сообществу, в том числе в культуре, экономике, политике, со всем бескорытием, на какое мы способны, и не только в свободное время, но в первую очередь – в работе.

Желанный итог всего этого – *экуменизм и мир*. В них в качестве начала любого отношения, высшего вклада в любое общежитие утверждается осуществление дружбы, которая стремится к универсальности и в которой человеческая история находит наибольшую помощь.

Это означает, что *христианская дружба участвует в порождении такого социального явления, как народ*. Иначе говоря, от осуществления такой дружбы рождается народ, ибо только во взаимности человек становится отцом, обретает отцовство, то есть порождает. Отцовство – тот уровень, на котором природа сознает саму себя, человеческий уровень. Животное – производитель, а не отец. Отец – высшая помощь в прояснении смысла жизни и компания на пути к нему.

Любое отношение, если оно осуществляется во взаимной любви, то есть является дружбой, порождает нечто человеческое. Это и есть наш вклад, вклад нравственности Церкви в мир здесь и повсюду. Мирское же содержание отношений – насилие, оно побуждает к насилию, внушает насилие, в том числе и в наиболее скрытой, часто коварной и ненамеренно обманчивой форме, кроме отношений, порывов, имеющих место в изначальной основе, в изначальной природе: отец, мать и ребенок. Однако такие порывы человечности сводятся к отдельным вздрагиваниям, которые не отличаются особой силой и ничего не могут поделать против потока, против сметающей мирской волны, а значит, и против насилия, против хюбриса, неизбежно появляющегося там, где Бог становится чуждым, чуждым пониманию и структуре отношений.

Напротив, от христианского события, от христианской дружбы, переживаемой как экуменизм и мир, рождается народ: так возникают представление о жизни, восприятие реальности, честность перед лицом обстоятельств, четкий ответ на провокацию, в основе которых – понимание и ощущение собственной судьбы как истины и счастья. Речь не об одном индивидууме, взрослеющем, создающем семью, где рождается двое или шестеро детей. Подумаем о сотнях монахинь Хильдегарды Бингенской и – в то же время – о монахах Петра Достопочтенного из Ключи. И обо всех людях, которые шли туда. Именно так, медленно, из варварства, господствовавшего в V и VI веках, возникла христианская семья, отмеченная нежностью в чувствованиях, всепроникающей заботой, ясностью свойственных ей заповедей, законов; «христианская семья как организм-жилище, как истинное жилище человека: помощь, кров, гостеприимство, пение»<sup>65</sup>.

В противовес всему этому можно отождествлять идеалы, выражаемые словами «экуменизм» и «мир», с земной властью. Власть превращает идеалы в насилие: экуменизм перерас-

<sup>62</sup> Евр. 3:13–14.

<sup>63</sup> Рим. 13:1–3.

<sup>64</sup> 1 Пет. 2:13.

<sup>65</sup> L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 420.

тает в утверждение собственной закрытой, насильственной позиции или же в яростное отрицание любой значимости, любой важности, любого уважения; мир же становится девизом, возведенным в принцип ради победы в собственной войне.

Насилие всегда связано с попытками уничтожить народ, будь то насилие армий, судов или же насилие в религиозной среде, где религиозность не находит открытой приверженности и реального следования.

Воспитание, насаждаемое властью, направляет человеческие действия, понимание семьи и совместной жизни в обществе, методы отношений с другими к насилию. Власть поощряет все формы предельного отчуждения, с которых в мире и начинается насилие.

Напротив, человеку, следующему за Христом, не чуждо никакое присутствие. «Если вы будете тем, чем должно вам быть, вы воспламените всю Италию»<sup>66</sup>. «Не довольствуйтесь малым, Ему, Богу, угодно великое»<sup>67</sup>. Так писала Катерина, молодая неграмотная женщина из Сиены.

Однако Тайна как милосердие остается последним словом, даже в отношении всех возможных неприглядных поворотов истории. Тайна как милосердие. Вот самое нерасторжимое объятие в его очевидном сострадании, объятие Бытия – источника, цели, природы всего сущего, вот отношение Бытия с моим ничто, со мной, которого Оно сотворило и приобщило к Себе. Вот высшее объятие Тайны, которому человек, в том числе и самый далекий, самый испорченный или помраченный, самый угрюмый, ничего не в силах противопоставить, которому он не в силах возразить: он может отвергнуть его, но отвергая при этом себя и собственное благо. Тайна как милосердие остается последним словом, даже в отношении всех возможных неприглядных поворотов истории.

---

<sup>66</sup> Santa Caterina da Siena. *Lettera a Stefano di Corrado Maconi*. N. 368.

<sup>67</sup> Cf. Santa Caterina da Siena. *Lettera a fra Bartolomeo Dominici e fra Tommaso d'Antonio*. N. 127.

## Собрание

*Стефано Альберто (отец Пино).* Для той молодой женщины начало каждого дня, начало каждого действия, каждый поступок были отмечены, проникнуты, переполнены сознанием о Присутствии, о человеческом присутствии: сначала Младенца, потом Мужа. В Нем Тайна сопровождала Богородицу к Ее судьбе, и для нас Он человеческая компания Тайны на нашем пути.

*Ангел Господень*<sup>68</sup>

*Утренняя*<sup>69</sup>

*Джанкарло Чезана.* Мы получили сотни вопросов – это уже традиция. Из них понятно одно: мы оказались перед лицом нового предложения, в том числе и неожиданного, над которым нужно работать, размышлять. И это не должно нас удивлять, ведь упражнения – своего рода тренировка, позволяющая достичь цели – жизни. Они являются не целью, а тренировкой, подводящей нас к великой жизненной дистанции.

Я хотел бы поступить следующим образом: я задам отцу Пино некоторые вопросы, касающиеся моментов, особо подчеркнутых разными группами, а затем – два основополагающих вопроса отцу Джуссани.

Первый вопрос (вопросы отцу Пино затрагивают в первую очередь тему свободы): «Можно ли вернуться к проблеме свободы и объяснить, что значит, что свобода – единственная неприступная для разума точка?»

*Отец Пино.* Единственная неприступная для разума точка означает прежде всего, что это единственная точка, в которой Тайна остается таинственной, в высшей степени таинственной. Как подчеркивал отец Джуссани в лекции, вещи не творят себя сами, и это очевидно для разума; я в этот момент не творю себя сам, и это очевидно для разума. Разум не понимает, как так происходит, не может понять, но в настоящее мгновение вещи принадлежат Другому – это очевидно.

Есть, однако, точка, совершенно неприступная для разума: разум не в состоянии понять факт свободы как возможности признавать или не признавать Тайну. Именно в этой точке Тайна остается неприступной...

*Луиджи Джуссани.* К Бытию как таковому ничего нельзя прибавить, у него ничего нельзя отнять, но свобода, кажется, отнимает что-то у Тайны бытия, у Бога, поскольку свобода – это в том чис-

<sup>68</sup> В древней молитве «Ангел Господень» воспоминается Благовещение, момент, когда «Слово стало плотью» (Ангел Господень возвестил Марии, / И Она зачала от Духа Святого. / Се Раба Господня, / Да будет Мне по слову Твоему. / И Слово стало плотью, / И обитало с нами. *Радуйся, Мария...* / Моли о нас, Пресвятая Богородица. / Да удостоимся исполнения Христовых обещаний. / Просим Тебя, Господи: наполни наши души Твоею благодатью, дабы мы, познав через Ангельское приветствие воплощение Христа, Сына Твоего, Его страданием и крестом достигли славы воскресения. Через Христа Господа нашего. / Аминь. / *Слава...*).

<sup>69</sup> Утренняя – молитва из Литургии часов Католической Церкви, составленная из псалмов и открывающая день. Хвалебная молитва выражает общинное измерение личности: самобытную инициативу отдельного человека в хоре собрания и единение с общиной даже в одиночестве собственного дома. Каждый день духовных упражнений начинается с совместного чтения Утрени по Часослову с соблюдением *recto tono* – ровного однотонного исполнения, при котором все держат одну тихую ноту.

ле и вероятность, что тварь, сущее по причастности, превратится в дьявола, в ложь, откажется получать, выступит против Бога, человек как сущее по причастности превратится в сопротивление, отрицание и сопротивление Богу как истоку, как истоку, передающему бытие.

*Чезана.* Второй вопрос поступил из Мадрида: «Что ты имел в виду, когда говорил о необходимости подчиняться авторитету (полагаю, речь о гражданских властях?). И каким образом это не противоречит сказанному выше о государстве как о боге-идоле?»

*Отец Пино.* Две мысли не противоречат друг другу. Целью было обличить идолопоклоннические притязания любого авторитета, стремящегося утвердиться в самом себе, то есть быть единственным источником решений относительно «я». Цель – в обличении притязаний государства на то, чтобы быть единственным источником того, чем является «я» и что оно может делать.

Любой авторитет (не только государства, но и Церкви, мужа и жены, родителей в отношении с детьми, авторитет школы или авторитет в компании друзей), любая власть, претендующая на то, чтобы утверждаться исключительно в самой себе, в той или иной мере содержит ложь, а значит, в силу своих всеохватных претензий, она неизбежно превращается в насилие.

Подлинный же авторитет – тот, кому дорога судьба другого; авторитет хорош, если, как говорилось вчера в конце лекции, он заботится об общем благе и исполнении судьбы, то есть если он соглашается, что судьба «я» – Другой, что «я» рождается от чего-то другого, состоит из Другого, является изначальным отношением с Тайной.

Только признавая это, можно победить неизбежную ложь, которая в большей или меньшей степени стоит за любой властью.

*Чезана.* Третий вопрос: «Что значит, что грех – это следование за чуждым?»

*Отец Пино.* Грех – значит следовать за чуждым, значит поддаваться влечению того, что не ведет к судьбе, ответу, лежащему вне пути. Грех – это как раз таки следование за ответом, не соответствующим желанию счастья, желанию свершения, из которого соткано мое сердце. Он кажется чем-то нормальным, чем-то, что могло бы ответить; однако стоит пойти за ним, и я понимаю: у идола есть уста, но они не говорят, не держат обещание. Чуждость касается именно судьбы, цели, счастья: это что-то, находящееся вовне, вне нашего счастья, что-то неспособное его осуществить.

*Чезана.* И наконец, Пино, практический вопрос: «Подражание Христу совпадает с подражанием харизме?»

*Отец Пино.* Подражание Христу – это подражание Христу, Его личности. Но для меня оно в конечном счете осталось бы содержанием благочестия или чувств, если бы не проходило здесь и сейчас через лицо, темперамент, историю. Для меня встреча со Христом случилась во встрече с конкретным лицом, с конкретной личностью. Христос, Человек Иисус в Его современности, в Его бытии здесь и сейчас, воплощается для нас в харизме, в моменте истории, посредством которого Христос говорит: «Пойди и увидь».

*Чезана.* Теперь задам два основополагающих вопроса отцу Джуссани. Они касаются темы, затронутой в большом количестве поступивших нам факсов, а точнее, связи между названием

упражнений («Ты, или О дружбе») и прочитанными лекциями. Многие хотели лучше ее понять, и мы выбрали два вопроса, которые кажутся нам особенно значимыми с этой точки зрения.

Первый звучит так: «Нас глубоко поразило суждение о том, что освобождение «я» имеет прежде всего онтологический, а не этический характер, как пытается убедить нас власть. Можно подробнее остановиться на этом?»

И второй: «Кажется, то, что нам подобает, – молитва как просьба о бытии. Я молюсь о многих дорогих моему сердцу вещах, но что значит „просьба о бытии“?»

*Джуссани.* По поводу первого вопроса: какова связь между онтологией и этикой... Онтология выражает реальность вещей, то, каковы они по сути, какова их реальность.

Если я должен попользоваться ложкой (простите за такую аналогию), я не могу ее взять, пнув ногой: мне нужно взять ее рукой, держать надлежащим образом. К примеру, я не могу схватиться за самую большую, широкую часть и есть ручкой. Так и этика проистекает из рассмотрения или осознания реальности, из вещей в их реальности, потому что она побуждает нас вести себя согласно требованиям этой реальности, а иначе мы плохо обращаемся с вещами и путаем теплое с мягким, а пустоту принимаем за суть дела.

Какой был второй вопрос?

*Чезана.* Мы молимся о многих вещах, но что значит просить о бытии, молиться о том, чтобы быть? «Я молюсь о многих дорогих моему сердцу вещах, но что значит „просьба о бытии“?»

*Джуссани.* То, что дорого твоему сердцу, друг мой, то, что тебе дорого – это ответ, который окончательно осуществится лишь в конце. То, что тебе дорого, – это способ, с помощью которого ты признаешь во фрагментарной и мимолетной реальности, преходящей, несовершенной, твое единственное желание или вершину твоего желания, то есть счастье.

Поэтому просьба о бытии подчеркивает: то, чего ты хочешь, чего желаешь, о чем просишь, – не что иное, как мольба о том, чтобы в отдельном аспекте твоей личности, твоей жизни достичь удовлетворения, которое ты ожидаешь в его полноте. Если ты ждешь всё от частности, от обладания частностью, ты ошибаешься.

## ХРИСТОС – ЖИЗНЬ ЖИЗНИ

### 1. «Делал и учил»

Мы начали с двух вопросов: кем является Бог для человека и как мы познаем Его – в той мере, в какой вообще можно говорить о Его познании.

Первый ответ онтологический, то есть он, указывая нам на должное поведение по отношению к Нему, исходит из реальности, как она есть, из реальности Бога, как она есть, из того, кто такой Бог. Но как нам познать Его так, чтобы реальность Бога приобрела для нас этическое значение, чтобы она указывала нам, каким образом вести себя и какого поведения придерживаться перед Ним?

Отправная точка – в онтологии. Мы отталкиваемся от реальности, как она есть. Для человека Бог – это всё! А сущее, то, что есть, – это Бог, ибо «Бог есть всё», всё сущее. Вне Бога – ничто, а не другое, не что-то другое.

Итак, человек по-настоящему признает, кто такой Бог, только если во всем, что бы ни делал, он просит Бога о бытии и если любое его действие – это просьба к Богу о бытии, или о счастье (у каждого есть цель, достигнув которой он наконец станет в полной мере самим собой). Любое действие – просьба к Богу о бытии, молитва, поскольку любое действие «я» как явление, в силу которого исполняется, стремится к исполнению существования твари, – это попытка утвердить собственное свершение.

«Вы [христиане], – говорил Пеги, – касаетесь Бога повсюду»<sup>70</sup>. Чего бы мы ни касались, в отношении с чем бы ни вступали, мы ищем нашего свершения. Поэтому любое осознание действия, в момент действия, – это просьба к Бытию о бытии, просьба сущего по причастности о том, чтобы быть, существовать всегда, основанная на всем том, что оно получило, всем том, чем оно является.

Второй ответ переносит нас от онтологического открытия (Бог есть всё, а человек есть сущее по причастности, то, что Тайна передала ему от Себя) к проблеме нравственного сознания, или поведения. Действительно, если Бог есть всё (нет другого определения), если Бог для человека – всё и предстает перед разумом как источник бытия, но человек не хочет понимать и не помнит об этом, Бога словно нет. Для большинства из нас каждый прожитый день наполнен таким грехом. И этот термин – «грех» – точен, в нем нет никакого легкомыслия, а есть сожаление, как когда говорят: «Посмотри, тот человек поступил так-то и так: какой грех, он утратил здравый смысл!» То же можно сказать и в отношении Бога: «Его не признали: какой грех!»

Как мы можем признавать Бога? Как с уверенностью и ясностью познать, что Он есть всё, и поэтому человек не может действовать, не прося о том, что уже от Него получил: о бытии, о причастности к бытию, о том, чтобы быть сотворенным сущим, то есть сущим по причастности?

Как нам познать Его? Для этого требуется сознание о Нем, и оно задействует познавательную силу разумного человека. Разум – это осознание реальности согласно всем ее факторам. Поэтому осознать какую-либо вещь – значит открыть ее в ее полноте. В нашем случае объект, о котором мы говорим, объект, который нас интересует, объект, который мы рассматрива-

<sup>70</sup> Ш. Пеги. *Вероника, или Диалог истории и языческой души // Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006. С. 86.



ем, – Бог: то, как человек представляет Бога и как Бог предстает, должен представлять перед человеком.

Разум, отдавая себе отчет в том, что Бог есть источник всего, что Тайна стоит в начале всего, стремится также понять, как вести себя с Богом, как относиться к Богу, а значит, и открыть пути, из которых вытекают нравственные законы.

Здесь, однако, мы должны отметить поистине загадочный качественный скачок.

Тайне, источнику и судьбе всей тварной реальности, угодно было, чтобы появился Человек, рожденный от женщины, проделавший человеческий путь, как все люди, Человек Иисус из Назарета; пожелав сообщить о Себе через этого Человека, Тайна сделала Его Своим с первого же момента зачатия, таинственным образом вобрав Его «Я» в Слово, во второе Лицо Пресвятой Троицы, а потому непосредственно приобщив к природе Бога: высшей тайне в истории человека и космоса. Поэтому Иисус из Назарета – это «Иисус, называемый Христом».

Видеть этого Человека, слушать Его, следовать за Ним – вот источник христианской нравственности. Тайна пожелала Человека Иисуса, чтобы Он был прежде всего орудием наставления всех людей, высшего наставления жизни – о Боге, единственным Учителем («Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – ученики, братья»<sup>71</sup>), а значит, в Его делах – примером того, о чем Он учил, что передавал в учении («делал и учил»). Господь Иисус делал и учил.

Говоря о Боге, можно учить лишь тому, что прежде уже овладело нашей собственной душой, всей душой.

Самое великое в нравственном поведении, которому учит Христос, заключается в том, что всякое действие, будучи отношением с Богом, с Иисусом, с отдельной личностью и обществом, – это дружба. Всякое человеческое отношение либо является дружбой, либо оно неполноценно, ущербно, лживо.

Поэтому-то Человек Иисус сказал: «Отче, если возможно, чтобы Мне не умереть так, впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет»<sup>72</sup>. И таким образом Он был Учителем и Наставником, Воспитателем для всех людей, пройдя через смерть, приняв смерть за людей. «Он возлюбил меня и предал Себя за меня»<sup>73</sup>, – говорил святой Павел.

Любые отношения являются дружбой, поскольку это дар, они представляют собой дар или заключают в себе возможность быть даром, исходящим от Бога, или от Христа, или от Церкви, или от человеческой истории: дружба – дар, который мы принимаем. Все, что дано нам Богом, Христом, Церковью или человеческой историей как посыл, адресованный всем людям, предназначенный для всех людей, это дар, который мы принимаем, храним. Если мы принимаем, храним этот дар, становится взаимной любовью, которой обладает, которую проявляет дарующий: принять – значит продемонстрировать с нашей стороны любовь к тому, кто дал нам дар.

В этом смысле дружба есть взаимность дара, любви, поскольку для существа сотворенного, для человека, высшая форма любви к Богу выражается в согласии с тем, что Он сотворил его, в принятии бытия, которое не принадлежит ему: оно дано.

## 2. Событие в настоящем

Иисус Христос присутствует в каждом дне и в каждом часе жизни крещенного, то есть избранного Им Самим, Тем, Кого Отец дал в руки всех людей, и Его присутствие есть событие.

<sup>71</sup> Ср. *Мф.* 23:8,10.

<sup>72</sup> Ср. *Лк.* 22:42.

<sup>73</sup> Ср. *Еф.* 5:2.

Следовательно, это присутствие предназначено для всего человечества, потому что крещенный избран как проводник, канал сообщения того, что Бог предлагает человеку, дара Его Самого, который Он преподносит человеку, всему человечеству. Подумаем, например, о таком моменте: если я был крещен, то потому, что сила Тайны, преобразившая меня в Крещении, через меня хотела дойти – разными путями и в разных ситуациях – до других. Такова онтология нового отношения со всем: отношение между крещеным и всеми людьми проистекает из этой задачи, которую Тайна сообщила нам в Крещении. И силой, данной нам в Крещении, Тайна начала знакомить нас с целью нашего избрания. Отсюда возникает этика, поведение, которого нужно придерживаться, которого я должен придерживаться, если осознаю собственное Крещение, о коем нельзя забывать ни в каком действии; человек не имеет права ни на один день, ни на один час забыть об этом выборе, чья цель насквозь пронизывает человека, его поступки и дела, она возвышается над ними всеми. Поэтому мы всегда говорили, что мгновение имеет вечную ценность, это отношение с воплощенным Бесконечным, равноценное величайшему действию, величайшей эпопее, величайшей истории.

Итак, *присутствие Иисуса Христа есть событие* – мы воспринимаем его так в силу дарованной нам харизмы (и она нас убедила!), Событие, с которым мы встречаемся в настоящем, здесь и сейчас, в обстоятельствах, делающих все очевиднее, что в компании по призванию проявляется тайна Церкви, таинственное Тело Христово.

Сверхъестественное, как мы не раз говорили, есть человеческая реальность, в которой присутствует тайна Христа; это естественная реальность (она выражена и очерчена человеческим лицом), в которой присутствует тайна Христа. Это Церковь, возникающая рядом со мной. Она возникла рядом со мной в конкретных обстоятельствах, начиная с моих отца и матери, потом – в семинарии, а после – когда я начал встречать людей, внимательно слушавших меня и становившихся друзьями, поскольку я говорил определенные вещи, и, наконец, меня словно увлекло в русло компании, где становилась и становится очевидной тайна Церкви, и потому в ней проявляется Тело Христово. Речь о компании «по призванию», то есть компании, включающей нас потому, что она порождает опыт и порождена опытом, в рамках которого нас коснулась харизма.

Блаженный Августин говорил: «*In manibus nostris sunt codices, in oculis nostris facta*»<sup>74</sup>. *In manibus nostris sunt codices* – Евангелия, которые надлежит читать, Библия, которую надлежит читать, но мы не знали бы, как их читать, без второго утверждения: *in oculis nostris facta*. Присутствие Иисуса подпитывается, подкрепляется, описывается текстами Евангелия и Библии, но оно подтверждается и становится очевидным среди нас благодаря факту, благодаря фактическому присутствию. Для каждого существует значимый факт, присутствие, оказавшее влияние на всю жизнь, осветившее наш способ понимать, чувствовать и действовать. Это и называется событием. То, с чем мы встретились, остается действительно живым, осуществляется каждодневно, и потому каждодневно мы осознаем, должны осознавать произошедшее с нами событие, случившуюся с нами встречу.

Подведу итог волнующим меня вопросам, которые я хотел подчеркнуть, сказав следующее: Христос – имя, обозначающее и определяющее реальность, с которой я встретился в жизни. Встретился: я слышал о ней в детстве, в юности и т. д. Бывает, что человек взрослеет и это слово у него на слуху, но многие люди не встречаются с ним, не переживают на опыте как нечто присутствующее в настоящем. Христос же столкнулся с моей жизнью, моя жизнь стол-

<sup>74</sup> В наших руках – тексты, в наших глазах – факты (лат.). Sant'Agostino. *Sermo 360/B, 20. Sermo sancti Augustini cum pagani ingrederentur.*

кнулась со Христом, чтобы я научился понимать, что Он средоточие всего, всей моей жизни. *Христос – жизнь моей жизни*. В Нем воплощается все, чего бы я хотел, все, чего я ищу, все, чем жертвую, все, что во мне прорастает из любви к людям, с которыми Он меня свел.

Как говорил Мёлер во фразе, которую я неоднократно цитировал: «Думаю, я не смог бы дальше жить, если бы больше не слышал Его»<sup>75</sup>. Эту фразу я поместил под изображением Христа кисти Карраччи, когда был старшеклассником. Она из тех фраз, что я чаще всего вспоминал в жизни.

Христос, жизнь жизни, уверенность в благой судьбе и Спутник в повседневной жизни, Спутник знакомый и все преображающий в добро: такова Его действенность в моей жизни.

Нравственность не только проистекает отсюда: лишь здесь нравственный стержень утверждается и спасается.

Святой Петр не назвал причиной своей любви ко Христу тот факт, что ему были прощены многие его недостатки, многие его ошибки, многие его предательства; он не перечислял своих ошибок. Когда он оказался лицом к лицу с Ним после воскресения и Христос спросил его, «Симон, любишь ли ты Меня?» – Петр сказал: «Да». Именно отношение с этим Его словом, в высшей степени человеческим и в высшей степени божественным, позволяет нам в нашем повседневном существовании обнимать все. Повседневной должна быть память о Нем, повседневным должен быть порыв, благодаря которому Он делается ближе, радостной должна становиться Его компания, а память о Нем должна быть нам в радость в любых обстоятельствах, в любых условиях, ибо в Тебе, Господи, воплощается любовь Тайны ко мне. Так мы обретаем уверенность в достижении счастливой судьбы и надежду на весь жизненный путь.

«Да, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя». Это так, это должно быть так, даже если я ошибусь и предам тысячу раз за тридцать дней! Мне кажется, это не дерзость, а удивительная, немислимая и невыразимая благодать, как говорит Микеланджело Буонарроти: «Но что могу я, Господи, если Ты не придешь ко мне / с извечной неизреченной милостью?»<sup>76</sup>

Христос и «да», сказанное Ему: как ни парадоксально, это самый простой с человеческой точки зрения аспект (я говорю отчасти дерзко, отчасти восторженно) или, по крайней мере, самый приемлемый из всего нравственного долга, что есть в мире. Ибо слово «Христос» раскрывает все: Христос – Человек, живший две тысячи лет назад подобно остальным людям, но, воскреснув из мертвых, Он силой пронизывающей Его Тайны, Которой Он единосущен, охватывает нас день за днем, час за часом, поступок за поступком.

Полнота присутствия и притязания Тайны в нашей жизни («Бог всё во всём») и Христа, Иисуса из Назарета, молодого Человека из Назарета, Иисуса, Тайны, ставшей Христом, Его Христом; полнота великой фигуры, грандиозной фигуры, грандиозного знака, каким Бог, слово «Бог» является в нашем сердце и на наших устах, полнота этого близкого нам присутствия, повседневного и действенного, этой компании, столь же странной, сколь и очевидно непревзойденной, – эта полнота объясняет, почему мы говорим «Ты»: «Ты» должны мы говорить Богу и «Ты, о Христе» должны мы говорить Человеку Иисусу из Назарета.

И Тайна, и Ее физическое присутствие в нашей жизни являются источником отношения с истиной и с реальностью в целом, и все это становится источником того, что мы назвали дружбой. Нет таких отношений перед Тобой, о Христе, когда я встречаю Тебя, живя памятью о Тебе, у меня не может быть человеческих отношений, никаких и ни с кем, где целью не была бы тема, идеал дружбы. Ты смотрел на всех людей, с которыми говорил, или которые Тебе от-

<sup>75</sup> Cf. A. J. Möhler. *Dell'unità della Chiesa*. Milano: Tipografia e libreria Pirotta e C., 1850. P. 52.

<sup>76</sup> «Ma che poss'io, Signor, s'a me non vieni / coll'usata ineffabil cortesia?» N. 286. V. 5–6. M. Buonarroti. *Rime*. Bari: Laterza, 1967, P. 136.

вечали, или с которыми не возникло никакого диалога, включая Пилата и первосвященников; Твое отношение с ними, как видно из Твоих Страстей, было исполнено страсти к их судьбе, судьбе их личности, исполнено любви к ним; если бы они приняли это, если бы пришли к согласию и единению с Тобой, слово «дружба» оказалось бы единственным уместным для описания отношения с Тобой. Слово «дружба» – единственно уместное слово для описания нашего отношения с Ним.

Преподобный Максим Исповедник, великий отец Церкви, как мы уже вспоминали, чудесным образом обобщает эту мысль: «Всё и во всех [неважно, хорошие мы, плохие или рассеянные, ушли мы или остаемся] Сам [Христос], Который одной простой и беспредельно мудрой силой Своей Благости все заключает в Себе, подобно тому, как центр соединяет в себе прямые линии [все линии сотворенного: вот онтологическое рождение, вот онтологический взгляд, от которого должна целиком и полностью рождаться наша жизненная позиция] вследствие одной простой и единственной причины и силы. <...> И это для того, чтобы творения и создания единого Бога не были совершенно чуждыми и враждебными друг другу, чтобы не утратили они предмет и цель проявления своей любви, миролюбия»<sup>77</sup>. Таков, если кратко, дух, в котором мы говорили и размышляли в эти дни.

---

<sup>77</sup> Преп. Максим Исповедник. *Указ. соч.*

## ЧУДО ИЗМЕНЕНИЯ 1998\*

«Новое начало» – гласил журнал «Tracce» в первом номере года, говоря о презентации книги «The religious sense» («Религиозное чувство») в Библиотеке ООН в Нью-Йорке. «Это как миссия святого Петра в Риме»<sup>1</sup>, – комментировал отец Джуссани, подчеркивая двойной характер христианской миссии: свободу действовать даже в самых трудных ситуациях («в центре империи») и обновление «я», субъекта, благодаря которому событие Христа присутствует в настоящем.

Обращению, в корне меняющему человеческое существо, были посвящены упражнения Братства того года. Таким образом углубление самосознания было тесно связано с восприятием суждения веры о мире. Прочтение современности, с ее противоречивыми аспектами («преобладанием этики над онтологией»<sup>2</sup>, нигилизмом и скептицизмом, насилием и, с другой стороны, непрерывным проявлением возможностей блага и истины, вдохновляющих подлинный экуменизм), часто звучало в его размышлениях и в публичных выступлениях в прессе. Уже несколько лет важные ежедневные издания с определенной регулярностью печатали статьи и письма отца Джуссани, и читательская аудитория начала ближе узнавать его, оценивая его значимость и преодолевая необоснованные предубеждения.

Увлеченность встречей и диалогом с другими людьми привела к появлению ряда текстов, вошедших в серию «QuasiTischreden» и возродивших классический жанр европейской литературы: спонтанные и свободные беседы с друзьями о жизни, вере, участии в общественной жизни.

Любовь к музыке (он «вырос в доме, бедном хлебом, но богатым музыкой»<sup>3</sup>, как говорил о его детстве кардинал Ратцингер) побудила отца Джуссани положить начало успешной серии CD-дисков «Spirto Gentil», познакомившей многих людей с самыми прекрасными и сильными образцами пения, мелодии, музыкальных творений.

В апреле отец Джуссани в последний раз участвовал в студенческих упражнениях, после того как более двадцати лет сопровождал это, как он считал, самое живое место в опыте Движения. Он говорил о «путешествии Леопарди»<sup>4</sup> и обратился с призывом, который прозвучал как передача эстафеты: «Доведите вы до полноты весь динамизм... главной причины нашей дружбы... которая есть свершение сердца, потребностей сердца и без которой единственным возможным следствием был бы нигилизм»<sup>5</sup>.

Такой расцвет человечности и вовлеченности стал удивительным «откликом» на все более тяжелое физическое состояние, затруднявшее, помимо всего прочего, речь. Эти конкретные

\* Духовные упражнения Братства «Общениа и освобождения». Римини, 24–26 апреля 1998 г.

<sup>1</sup> A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 1010.

<sup>2</sup> L. Giussani. *Uomo e il suo destino. In cammino*. P. 63.

<sup>3</sup> Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 1018.

<sup>4</sup> Cf. A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 1018.

<sup>5</sup> L. Giussani. *In cammino (1992–1998)*. Milano: Bur, 2014. P. 344.

обстоятельства могли бы остановить его, стать препятствием или же возражением, но он, напротив, принял их как «главный, а не второстепенный фактор [нашего] призвания»<sup>6</sup>. Болезнь еще больше сблизила отца Джуссани с Иоанном Павлом II, которого он неоднократно публично и приватно называл «отцом и учителем» и которого он поддержал во время подготовки великого юбилея 2000 года, ставшего предметом полемики и критики в печати.

Лекции духовных упражнений были записаны на несколько дней раньше. Размышления о природе веры и об интеллектуальном контексте современной эпохи достигают удивительной глубины и ясности: «три подмены» христианства и «пять без» современного рационализма станут важнейшими для христианского самосознания пунктами.

Отец Джуссани присутствовал на упражнениях и участвовал в собрании, где он ответил на вопросы и объяснил некоторые непонятные моменты. Это было начало долгой работы, продолжившейся в последующие годы.

Прямую трансляцию лекций и собрания по спутниковой связи смотрели в порядка десяти странах, еще двадцать четыре неевропейские страны в различных часовых поясах смотрели и слушали запись спустя несколько часов.

Как в предыдущие несколько лет и в последующие годы, на святой мессе в субботу предстоятельствовал и проповедовал президент Папского совета по делам мирян: сначала кардинал Эдуардо Пиронио, затем кардинал Джеймс Ф. Стаффорд и, наконец, монсеньор Станислав Рылко. Это был важный знак внимания Церкви и, в частности, папы в отношении движений и признания со стороны церковных властей того, что рождалось снизу как дар, играющий не последнюю роль для всей Церкви.

В конце мая в Риме прошел Всемирный конгресс церковных движений, завершившийся на площади Святого Петра встречей с папой. Выступая на открытии конгресса, кардинал Йозеф Ратцингер говорил о «чудесном событии» своей встречи с движениями в годы «зимы», наступившей в жизни Церкви<sup>7</sup>. Иоанн Павел II отметил взаимозначимость института и харизмы. В своем свидетельстве на площади Святого Петра отец Джуссани подчеркнул, что «подлинным главным героем истории является просящий: Христос, просящий сердце человека, и сердце человека, просящее Христа»<sup>8</sup>. Он вспоминал этот день, 30 мая, как «величайший в истории Движения»<sup>9</sup>.

<sup>6</sup> L. Giussani. *Uomo e il suo destino. In cammino*. P. 63.

<sup>7</sup> J. Ratzinger. *I movimenti ecclesiali e la loro collocazione teologica* // Pontificio Consiglio per i Laici. *I movimenti nella Chiesa*. Atti del Congresso mondiale dei movimenti ecclesiali, Roma 27–29 maggio 1998. Città del Vaticano: LEV, 1999. P. 23–24.

<sup>8</sup> Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека: Новое небо, 2019. С. 9.

<sup>9</sup> L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternita di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2002. P. 271–272.

# БОГ И СУЩЕСТВОВАНИЕ

## 1. Проблема познания

«Бог всё во всем»<sup>10</sup>. Как это связано с жизнью, отражается на ней? Тезис, не отражающийся на жизни, абстрактен, остается абстрактным или же кажется немного абсурдным. «Бог всё во всем» – поразительный вывод, к которому приходит разум, понимаемый в свете нашего реалистически естественного опыта разума, то есть разум, как о нем говорит здравая и подобающая человеку философия. Разум (напомним) – это потребность во всеобъемлющем смысле, открытость перед реальностью в целокупности ее факторов. «Бог всё во всем» – глубокое выражение разума, возможность в полноте утверждать ценность; это не абсурдная формулировка и не абстрактный тезис, а просто нечто поддающееся суждению и пониманию (или непониманию) как реальный жизненный фактор.

Если Бог есть всё во всем, мы должны посмотреть, как это отражается на нашей жизни. Как осознать это? Что значит осознать? Значит, прежде всего, *познать Бога таким способом, который повлияет на жизнь*. Бытие являет себя, действуя в нашем настоящем: оно существует, если действует перед нашим взором. Поэтому его познание подразумевает изменение, чей первый аспект – изменение самого образа действия человеческого ума. Следовательно, первый важный момент для достойного, с этической точки зрения, созидания, первый фактор, определяющий желание преобразить себя так, чтобы наше присутствие было полезно в мире и для мира, *лежит на уровне познания*. Любой поступок, любое действие предваряет проблема познания. Деятельность ума выражает *mens* субъекта, поскольку создает новый и точный ориентир в подходе ко всем вещам, обновляя их; в этом смысле можно говорить: *facta sunt omnia nova* [теперь все новое]<sup>11</sup>.

Необходимо осознать этические следствия того, что Бог есть всё во всем, и еще прежде – эстетическую силу, заключенную в том факте, что Бог есть всё во всем. Именно из этой эстетической силы возникает сама возможность этики; только в том случае, если Бытие притягательно, оно в состоянии завоевать внимание человека вплоть до жертвенности. Поэтому от человека требуется лишь одно: верно и преданно поддерживать в себе желание и готовность смиренно и послушно предстоять перед величием творящего его Бытия. Чтобы осознать этические следствия, мы должны *осознать, что есть менталитет*, который превознося, на первый взгляд, религиозное возрождение, на самом деле стремится замолчать Бога как всё во всем, превращая Его в отвлеченное понятие, предавая забвению или, еще хуже, отрицая. Необходимо осознать, в какой реальности мы живем, каков «культурный» (в полном смысле слова) контекст нашего пути.

Невозможно жить погруженными во всеобщий контекст и не испытывать на себе его влияние; мы тоже разделяем менталитет, в рамках которого Бог воспринимается как отвлеченное понятие, передается забвению или даже отрицается. В результате и мы на практике, в жизни доходим до отрицания того, что Бог есть всё во всем. В нашем беспокойном и запутавшемся духе присутствует ложь современного менталитета, который мы разделяем, будучи чадами определенной исторической реальности – человеческой жизни, и мы должны преодолеть все

<sup>10</sup> 1 Кор. 15:28.

<sup>11</sup> Ср. 1 Кор. 2:12; 2 Кор. 5:17; Кол. 1:16.

трудности, искушения, плачевные результаты, сохраняя надежду – жизнь жизни. Посмотрим теперь, как проявляется в нас ложь, исходящая от нашего мира.

## 2. Опыт и разум

*Отрицание* того, что Бог есть всё во всем, – итог иррелигиозности, чуждой становлению европейских народов.

Есть в нашем мире иррелигиозность, незаметно ни для кого начинающаяся с размежевания Бога как истока и смысла жизни (тесно связанного с происходящими событиями, с перипетиями человеческого существования) и Бога как объекта мысли, объекта определенной мысли, воспринимаемого согласно потребностям человеческой мысли. Это приводит к *отрыву смысла жизни от опыта*. Отрицание Бога, вплоть до отрицания высшего и очевидного для разума следствия, что Бог есть всё во всем, влечет за собой отрыв смысла жизни от опыта. Смысл жизни – Бог, а опыт – отношение между свободой человека и реальностью, в которую он погружен. Если Бог воспринимается в отрыве от опыта, если Он не влияет на жизнь, значит, смысл жизни оторван от опыта. Иначе говоря, хотя человек и идет по пути, смысл жизни больше никак не связан или же связан, но трудноразличимо, с моментом его существования. Однако невозможно разрушить связь между шагом, который человек совершает сейчас, и движущей им причиной! Ради чего он идет? Куда направляется? Он идет к смыслу жизни и своей судьбе.

Разрыв между смыслом жизни и опытом подразумевает также разрыв между нравственностью и человеческим действием: нравственность в этом случае не произрастает из того же корня, что и действие. В каком смысле? В том смысле, что нравственность, конечно, имеет отношение к человеческому действию, имеет отношение к опыту, но не произрастает из того же корня, не соответствует облику, чертам, которые придает нам опыт.

Так, помимо прочего, мы понимаем, откуда берется морализм. Это нравственность, которая парадоксальным образом не имеет ничего общего с действием, то есть не возникает одновременно с ним. Морализм – набор принципов, предшествующих человеческому действию и обуславливающих его, судящих о нем с теоретической точки зрения, отвлеченно, не объясняя, почему оно правильно или нет, почему человек должен или не должен совершать его. Априорно определяя действие, совершаемое человеком, морализм судит о том, что человек делает, не давая ему осознать действие или осмыслить свое делание в мире, свое следование по дорогам времени и пространства как реально возможное. В таком случае нравственность не произрастает из того же корня, что и действие, и в итоге она подчеркивает общие ценности, ценности общепринятые, и потому ее принципы либо основаны на расхожем менталитете, либо навязаны государством.

Суть проблемы проясняется в борьбе, разворачивающейся вокруг взгляда на *отношение между разумом и опытом*. Чтобы понять, достаточно взглянуть на утверждение «Бог есть всё во всем», которое наносит сокрушительный удар по наиболее распространенной формуле существования Бога: «Бог существует». Действительно, всегда легко утверждать некую высшую Сущность, существование Бога, замкнутого в Самом Себе, никак не связанного с человеческими поступками и разве что под конец выступающего как судья, который порицает или одобряет совершенное человеком. При определенном понимании взаимоотношений разума и опыта порядок великого Божьего замысла – мироздания – подрывается у корней. Нравственность, сведенная к морализму, описывает отношение между порядком Божьего замысла и человеческим действием в терминах априорного суждения, основанного на идеях. Тогда как, напротив,



то, к чему человек принадлежит, связь его действия с всеобщим замыслом, с целым, или то, как он не отвечает на этот замысел, неоспоримо окончательный и решающий, проявляется в опыте.

Жан Гиттон, подтверждая наше беспокойное чувство дискомфорта, укрепил в нас ощущение правильности нашего подхода к связи между разумом и жизнью, когда сказал о «„разумности“ подчинения разума опыту»<sup>12</sup>. В опыте реальность предстает перед человеческим сознанием, становится прозрачной для человеческого взгляда. Реальность – то, с чем мы сталкиваемся, данность, а разум – тот уровень творения, на котором оно обретает самосознание. Речь не о философии, а прежде всего о неотложной экзистенциальной потребности. Почему разумно подчинять разум опыту? Потому что опыт говорит нам о реальности, которой мы являемся и в которой находимся; реальность эта нам дана, мы сталкиваемся с ней, не мы ее сотворили, не мы придумали. С другой стороны, разум – тот уровень творения, на котором оно сознает само себя, сознавая некую данность, «нечто», с чем человек сталкивается. От такого самосознания рождается определение разума.

Чтобы защитить Бога в Его истине и защитить необходимое человеку осмысление жизни как принадлежащей Ему, а значит, и стремление во всем угождать этому высшему Творцу и Правителю всего сущего, нужно в первую очередь всем сердцем вернуться к слову «разум», которое является наиболее неясным словом современного дискурса. Если разум используется неправильно, то есть если разум выступает как «мера» реальности (а это всегда означает, что разум становится предвзятостью, чем-то инородным, вмешивающимся в опыт, чтобы преуменьшить и не признать то, что присутствует в нашей жизни), возможны три серьезные подмены, сказывающиеся на любом образе действий. В свете этих трех подмен мы можем увидеть и понять глубокое различие, пролегающее между христианской культурой и культурой мирской, нехристианской.

Говорить о культуре – значит говорить в целом о человеческом укладе нашего присутствия в мире, ведь культура не результат, к которому стремятся энтузиасты или специалисты: культура – это то, на основании чего человек выстраивает все свое поведение, то, что вдохновляет его поведение как первопричина всего, что формирует и развивает его вслед за эволюцией вещей и жизни, что утверждает конечную цель его действий, то есть его судьбу.

Если разум используется неправильно, если он используется как мера, возможны три серьезные подмены, сказывающиеся на любом поведении. И потому, чтобы говорить о нравственности, очень важно понимать и осознавать, к какому типу культуры мы принадлежим, мирскому или христианскому.

### 3. Три серьезные подмены

А. Первая подмена (я описываю происхождение нашего поведения в его драматизме и противоречивости): *идеология вместо события*.

Отношение с реальностью, в которой человек живет с утра до ночи, может быть непрерывной инициативой, непрекращающимися усилиями перед лицом происходящего, перед лицом того, что он испытывает. Или же человеком может что-то двигать, он позволяет чему-то двигать им, покоряется чему-то, что рождается, проистекает не от *его* способа реагировать на то, с чем он встречается, с чем сталкивается, а от *предвзятости*.

<sup>12</sup> Cf. J. Guignon. *Arte nuova di pensare*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 1991. P. 71.

Для христианина отправной точкой является Событие. Отправная точка для всего остального человеческого мышления – некое впечатление от вещей, некая их оценка, некая позиция, которую человек занимает «до» встречи с вещами, особенно – до вынесения о них суждения: даже когда человек улавливает и старается разделить конкретные человеческие потребности, он может осмысливать и воспринимать их предвзято. К примеру, случается авария в шахте или на железной дороге. Отношение человека к подобным фактам, бросающим ему вызов, часто не рождается от его трепета, от того, что он по-человечески ощущает перед лицом таких событий. Незаметно для него в его суждение о вещах как будто врывается нечто однажды услышанное, испытанное, то есть предвзятость. Человек отталкивается от предвзятой идеи, и потому в республиканской или либеральной газете об этом напишут в одном тоне, а в газете правящей партии – в другом. А предвзятая идея, то есть отправная точка человеческих действий, чтобы влиться в историю, чтобы преодолеть время, чтобы проложить себе дорогу среди человеческих мыслей и общественных суждений, должна развиваться. Ее развитие – логическое построение, превращающееся в идеологию. Логическое построение, исходящее из предвзятой идеи и стремящееся поддерживать и навязывать ее, называется идеологией.

Если же, напротив, истоком, основанием, образующим началом всего человеческого опыта является событие (единственная подлинная альтернатива предвзятости, что-то происходящее, с чем человек сталкивается), если критерием, определяющим человеческое поведение, является событие, оно перестраивается, вновь и вновь воспроизводится в истории, во времени, день за днем, час за часом; это событие узнается, потому что «что-то происходит» сейчас. Память – противоположность идеологии.

Наша жизнь по вере, жизнь христиан перед лицом мира заключается в этой важной альтернативе, которую мы не осознаем, если не уделяем внимания тому, кого Бог поставил во главе Своей Церкви. Об этом нам напоминает знаменитая фраза Алексиса Карреля: «Многие наблюдения при немногих рассуждениях ведут к истине [поддерживают реальную связь с тем, что есть], тогда как многие рассуждения при немногих наблюдениях ведут к ошибке [и разрыву связи]»<sup>13</sup>. Наша христианская жизнь, наша вера и наша конкретная нравственность, наша жизненная установка определяются либо действующими идеологиями, либо обстоятельствами, превосходством нашего существования, происходящих событий, вещей, с которыми мы сталкиваемся, вещей, на которые мы реагируем тем или иным образом, фактами: фактами как событиями. Рождение ребенка, к примеру, – это событие. Бывают события по значимости своей великие и ничтожно малые.

Итак, если истоком, основанием, образующим началом всего человеческого опыта является событие, его можно понять, оно поддается пониманию, потому что так или иначе происходит сейчас, в этот самый момент. Нельзя говорить о решающей важности прошлого для человека, живущего сегодня, если это прошлое не становится настоящим. Если это просто воспоминание (но невозможно, чтобы это было лишь воспоминание), оно не оставляет следа; если же это не просто воспоминание, значит, мы говорим о некоем факте из прошлого, влияющем на настоящее. Христианство – событие, и потому оно присутствует в настоящем, оно присутствует сейчас, и его отличительная черта – присутствие в настоящем как память, а христианская память не тождественна воспоминанию, точнее, это не воспоминание, а то же Присутствие, вновь осуществляющееся сейчас.

---

<sup>13</sup> Cf. A. Carrel. *Réflexions sur la conduite de la vie*. Paris: Plon, 1950. P. 28–33; ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. 2004. С. 5.

Только признание этого события не позволяет нам стать рабами идеологии. Вспомним, что любая идеология обладает своей дискурсивной системой, и в русле поддерживающей ее логики устремлена к власти или обладает властью (идеология способна парализовать человека), которая есть превосходство одной идеологии над остальными в заданный момент времени.

Христианство же, напротив, рождается как событие, воплощающееся в настоящем в виде памяти.

Б. Это наблюдение подводит нас ко второй подмене, значимой с культурной точки зрения и серьезной в этическом отношении. Серьезной в этическом отношении, потому что этика, которая вытекает из эстетики, путь, путешествие которой начинается с импульса, полученного от эстетического фактора, подразумевает великое определение понятия Бытия, то есть понятия Бога.

Если человек идет на поводу у господствующих идеологий, вырастающих из всеобщего менталитета, завязывается борьба, начинается разделение, разрыв между знаком и видимостью, *подмена знака видимостью*. Чем лучше мы сознаем, что такое знак, тем больше понимаем всю скверность и катастрофичность подмены знака видимостью.

Знак есть опыт чего-то присутствующего в реальности и отсылающего меня к иному. Знак – эмпирическая реальность, смысл которой – в иной реальности; он раскрывает свой смысл, ведя нас к иной реальности<sup>14</sup>.

Поэтому было бы неразумно, нечеловечно сводить опыт знака к его непосредственному восприятию, или к *видимости*. Непосредственно воспринимаемая сторона любой вещи, видимость, не передает в полной мере наш опыт о вещах, поскольку не передает ценности знака.

Огромное искушение для человека состоит в том, чтобы свести опыт знака, чего-то, что является знаком, исключительно к непосредственно воспринимаемой его стороне. Это неразумно, но все люди, будучи обремененными первородным грехом, склонны становиться жертвами видимости, того, что видно, поскольку это, кажется, самый простой способ использовать разум. При определенном расположении духа мы примерно так же поступаем с реальностью мира и существования (с отношением к обстоятельствам, к вещам, к семье, к воспитанию детей и т. д.): мы их замечаем, но при этом пресекая нашу человеческую способность углубляться в поиски смысла, на которые сам факт наших отношений с реальностью неоспоримо подталкивает человеческий ум. Таким образом пресекается способность человеческого ума погружаться в поиск смысла, к которому нас неоспоримо подталкивает отношение с тем, что нас затрагивает. Тогда как человеческий ум не может сталкиваться с чем-либо и не ощущать тем или иным образом, что это знак иной реальности, проникнутый иной реальностью.

Отголосок таких взглядов можно найти в высказывании Финкелькраута, развивающего мысль Ханна Арндт: «Идеология... не простодушное принятие очевидного, а его умелое устранение»<sup>15</sup>. Идеология есть устранение очевидного, истребление очевидного как смысла происходящих вещей, выхолащивание того, что видно, осязаемо, ощутимо. Таким образом у человека ни с чем больше нет отношений. Когда Сартр говорит о своих руках («Мои руки, что такое мои руки?»), он определяет их как «неизмеримое расстояние, отделяющее [его] от мира вещей и навсегда разлучающее с ними»<sup>16</sup>. Тем самым он устраняет очевидное, сиюминутное. Устранять сиюминутное – значит, например, утверждать, что происходящее «происходит,

<sup>14</sup> Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 129.

<sup>15</sup> А. Finkelkraut. *L'umanità perduta. Saggio sul XX secolo*. Roma: Liberal, 1997. P. 88; см. Х. Арндт. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом, 1996. С. 611, 615.

<sup>16</sup> Ср. Ж.-П. Сартр. *Тошнота. Стена*. Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000. С. 150–151.

потому что происходит», и таким образом избегать насущной потребности смотреть на настоящее, определенное настоящее в его отношении с целым.

Идея знака, напротив, действительно впускает в жизнь смысл вещей.

Тайна (Бог) и знак (сиюминутная реальность, отсылающая к чему-то другому; даже мельчайший камушек, будучи самим собой, отсылает к истоку Бытия), Тайна и знак в некотором смысле совпадают, ведь Тайна есть глубина знака, знак указывает на присутствие глубокой Тайны, Бога – Творца и Искупителя, Бога-Отца. Знак указывает нашим глазам на присутствие Другого, глубокой Тайны, затрагивающей все, указывает на него нашим глазам, нашим ушам, нашим рукам. Тайна через знак становится опытом.

Чуткое восприятие всех вещей как знака Тайны есть незыблемая истина человеческого существа. Ему противостоит тирания власть имущих, движимых идеологией, которая отрицает подобный взгляд человека на вещи. И тогда даже события и происшествия, становятся настолько неустойчивыми в своей сиюминутности, что уже не влекут за собой никаких жизненных изменений, не привносят в жизнь ничего выразительного.

Идеология склонна утверждать кажущееся как конкретное, а кажущееся – только то, что видно, слышно, осязаемо. Однако взгляд, свойственный человеку, – это взгляд разума, который (если он остается цельным) пронизывает соприкосновение «я» с тем, с чем оно сталкивается, проясняя его и судя о нем, то есть признавая одно в его связи с другим. В самом деле, суждение возможно только при наличии предполагаемой глубины.

Итак, в некотором смысле Тайна и знак совпадают, а Тайна входит в опыт через знак. Когда христианин осознает, что вся реальность устроена в соответствии с этим методом Бога, он лучше понимает значение таинств. Реальность происходит от Творца, она заключает в себе отсылку к Творцу и указывает на Него; благодаря реальности в недрах наших отношений с вещами появляется ощущение чего-то другого, кого-то Другого.

Таинство отличается от всех прочих знаков. В таинствах, придуманных, созданных Христом ради порождения в мире нового народа, подобного реке, вливающейся в море человечества, подобного первоначальному откровению в истории бесконечной Тайны, навстречу которой человек идет до конца своих дней (это начало вечности в истории), в таинствах, созданных Христом, Богочеловеком, вочеловечившимся Богом, Иисусом из Назарета (это Он их выстроил, Он предложил), знак достигает полного тождества с Тайной. Например, в Евхаристии. Но и во всех остальных таинствах есть эта всеобъемлющая отсылка: знак в прямом смысле совпадает с Тайной. Именно это проявляется в таинствах: от Крещения, которое есть всецелое преобразование нашего существа, до Евхаристии, в которой в полноте выражается описанное совпадение, до Покаяния, до отождествления с определенной задачей, как в Священстве или Браке. В таинстве человек очищается от окалины, удерживающей его в плену и склоняющей жить подобно животному.

Поэтому мы в нашей жизни противимся триумфу видимости над перспективой, предлагаемой знаком; мы сражаемся за новую нравственность, нравственность более совершенную, о которой Иисус говорит: «Я пришел в мир не нарушить закон, а поддержать его, чтобы он исполнился»<sup>17</sup>. Вот человеческое спасение: «Не встретить я Тебя, Христе, я не был бы более человеком», – могли бы сказать мы. «Встретив Христа, я открыл в себе человека»<sup>18</sup>, – говорит ритор Марий Викторин.

Таинства – способ, с помощью которого Тайна отдает Себя, дарует Себя ничтожеству, творя мироздание, личность и мироздание. Метод, с помощью которого Бог сообщает Свое суще-

<sup>17</sup> Ср. Мф. 5:17.

<sup>18</sup> «Cum cognoscimus Christum, viri efficimur et iam non parvuli». Gaio Mario Vittorino. *Commentarii in epistulas Pauli ad Galatas, ad Philippenses ad Ephesios*. Libro II. Cap. 4. V. 14.

ствование, дает Свое бытие, делает вещи причастными к Своему бытию, – это таинства. Для сообщения Тайны нужен таинственный метод. Все является Его знаком, и высшая степень этого метода, по аналогии, существующей между вещами, между смыслом вещей, есть таинство Его присутствия в мире, поскольку всякое таинство есть присутствие в мире Христа умершего и воскресшего. То, что рождается и меняется под воздействием, светом и нежностью Крещения и других таинств, зовется Церковью, мистическим Телом Христовым.

Бог задумал отношение с творением как отношение с бескрайним роем знаков: все является Его знаком. Христос пришел, чтобы сказать нам об этом, потому что Бог пожелал от нас все. И потому реальность, созданная как знак Бога, вся сводится к созерцанию Христа. Хорошо обращаться, хорошо обходиться с творением – значит познавать Христа, чтобы познать Бога. Так в человеке начинается изменение.

В. Устранение ценности знака подразумевает (с одной стороны как причину, а с другой как следствие) *подмену сердца чувством*.

Мы принимаем за главный двигатель, за главную причину наших действий не сердце, а чувство. Что это значит? Наша ответственность становится тщетной именно так: мы уступаем чувству и опираемся на него больше, чем на сердце, сводя тем самым понятие сердца к понятию чувства. Сердце же, напротив, есть основополагающий фактор человеческой личности и действует как таковой, а чувство – нет, поскольку само по себе чувство действует реактивно, по сути своей оно животно. «Я еще не понял, – говорит Павезе, – в чем состоит трагизм существования... И все же предельно ясно: нужно прекратить предаваться сладострастию, перестать принимать душевные состояния за самоцель»<sup>19</sup>. Состояние души, чтобы оставаться достойным, должно иметь совсем иное предназначение: его предназначение – быть условием, заложенным Богом, Творцом, через которое человек очищается. Тогда как сердце представляет собой единство чувства и разума. Для этого необходимо воспринимать разум не закрепощенно, во всей широте его возможностей: разум не может действовать без того, что называется привязанностью.

Сердце как разум и привязанность есть условие здравого приложения разума. Разум является разумом при условии, что привязанность охватывает его и тем самым движет всем человеком. Разум и чувство, разум и привязанность – вот что такое человеческое сердце.

#### 4. Искажение религиозности

До сих пор я намеренно настаивал на том, что в каком-то смысле представления о жизни, согласно которым мы живем, то есть которые побуждают нас действовать определенным образом или определенным образом выстраивать наше существование и сосуществование с другими, находят в разуме орудие и нападения, и защиты. У нас не может быть иной отправной точки, кроме любви к разуму, кроме доверия разуму. Именно поэтому с самого начала нашего Движения мы признавали, что первым делом нужно прояснить для себя ценность разума.

Я также хотел подчеркнуть позицию современного мира, того, который, по словам Иисуса, «весь погряз во лжи»<sup>20</sup>. Ложь – говорить: «Бог есть, но „Бог всё во всем“ – абстрактные слова». По сути это значит отрицать Его, поскольку все, отрицающие Бога как всё во всем, отрица-

<sup>19</sup> С. Pavese. *Il mestiere di vivere...* P. 66.

<sup>20</sup> Ср. 1 Ин. 5:19. Пер. А. Десницкого.

ют Бога. Вышеописанная ситуация характерна для культурных и, следовательно, социальных тенденций политики нашего времени. Речь о длительном процессе, в результате которого удалось – медленно, но верно – напитать все умы определенными предубеждениями, предвзятыми принципами, предустановленными указаниями к действию.

В конце долгого пути забвения о том, что «Бог есть всё во всем», в это последнее столетие *религиозное чувство*, присущее человеческой природе, заявляет о себе с безрассудной свободой, искажаясь, в постепенном уничтожении религиозности, присущей Христу, а значит, и религиозности, чудесным образом явленной в истории еврейского народа в подтверждение своей истинности, своего конечного смысла. Как еврейский народ терпел нападки тех, кто не принимал Бога, единственного Бога, сотворившего все, так и сегодняшняя ситуация враждебна религиозности, присущей Христу, Наследнику всего по-человечески непостижимого феномена еврейского народа: история еврейского народа была пророческой предпосылкой того, что Христос изъяснил Самим Собой. Именно к такой религиозности мы призваны. И потому борьба в нас разворачивается между религиозностью Христа и Библии, христианской и еврейской традиции и антихристианским богом.

Отрицание, что Бог есть всё во всем, обнаруживает наличие антихристианства в становлении человека и, следовательно, общества; оно приводит к уничтожению религиозного чувства, присущего Христу и Церкви, а значит и человечеству, которое оно охватывает и которое его получает.

Даже в Церкви, стало возможным подобное непонимание, поскольку ее пастыри и крещенные подверглись влиянию другой культуры, позволяют ей влиять на себя. Это видно по продвижению миссионерской деятельности как в отношении отдельного человека, так и всего общества. Продвижение миссии – конечная цель существования христианина и развития всех изменений в обществе – зашло в тупик, кульминацией которого стала определенная пред- и постсоборная критика, когда стали даже говорить, будто миссионерская деятельность направлена против свободы человека, тогда как миссионерская деятельность есть высший плод верности Христу.

В «Письме к христианам Запада», которое никогда не будет прочитано и перечитано достаточно, Йозеф Звержина, великий чешский богослов, на долгие годы осужденный пражским режимом, один из самых авторитетных и, увы, немногочисленных богословов, защищавших Церковь, писал в 1970 году: «Братья, вы самонадеянно полагаете, что приносите пользу Царству Божию, вбирая, насколько возможно, *saeculum* (век сей. – *Примеч. перев.*), его жизнь, его слова, его слоганы, его образ мыслей. Но, прошу вас, задумайтесь, что значит принять это слово. Не значит ли это, что вы медленно потеряли себя в нем? К сожалению, похоже все именно так. Теперь уже трудно найти и различить вас в этом вашем странном мире. Вероятно, мы еще узнаём вас, потому что процесс отнимает у вас много времени; вы приспосабливаетесь к миру, неспешно ли или торопливо, но вечно с опозданием. Мы благодарны вам за многое, едва ли не за все, но в чем-то должны с вами разойтись. У нас много причин восхищаться вами, и потому мы можем и обязаны обратиться к вам с таким увещанием: „Не сообразуйтесь с веком сим [говорит апостол Павел], но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная [«Бог всё во всем» – говорим и подсказываем мы]“.

Не сообразуйтесь! *Mé syskhematizesthe!* Как хорошо виден в этом слове словесный и извечный корень: схема. Говоря коротко, всякая схема, всякий внешний шаблон [то, что не происходит от веры, не рождается от опыта веры] пусты. Мы должны желать большего. Апостол требует от нас: „Облеките в новую форму ваш образ мыслей!“ <...> Противоположностью застывшей

форме – *skhêma* или *morphé* – выступает *metamorphé*, изменение твари [*skhêma* или *morphé* означают застывшую форму, утверждают некую застывшую форму; *metamorphé* утверждает то, чему суждено меняться, что меняется, что производит в твари непрерывное изменение]. Изменение происходит не по какому-то шаблону, который в любом случае всегда не в моде, оно есть абсолютная новизна во всем ее богатстве [как Христос]. Меняется не лексика, а смысл. <...>

Мы не можем подражать миру именно потому, что должны судить о нем, и не с гордыней и превосходством, а с любовью, как когда Отец возлюбил мир и провозгласил о нем Свое суждение [Христа; Его суждение – Христос. Папа в своей энциклике *Dives in misericordia* говорит, что у милосердия в человеческой истории есть имя: Иисус Христос. Суждение Бога – это милосердие].

Мы пишем как немудрые вам, мудрым, как немощные вам, сильным, как ничтожные вам, еще более ничтожным. И это нелепо, ведь среди вас наверняка есть превосходные мужчины и женщины [есть среди вас кто-то превосходный, кто продолжает пребывать в вере и не гоняется за новшествами мира сего]. Но как раз потому, что кто-то есть, нужно писать нелепо, как учил апостол Павел, повторяя слова Христа об Отце, Который утаил мудрость от тех, кто много знал»<sup>21</sup>.

Это объясняет, как в Церкви стало возможным непонимание проблемы: проблемы христианского воспитания, миссии, обращения, созидания Церкви. Эти проблемы требуют изменения, их отправная точка – в изменении, которое должно произойти в человеке. Изменения, произошедшие в других людях, в тех, с кем он сталкивается, помогают христианину осознать это изменение в самом себе и продвинуться в нем. Чудо есть такое изменение себя.

## 5. Традиция и харизма

*Верность Христу и Преданию* должны поддерживаться и подкрепляться церковной средой, по-настоящему сознающей необходимость такой верности. Это заключительный пункт всех моих размышлений.

Церковная среда, необходимая, чтобы поддерживать и подкреплять, должна по-настоящему сознавать, что значит верность Христу и Преданию, как жить истинно христианской памятью, а не поминовением мертвых. И потому так весомо, с нравственной точки зрения, участие в церковном движении, *принадлежность* к среде, где Дух, исходящий от Крещения, принимает конкретные формы, наглядные и убедительные. Этот дар Духа называется *харизмой*. Но харизма не является таковой, если она не признана авторитетом Церкви, или папой.

Первое нравственное следствие призыва непрестанно жить даром, который мы получили, – в полной открытости сердца прислушиваться к указаниям Движения: принадлежность к Движению, проживаемая с простотой и великодушием, есть источник света и утешения для всей нашей жизни, она подводит нас к новому мышлению, облегчает и обеспечивает его и обязывает к новой нравственности. Принадлежность к Движению, будучи конкретным с экзистенциальной точки зрения опытом переживания нового мышления во Христе и новой нравственности, подводит к новизне веры, веры, которая обычно угасает в сердце людей, по мере того как ответственные за них предают. Речь о *trahison des clercs*, как говорил Жюльен Бенда, о предательстве интеллектуалов, а интеллектуал – тот, кто учит, воспитывает, врач, помогающий, лечащий.

Нет другого способа, более простого, более убедительного, более сильного, которым Дух может достичь нас, – только через реальность настоящего, через контекст настоящего.

<sup>21</sup> J. Zvěřina. *Op. cit.* P. 177.

Сказанное никак не противоречит послушанию, которое нам надлежит проявлять по отношению к епископу или настоятелю; более того, этот фактор поясняет послушание, поддерживает послушание. Послушание, к слову, присуще самой динамике верности Христу и Преданию. Харизма, признанная Церковью есть дар Духа Христова, побуждающий полноценно жить в рамках института, как в месте, где Христос – событие, происходящее в настоящем. «Подлинное движение, – говорил Иоанн Павел II, – существует как душа-кормилица внутри института. Это не альтернативная ему структура, а, напротив, источник присутствия, непрерывно возрождающего его экзистенциальную и историческую подлинность»<sup>22</sup>. Священник, переживающий принадлежность к Движению активно и разумно, своим образом жизни, тем, как он укрепляет приход участием других людей, делает его красивым и простым.

В другой раз папа дошел до сердцевины этого суждения: «В Церкви институциональный и харизматический аспекты... взаимозначимы и служат жизни, обновлению, освящению, пусть и по-разному»<sup>23</sup>. Харизма, если за ней следуют с верностью, подводит к верности Христу через верность институтам. Харизма и институты равно существенны для определения христианской жизни в Церкви, в церковной жизни. И потому движение является наглядным примером и образцом, оно убедительно и полезно для пастырской жизни в епархиях и приходах.

Такой способ жить даром Духа должен насквозь пронизать личность каждого отдельного человека. Дух Святой призывает каждого к той или иной харизме как раз, чтобы помнить об этом. Все харизмы, признанные Святой Церковью, взаимозначимы для христианского института.

Мы по-настоящему живем харизмой в той мере, в какой соотносим всю нашу жизнь с идеалом этой харизмы, как его утверждают те, кого Церковь признала для себя гарантом истинности дара Духа. Следовать за ними – высшее послушание, устремленное к тому, чтобы воплотить – до последней фибры – подражание Христу и верность Церкви. Вера таким образом предстает как неиссякаемый источник и непреходящая цель Воплощения – главного метода Тайны. Поскольку миссия существует и живет как свидетельство, только живая вера осуществляет миссию, ведь только живая вера изменяет, обеспечивает изменение, с которым любой человек может встретиться и, испытав потрясение, последовать за ним. Это показывает, каким образом вера открывает нас для иного образа мышления и иной нравственности, как перед лицом мира, так и в самой Церкви, которая является человеческой реалией, а значит, подвержена влиянию окружающей среды.

Изменение, происходящее в нас благодаря вмешательству Движения в нашу жизнь и той последовательности, какой оно просит у нас, должно начинаться сознательно, обоснованно, то есть иметь первым местом события познание, поскольку все, что человек делает, зависит от того, как он мыслит. Такой способ познания может ограничить или устранить видение, которое навязывает нам мир и в силу которого с Богом обращаются скверно, Его не утверждают так, как Он того хочет, потому что Бог утверждается во Христе. Мы не можем познать Тайну, если нам о ней не говорит Христос. А Церковь (это сравнение, не богохульство) наиболее ясным, убедительным и поддерживающим развитие жизни образом воплощает Христа в движениях. Дух Христов, сотворивший Церковь и пославший ее в мир, утешает, назидает и укрепляет ее с помощью харизм: Он достигает определенных людей через ту или иную харизму, чтобы вся Церковь сознательно обновилась и возродилась в глазах всех людей.

<sup>22</sup> Иоанн Павел II. *Обращение к священникам из движения «Общение и освобождение»*. 12 сентября 1985 г. П. 3.

<sup>23</sup> Иоанн Павел II. *Обращение к церковным движениям во время Международного симпозиума*. 2 марта 1987 г. П. 3.



## ВЕРА В БОГА ЕСТЬ ВЕРА ВО ХРИСТА

### 1. Новое мышление

Вера открывает нас для «иного образа мышления», отличного от того, в какой мы погружаемся каждое утро, когда просыпаемся и выходим из дома (и даже когда остаемся): для иного образа мышления (образ мышления – отправная позиция для всех человеческих действий), а значит, и для «иной нравственности, поскольку действие, посредством которого человек самореализуется, может быть в большей или меньшей мере связано (или совсем не связано) с целым, с целокупностью вещей. И как разум есть осознание реальности в целокупности ее факторов, так и нравственность есть взаимоотношение отдельного действия с целокупностью факторов, свойственных мирозданию. Как уже говорилось, вера порождает другой образ мышления и другую нравственность и перед лицом мира, и в самой Церкви, которая является человеческой реалией, а значит, подвержена влиянию мирской среды.

«Всё и во всех Христос». Вернемся к этой теме и спросим себя, как она отражается на жизни. «Всё и во всех Христос» значит, что поведение Иисуса из Назарета и Его позиция в отношении с Отцом, с тайной Отца, опирающиеся на Его познание Отца, должны отражаться на жизни всех людей, каждый человек должен им подражать, должен их усвоить.

Подобно Иисусу, мы должны предстать перед Отцом. Вот главная тема: «Всё и во всех Христос», чтобы Бог был «всё во всем». И потому тему, которую нам предстоит развить, обобщенно можно сформулировать так: *вера в Бога есть вера во Христа*. Нужно посмотреть, как глубокий смысл этого утверждения влияет на жизнь. Чтобы понять, что оно означает для жизни человека и для человеческой истории, каждому из нас необходимо познавать Иисуса Христа, пытаться отождествить себя с Ним, подражать Ему и идти за Ним. Первое следствие подражания Христу в человеческой жизни (а Христос должен быть «всем во всех») – *новый образ мышления*, новое сознание, не сводимое ни к какому государственному закону или социальному укладу, новое сознание как источник и как отголосок подлинного отношения с реальностью во всех деталях, которые подразумевает существование.

Мирской менталитет затрагивает весь горизонт того, чему человек, взрослея, учится. Новый образ мышления приходит ему на смену с трудом и в борьбе: новое сознание христианина, подражающего Христу, целиком и полностью призвано к ответу перед лицом того, что говорит господствующий менталитет. Последний пускает в ход весь свой обман, делая вид, будто о Боге можно говорить, минуя Христа. Таков принцип отношения с реальностью, характеризующий противостояние между Христом и миром. «Христос пришел в мир в споре с миром»<sup>24</sup>, – говорил монсеньор Гарофало. Или, точнее, Он пришел в мир не «в споре» с миром, Он пришел в мир, явив и сообщив Себя Самого, Свою тайну, иными словами, выступив с неким предложением. Это мир восстал против Него.

Господствующий менталитет самонадеянно утверждает, будто можно говорить о Боге, минуя Христа. Что же касается Тайны, то, что Сама Тайна сообщила нам, то, что нам было дано в Откровении, – это Человек Иисус Христос. Человек этот есть свод и средоточие всего, что Тайна пожелала сообщить о Себе человеческой твари. Ради этого Слово стало плотью. «Фи-

<sup>24</sup> Cf. S. Garofalo. *Il regno che non è di questo mondo*. Milano: Vita e Pensiero, 1962. P. 25–33.

липп, видящий Меня, видит Отца»<sup>25</sup>. Мы не можем познать Бога иначе, чем через Христа<sup>26</sup>. Любое познание тайны окажется лишь ограниченным человеческим толкованием, если оно не проходит через того Человека, Иисуса из Назарета, Которого Бог приобщил к Своей природе, чтобы сказать о Себе человеку, чтобы сообщить человеку о Себе как о Тайне. Человек и Тайна: вот кем был Иисус, кем является и будет Иисус. «Христос вчера, сегодня и вовеки»<sup>27</sup>.

*Вера* как реальное поведение человека в отношении Бога – это не общее понятие; вера есть *вера во Христа* – Знак всех знаков, Человека, в Котором Тайна явила Себя. Иисус был человеком, подобно всем остальным, Он был человеком, не выходящим за рамки определения человека, но Человек этот говорил о Себе то, что другие не говорили, Он говорил и действовал иначе, чем все остальные. Знак всех знаков. Те, кого однажды сотрясло Его притязание, кто однажды познал Его, воспринимали Его, видели Его, трактовали Его как знак иной реальности, отсылавшей к чему-то иному. Из Евангелия от Иоанна ясно, что для Иисуса Его притягательность в глазах других людей в конечном итоге не замыкалась на Нем, а вела к Отцу: притягивал Он, но для того, чтобы вести к Отцу через познание и послушание.

В этом смысле вера во Христа превосходит религиозное чувство мира и вносит в него бóльшую ясность. Вера указывает на объект религиозного чувства, недоступный разуму.

В одиночку разум не в состоянии понять все то, что говорит Христос, поскольку Христос открывает, выявляет новое и непредставимое, открывает, когда люди уже привязались к Нему: «Он пришел в то место и не совершил там многих чудес». Почему? «По неверию их»<sup>28</sup>. Он не находил в людях веры, а там, где не слушают, нет смысла и говорить. Верить во Христа, как явствует из возникновения христианства, – значит познавать исключительное Присутствие, испытать потрясение от него и, следовательно, прилепиться к тому, что оно говорит о Себе. Это факт, факт, благодаря которому стало возможным возникновение христианства в мире. Мы не хотим ничего иного, только познавать произошедшее и жить им, как говорил Лаврентий Пустынный в далекие времена раннего Средневековья, выражая причину и образ своей жизни: «Тогда я понял, что вся моя жизнь пройдет в тщании осознать то, что со мной произошло. И Твое „слово“ исполняет меня молчанием».

Верить – значит признавать исключительное Присутствие, быть пораженными им, поражаться ему вне всякого сравнения с любыми уже пережитыми или возможными в будущем обстоятельствами и прилепляться к тому, что оно говорит о себе, ведь, не прилепляясь, мы противоречили бы суждению об исключительности, которое вынесли, которое мы вынуждены были вынести. И потому вера есть действие, имеющее своей отправной точкой разум. Разум не как способность или притязание описывать Бога, говорить о Боге, подменяя собой Откровение, а разум, утверждающий, что Тайна существует и без нее человек не может обладать разумным взглядом на реальность. Иначе говоря, отправная точка веры – разум как осознание реальности, или как религиозное чувство человека.

Вера есть суждение, а не эмоция, это не изменчивое чувство, определяющее существование Бога по нашему усмотрению и переживание религиозности – как нам заблагорассудится. Вера есть суждение, утверждающее некую реальность, присутствующую Тайну.

Вера разумна, поскольку она цветет на крайнем пределе динамики разума как цветок благодати, к которому человек прилепляется своей свободой. И каким же образом человек своей свободой прилепляется к этому цветку с его непостижимым началом и строением?

---

<sup>25</sup> Ср. *Ин.* 14:9.

<sup>26</sup> Ср. *Ин.* 1:18.

<sup>27</sup> *Евр.* 13:8.

<sup>28</sup> Ср. *Мф.* 13:58.

Прилепяться своей свободой – значит для человека в простоте принимать то, что разум ощущает исключительным, с уверенной непосредственностью, как принимают неопровержимую и несокрушимую очевидность факторов и моментов реальности, появляющихся на горизонте нашей личности. Этот феномен – часть человеческой динамики. Осознание и познание реальности приносят разные результаты в зависимости от того, какие устанавливаются связи. Настоящее суждение рождается от простоты сердца. Так событие Христа сразу же переживается как исключительное, потому что оно исключительно; но, чтобы объять его во всей его инаковости, разум должен в простоте сразу же принять, признать происходящее, произошедшее с уверенной непосредственностью, как перед лицом любого очевидного события реальности. Потому что до всего остального, до суждения Иоанна о том Человеке, до суждения Петра о том Человеке, до их суждения и их присоединения была простота, было простое сердце, были простые глаза и устремленность, было простое желание, готовое воспринять, способное ясно воспринять то, с чем они встретились, тот аспект реальности, с которым они столкнулись.

Кардинал Ратцингер, великий защитник веры в наши недобрые времена, пишет по этому поводу: «Одна из функций веры, притом не самая последняя, – способствовать восстановлению разума как разума, не применять к нему насилие, не оставаться чуждой ему, а возвращать его к самому себе. Исторический инструмент веры способен вновь освободить разум как таковой, чтобы он, будучи поставленным верой на благой путь, мог видеть сам... Разум не восстанавливается без веры, а вера без разума не становится человеческой... Как же вере до сих пор удастся быть успешной?» Тот факт, что есть молодые люди, культурно осведомленные, верующие, неизбежно вызывает такой вопрос. «Я бы сказал, – отвечает Ратцингер, – причина в соответствии, которое она находит в человеческой природе... В человеке живет неугасимое желание бесконечного. Ни один из искомых ответов не является достаточным. Лишь Бог, сделавшийся конечным, чтобы преодолеть нашу конечность и привести ее в пространство Своей бесконечности, способен удовлетворить потребности нашего существа»<sup>29</sup>.

В современную эпоху рационализм, утратив подлинную природу разума, возводит в привычку путаницу между религиозным чувством и верой, отсекая тем самым и подлинную природу веры. Этот довод в наибольшей степени указывает на происхождение и обобщает доказательства всех недугов современного мира с точки зрения отношений с Богом и религиозной истории человечества. Современный рационализм, навязывающий себя сегодняшнему человеку в современном обществе как приоритетный критерий, делает нормальной путаницу между религиозным чувством и верой, отрицая подлинную природу веры, состоящую в суждении, к которому присоединяется свобода: привязанность придает полноту этому суждению.

Путаница между религиозным чувством и верой вносит сумятицу во все. Крах подлинной природы веры, как она запечатлена в Предании, то есть в жизни Церкви, крах веры как признания, что «Христос – всё во всех», как уподобления и подражания Христу, положил начало современной растерянности, имеющей многочисленные и четко различимые аспекты. Остановимся подробнее на этих аспектах, которые, характеризуя современную растерянность, могут вскрыть всеобщие трудности и заблуждения.

---

<sup>29</sup> J. Ratzinger. *La fede e la teologia ai giorni nostri // Enciclopedia del cristianesimo*. Novara: De Agostini, 1997. P. 30.

## 2. Пустая вера: пять «без» современного рационализма

А. Первое следствие рационализма можно выразить формулой: *Бог без Христа*. Оно заключается в отрицании того факта, что лишь во Христе Бог – Тайна – может явить Себя нам как Он есть. *Бог без Христа*, или *фидеизм*: вот отличительная черта всех воззрений, которые, отсекая разумность веры, самонадеянно пытаются связать определение Бога с идолопоклонством какой-то одной частности, воспринятой или унаследованной от той или иной этнической или культурной традиции или же зафиксированной собственным воображением или собственной мыслью. Формально рациональными приемами и доводами фидеизм выхолащивает саму основу всего христианского опыта, религиозного обращения нашей жизни, присущего нам чувства Бога и любых наших нравственных усилий.

Б. Второе следствие: *Христос без Церкви*. Если первый аспект соотносился с фидеизмом, второй, возникающий непосредственно за ним, можно назвать *гнозисом*, *гностицизмом*, как бы он ни проявлялся.

Отвергая тот факт, что Христос был человеком, реальным, историческим человеком, мы отвергаем саму возможность христианского опыта. Христианский опыт есть человеческий опыт, и потому он соткан из времени и пространства, как всякая реальность, в том числе и материальная. Без материальной стороны опыт Христа, который человек переживает, лишен возможности проверить Его современность, то есть истинность того, что Он говорит о Себе. В среде, подверженной влиянию рационализма, реальность, сотканная из времени и пространства, не рассматривается как место, где рождается опыт высшего смысла человека: высший смысл человека не проникает в повседневный опыт.

Без такой конкретности думать о Христе нельзя; мы бы редуцировали и видоизменяли то, что Христос сказал о Себе, откровение, которым Христос является в руках Божиих. Тертуллиан утверждает: «*Caro cardo salutis*» – «Плоть есть якорь спасения»<sup>30</sup>. Начало и стержень спасения заключены в плоти: Бог входит в человеческий опыт во Христе. «*Caro cardo salutis*» означает, что, если якорь спасения – плоть, если начало и стержень искупления заключены в плоти (во Христе, умирающем и воскресающем), Бог как Христос, как природа Христа, как Тот, Кто «вобрал» в Свою природу Иисуса из Назарета, входит в человеческий опыт: Бог во Христе входит в человеческий опыт.

Устранение плотского начала, заложенного в любом человеческом опыте, в том числе и в опыте Иисуса Христа, сводит Его, а значит, и Церковь, к отвлеченному понятию, умаляя Его до одной из множества религиозных моделей. Все тот же Ратцингер пишет: «Отождествление отдельной исторической фигуры, Иисуса из Назарета, с *самой реальностью* [реальность есть Сущий, поэтому речь тут идет об отождествлении Иисуса из Назарета с Тайной, с исток-ом реальности], то есть с Богом живым, отвергается как откат к мифу; Иисус явным образом релятивизируется как один из многочисленных религиозных гениев. Абсолютное, вернее, Тот, Кто есть абсолют, не может пребывать в истории: в ней существуют лишь модели, лишь идеальные фигуры, отсылающие нас к совершенно другому – к тому, что нельзя постичь в истории»<sup>31</sup>. Рационализм «на уровне догмы» утверждает, что Бог Христос как таковой недостижим в материальности человека, или, иными словами, в истории (хотя на самом деле ее течение направляет Тайна).

<sup>30</sup> Тертуллиан. *О воскресении плоти*. 8 // Тертуллиан. *Избранные сочинения*. М.: Прогресс, 1994. С. 195.

<sup>31</sup> J. Ratzinger. *La fede e la teologia...* P. 24.

Итак, неприятие христианства в современном мире совпадает с отрицанием: Иисус не может быть Богом, поскольку нельзя говорить о Боге, ставшем человеком. Тем самым христианство перечеркивается, ведь оно не может сосуществовать с истолкованием, ограничивающим природу и следствия грандиозного утверждения: Бог стал человеком. И потому «Иисус» – это обращение, которое проще дается человеку из народа, простому человеку, человеку в его простоте: он обращается к Иисусу. Однако, если не учитывать, что Иисус есть Христос, Сын Божий, Человек избранный, Которому по природе, по происхождению суждено быть причастным к Тайне Бога, тогда обращение «Иисус» или привязанность к Иисусу лишается смысла: Человек Иисус не становится «местом» притягательности, внезапным, немислимым образом открывающим нас для Бесконечности. Противоположностью является «да» Петра. «Да» Петра основано на притягательности и привязанности, которые пробуждал Иисус во плоти. Он был Человеком, поразившим Иоанна и Андрея.

Святой Бернард говорит: «Что по природе Он знал от века, тому Он научился опытом человеческим»<sup>32</sup>. Эта фраза ясно и емко описывает Иисуса как «Бога, ставшего человеком». Тому, что Он по Своей божественной природе знал от века, Христос научился через человеческий опыт. И потому именно от человеческого опыта Иисуса мы должны отталкиваться, чтобы прийти туда, куда Он хотел нас привести, – к послушанию Отцу и к Его умению смотреть на вещи и ценить их, к Его умению утверждать красоту и благо, поскольку, как говорится в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, «Бог любит то, что сотворил, все дела Господа прекрасны»<sup>33</sup>. Только отталкиваясь от человеческого опыта Иисуса, можно прийти до подражания Христу в послушании Отцу, в послушании Тайне.

В. Третье следствие влияния, которое рационалистический мир оказывает на нашу жизнь, в том числе и церковную – частную или общинную, выражается в *Церкви без мира*. Отсюда вытекают *клерикализм* и *спиритуализм* – двойная редукция ценности Церкви как Тела Христова.

Христианская религиозная жизнь определяется этатизмом, который также однобоко называют «клерикализмом». В результате христианская религиозность существует в рамках законнически понимаемых правил (фарисейство), и потому человек практически становится приспешником власти (гражданской, политической или религиозной). Во времена Иисуса это были фарисеи (религиозная власть) и римляне (политическая власть), сегодня *рашотана* имеет другие очертания и связывается с именами других народов. Но и сегодня, как тогда, все религии приемлемы, если подразумевают поклонение императору, поклонение правящей власти.

Вот почему нам так близка ирония Шарля Пеги, когда он говорит об истине, которой живет, к которой пытается приспособиться: «Так мы постоянно дрейфуем между двумя священниками, лавируем между двумя семействами священников; между священниками светскими и священниками церковными; священниками церковными антицерковниками и священниками церковными церковниками; священниками светскими, которые отрицают вечность временного, хотят разрушить, убрать вечность временного, вечность изнутри временного; и священниками церковными, которые отрицают временность вечного, которые хотят разрушить, убрать временность вечного, временность изнутри вечного. Поэтому и те, и другие – не христиане, так как сама техника христианства, техника и механизм его мистики, христианской мистики, вот в чем; это вложение одной части механизма в другую; это соединение двух частей, особое

<sup>32</sup> «Quod natura sciebat ab aeterno, temporali didicit experimento». Bernardo di Chiaravalle. *Tractatus de gradibus humilitatis et superbiae*. Cap. III. Par. 6.

<sup>33</sup> Ср. *Суп.* 39:40; 1 *Тим.* 4:4.

вложение; обоюдное; единственное; взаимное, нерасторжимое; неразрушимое; одного в другое и другого в одно; временного в вечное и (*прежде всего*, то, что отрицается наиболее часто) (что на самом деле всего чудеснее) вечного во временное»<sup>34</sup>.

«Церковь без мира!» Блаженный Августин же, напротив, утверждает, что Церковь есть мир, примирившийся с Богом: *Reconciliatus mundus, Ecclesia*<sup>35</sup>. Для обновления мира необходимо, чтобы тайна Христа в ее временном присутствии деятельно вошла в мир во всех ее аспектах, подобно как воскресение Христово предполагало спасение всех сторон человечности. Воскресение Христово есть спасение человека как такового, всего человека.

Спиритуализм – вера, параллельная жизни, и потому она уже больше не является светом и действующей силой в жизни. Любой спиритуализм способен говорить о воскресении Христовом исключительно сентиментально: это благочестивое воспоминание, а не память о присутствии. В таком случае получается, что Христос не воскрес плотью по-настоящему: воскресение не происходит в настоящем, спасение – не то, что уже началось (и благодаря чему жизнь в настоящем есть произрастание изначального семени – Христа воскресшего). Сентиментальное, благочестивое отношение к воскресению Христову, его редуцирование – самый серьезный и явственный признак спиритуализма и его влияния на народ и на всю Церковь. Если воскресение не происходит в настоящем, то и спасения в настоящем быть не может, и воскресение Христово тогда возвещает грядущее, последнее неведомое грядущее, отведенное для последнего шага истории.

Пеги тонкое подмечает: «У материализма есть своя мистика. <...> Но... она не (очень) опасна. <...> Она не вредит, она безвредна по самой своей грузности, грубости. <...> Совсем другое дело – противоположная мистика. ...та, которая отрицает, временное в вечном... как бы более подлинно антихристианская. <...> Отрицать небо почти наверняка не опасно. Это ересь без будущего. Отрицать землю, напротив, очень заманчиво. Прежде всего, это не мелочь. Что хуже. <...> [Так] ...люди доходят до этих туманных спиритуализмов, идеализмов, имматериализмов, религиозизмов, пантеизмов, философизмов, таких опасных, потому что они не грубые, люди впадают в эти туманные мистики, спиритуалистические, идеалистические, имматериалистические, религиозистические, философистические, опасные, потому что не грубые. <...> Отрицать временность, материю, грубость, нечистоту, отрицать их, отрицать временность, и вот цель целей: чистое, чистота, несравненная чистота»<sup>36</sup>.

Спасение понимается «эсхатологически», только как спасение в последний день. Таким образом полностью исключается спасение человека, как его определяет вера, поскольку вера возвещает, стремится осуществить и осуществляет в пределах возможного спасение настоящего. При ограничении спасения концом времен фактически уничтожается разумность веры, то есть ее человечность, человеческая конкретность наших отношений со Христом и в результате – сама причина существования Церкви в мире, идентичность христианина в мире. В таком случае Церковь из главного героя превратилась бы в куртизанку культурной, социальной и политической истории. Тогда жизнь отдельного христианина определялась бы уже не его принадлежностью, а членством по переписи или по участию в волонтерстве, то есть утратой собственной идентичности, о которой мы всегда говорили.

Таким образом сводится на нет тот факт, что христианство есть возвещение глубоко новой реальности, которая вовлекает всю человеческую природу с ее дальнейшим осуществлением на другом уровне, на уровне непредвиденном и непредсказуемом, не поддающемся разгадке,

<sup>34</sup> Ш. Пеги. *Вероника, или Диалог истории и плотской души* // Указ. соч. С. 59.

<sup>35</sup> Бл. Августин. *Проповедь* 96, 7–8.

<sup>36</sup> Ср. Ш. Пеги. *Вероника, или Диалог истории и плотской души* // Указ. соч. С. 60–61.

а значит, недоступном для непосредственного освоения обычным человеческим сознанием. В итоге христианская онтология разрушается этикой, которая понимается как сознание и обращение с реальностью, имеющие точкой отсчета представления о человеке и человеческую онтологию, не проникнутые христианской вестью (как это видно, например, из понимания политики, оторванной от христианской религиозности). Как природу человека спасает нечто превосходящее его, где человек целен, человечность цельна, но несет в себе силу чего-то несравненно более великого, бесконечно более великого, так же и нравственность, рождающаяся как плод онтологии, спасается самой христианской онтологией, поскольку весть, принесенная Христом, – это другой образ мысли, понимания и переживания реальности. Этика, возникающая из натурализма и рационализма, напротив, разрушает этику, рождающуюся и проистекающую из христианской онтологии – вести о новом существе, о существе, которое представляет собой новую человечность, о новой человечности.

Такое разрушение возвращает нас к этапизму в форме клерикализма: «Те, кто отдаляется от мира, те, кто поднимается вверх, уходя от мира, когда уходят от мира, принижая мир, не возвышаются. <...> Поскольку у них нет силы (и благодати) принадлежать к природе, они думают, будто принадлежат к благодати. Поскольку у них нет временного мужества, они думают, будто начали проникновение в вечное. Поскольку у них нет мужества принадлежать к миру, они думают, будто принадлежат к Богу. Поскольку у них нет мужества принадлежать к одной из человеческих партий, они думают, будто принадлежат к партии Бога. Поскольку они не принадлежат людям, то думают, будто принадлежат Богу. Поскольку они не любят никого, то думают, будто любят Бога»<sup>37</sup>.

Г. От «Церкви без мира» возникает *мир без «я»*: вот четвертое «без», в рамках которого мы размышляем о сегодняшнем положении мира. Как мы отметили, Церковь без мира превращается в «клерикализм» – навязывание четких правил на все случаи жизни, стремящихся описать поведение, надлежащее в каждой ситуации, так что они определяют все повороты человеческого существования, как происходит сегодня; или же в «спиритуализм»: «Церковь без мира» означает, по сути, «Церковь, Тело Христово» и «Христа» без повседневного проявления, в рамках которого обретает форму человеческое «я», и в этом смысле Церковь остается некой абстракцией, отвлеченным жизненным понятием. Однако при Церкви без мира мир пытается обходиться без «я»: налицо *отчуждение*. Характерная черта такого мира и его результат (предвиденный или непредвиденный, желанный или нежеланный, обычно желанный для власти, для тех, в чьих руках в определенный момент сосредоточена политическая власть) – отчуждение.

Так, если коротко, мир превращается в среду существования, определяемую властью и ее законами, тогда как на самом деле мир – среда, где Христос совершает во времени искупление человека и истории. В рационалистическом разделении или противопоставлении мир сводится к среде существования, определяемой властью и ее законами, которые становятся орудиями насилия. Несколько лет назад один судья в своем выступлении восхвалял как «абсолютный» принцип законности, утверждая, что содержанием Рождества должен быть не Христос, а государственный порядок, законность. Это напоминает отрывок из Милоша, над которым мы много раз размышляли: «До человека удалось донести, / что, если он живет, так только по милости власть имущих. / Пусть же он думает о чашке кофе и о ловле бабочек. / Тому, кому дорога *res publica*, отрубят руку»<sup>38</sup>.

<sup>37</sup> Ш. Пеги. *Дополнительная заметка о Декарте и картезианской философии* // Указ. соч. С. 216–217.

<sup>38</sup> С. Miłosz. *Consigli* // *Poesie*. Milano: Adelphi, 2000. P. 116.

И вот очевидное и конечное следствие этого – утрата свободы. Существование, обусловленное властью и ее законами, имеет конечным своим следствием утрату свободы, пренебрежение свободой или ее упразднение, упразднение, не провозглашаемое теоретически, а фактически реализованное; и поскольку свобода, как ее ни определяй, есть лик человеческого «я», речь идет об утрате человеческой личности. Потому она и называется отчуждением.

Иисус говорил не молиться о «мире, лежащем во лжи»; Иисус не мог не молить о мире как о творении, ожидающем спасения<sup>39</sup>; Он не молил о «мире»<sup>40</sup>, в котором господствует и который позволяет, чтобы в нем господствовало другое мировоззрение, охваченное ложью: «Думаете, будет еще на земле вера, когда придет Сын Человеческий?»<sup>41</sup> Этот «мир» – мир отрицающий и отчуждающий, где «я» отрицается и отчуждается, где значение жизни, времени, пространства, работы, привязанности, общества рождается не от принадлежности ко Христу через принадлежность к Церкви, а от иной культуры, культуры, чей исток, который она стремится развивать настолько, чтобы он определял облик конечной цели, – в «естественности», исключаящей (так как это «слишком сложно») или оспаривающей (так как «это не ясно» или ей «хочется быть свободной» в инстинктивном смысле) тайну Бога, ставшего человеком, Его событие в настоящем. Такая естественность царит, преобладает в культурном мире, в котором мы живем.

Однако не принадлежность к обществу или к государству, а принадлежность ко Христу в Его Церкви, принадлежность ко Христу через принадлежность к Его Церкви – исток в том числе и понимания того, какой должна быть политика, называющая себя христианской или могущая называть себя христианской.

Д. Такое «я», «я» отчужденное есть «я» без Бога. «Я» без Бога – «я», неизбежно испытывающее изнуренность и тошноту. И потому живущее как придется: оно может ощущать себя частицей всего (пантеизм) или жертвой отчаяния (господство зла и пустоты: нигилизм).

«Нет для меня ничего более далекого, – говорит Клодель, – чем пантеистические воззрения, идея, о том, чтобы словно потонуть в мире, сладострастно раствориться в нем [звучит как определение нью-эйдж]. Такие воззрения всегда были мне чужды; во мне очень сильно чувство собственной индивидуальности, чувство, что я создан не ради того, чтобы меня поглотило некое целое, но, напротив, чтобы овладеть им и выжать из него весь смысл, какой только в нем может быть»<sup>42</sup>.

### 3. Новая нравственность

Пять описанных нами аспектов современной растерянности, порожденной упадком истинной природы веры, объясняют, а точнее, должны прояснить в том числе и наш образ жизни, вплоть до того, чтобы стать предметом обоснованного испытания совести («Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ»<sup>43</sup>).

Мы видели, чего требует от нас вера во Христа в плане взгляда на мир, в котором мы живем, и в плане возможности привести нас в нем к свободе, сделать нас вновь способными на

<sup>39</sup> Ср. *Ин.* 3:16.

<sup>40</sup> Ср. *Ин.* 17:9.

<sup>41</sup> Ср. *Лк.* 18:8.

<sup>42</sup> P. Claudel. *Mémoires improvisés*. Paris: Gallimard, 1954. P. 290.

<sup>43</sup> *1 Пет.* 3:15.



ясность и цельность в отношении самих себя. Последствия ситуации, в которой мы находимся, поистине горьки. Поэтому я наглядным образом обобщил пять аспектов: «Бог без Христа», «Христос без Церкви», «Церковь без мира», «мир без „я“», «„я“ без Бога». Сейчас мы коротко рассмотрим, как вера во Христа порождает не только новый менталитет, но и *новую нравственность*.

«Праведный жив верою»<sup>44</sup>, – говорится в Писании. Как вера, будучи источником нравственных законов, порождает новую нравственность? Как от принадлежности ко Христу, переживаемой в Церкви, рождается новая мораль? Мир охотно использует для определения нравственности термин «справедливость». Такое искушение возникает легко, когда под справедливостью понимаются ценности, утвержденные на основании собственного удобства. Новая нравственность, восходящая к христианскому событию, есть любовное признание Присутствия, связанного с судьбой. Потом, становясь зрелым, пребывая в ней, человек понимает, что Присутствие это продолжается. Новая нравственность есть любовное признание присутствия, продолжающегося в истории. Вся предыдущая история укрепляет эту очевидность (потому что речь об очевидности!). «Да» Петра появляется, обретает форму благодаря очевидности.

В этом смысле понятие христианской справедливости определяется словами «милосердная любовь». В милосердной любви окончательным образом раскрывается истинная ценность личности, ее соответствие Сущему. Если жена относится к мужу, не имея в виду, хотя бы косвенно, такую перспективу, она не может относиться к нему хорошо. Если сын смотрит на родителей вне такого контекста, отношения хорошо не сложатся. В этом-то и состоит милосердная любовь как соответствие Сущему: смотреть на другого как на участника отношения, соответствующего Сущему, и на личность другого как на соответствие Сущему. Как когда Иисус сказал Иуде: «Друг, целованием ли предаешь Меня?»<sup>45</sup> Вот справедливость Бога. Она часть Тайны. Милосердная любовь и справедливость совпадают, в Тайне они одно, хотя оба слова истинны и сами по себе.

Однако справедливость Бога не человеческая справедливость (как и милосердная любовь Христа отлична от любви человеческой): она производит изменение. Справедливость Бога, признанная в милосердной любви как высшее выражение отношения Бога с человеком и человека с Богом, производит радикальное изменение, то есть идет до самых корней сердца: «Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце»<sup>46</sup>, Его справедливость не ограничивается и не замыкается в видимости. И потому справедливость Бога всегда есть изменение исконных образующих потребностей сердца в их целокупности, вплоть до счастья и совершенства.

«Да» Петра порождено милосердной любовью Христа, которая преобразила сокрушение о предательстве в положительную боль. Сокрушение о предательстве было объято милосердной любовью Христа, а преобразование в положительную боль – милосердная любовь, эхом отозвавшаяся в Петре; отозвавшаяся в том смысле, что Петр принимает ее, и сам, возможно, даже не задумываясь, действует на ее основании. «Да» Петра – высшее выражение искупительного дела Христа по отношению к человеку, вспышка положительности Сущего в лживой отрицательности человеческого поступка.

Поэтому изменение, подтверждающее присутствие Христа, называется свидетельством: это дело «я» как дело Бога, *opus Dei*, согласно свободе, которой требует Бог. Оно касается жизни, времени и пространства, любви, работы и общества: это не подавление чего-то в че-

<sup>44</sup> Ср. Ав. 2:4; Рим. 1:17.

<sup>45</sup> Ср. Мф. 26:50.

<sup>46</sup> 1 Цар. 16:7.

ловеческом «я», а конечная положительность всего «я» в его бытии. Изменение есть плод, дело Тайны во времени – замысла Божия. Задача человеческой свободы – просить. Таковы факторы замысла Божия. Человеческая свобода должна просить, ибо вся власть у Бога. «Бог всё во всем»: Он сотворил природу, сообщил Свое бытие твари, чтобы она, подобно Христу, была отражением, сиянием, сознанием того, кто такой Отец, полным признанием Отца; таким образом, просьба есть выражение полного признания человеком его зависимости от Бога, признания, кто такой Бог.

Серьезное возражение состоит в том, что христианство не держит свое обещание. Читая «Ангел Господень», мы отвечаем ведущему молитву словами: «Да удостоимся исполнения Христовых обещаний». Обещание в следующем: «*Mesum eris in paradiso*» («Будешь со Мною в раю»<sup>47</sup>), – как говорит Христос разбойнику, распятому рядом с ним, – и в «стократном воздаянии»<sup>48</sup>, о котором Он пророчествовал ранее. Возражение возникает из другого аспекта нашего сознания – из страха перед жертвой. Элиот пишет: «Думаю, пора рождения есть пора жертвы»<sup>49</sup>. Пора рождения для матери и для того, что она творит, есть жертва. Жертва – устремлять к истине привязанность по отношению к человеку. Жертва – не получать деньги обманом или уловками. Жертва – когда судья, ища улики и прежде всего указывая общественным властям, как надлежит поступить с человеком, принимает во внимание его личность, ибо судья не может поощрять действия, которые убьют надежду народа. Мориак замечает: «Крест [жертва] противостоит жизни... как мы ее воображаем... Он не противостоит жизни, как она есть»<sup>50</sup>. Жертва противостоит воображению, она не противостоит жизни, как она есть.

Жертва – условие истинного обладания. Проходящее время не отменяет, а углубляет истину обладания всем, в любом отношении: ничто больше не является возражением. Если Бог стал человеком и умер на кресте ради меня, какие у меня могут быть возражения?

Размытость жертвы дает нам более прекрасный образ. Как в фильмах, когда в определенный момент истории картинка меняется с помощью размытия и та же сцена становится более четкой. Пока есть размытие, у тебя перехватывает дыхание, а потом видишь другие кадры, где предыдущая сцена стала еще прекраснее. Таков, как мы часто говорили, смысл «Моей юности»<sup>51</sup>, стихотворения Ады Негри, которая, возрастая в опыте веры, в семьдесят лет научила нас и показала нам, что тайна Сущего подразумевает обращение в том, что касается понимания жертвы и отношения к ней. Тайна Сущего, проявляющаяся в таком превознесении жертвы больше, чем в какой-либо ситуации или позиции, подтверждает положительность всего, что находится перед человеком. Лучшее выражение этого рождается в нас, когда мы читаем восьмой псалом:

Господи, Боже наш!  
как величественно имя Твое по всей земле!  
Слава Твоя простирается превыше небес!  
Из уст младенцев и грудных детей  
Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих,  
дабы сделать безмолвным врага и мстителя.  
Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов,

<sup>47</sup> Лк. 23:43.

<sup>48</sup> Ср. Мф. 19:29; Мк. 10:30.

<sup>49</sup> T. S. Eliot. *The Family Reunion*. NY: Harcourt, 1939, P. 58.

<sup>50</sup> F. Mauriac. *Santa Margherita da Cortona*. Milano: Arnoldo Mondadori, 1952. P. 84.

<sup>51</sup> A. Negri. *Mia giovinezza. Poesie*. Milano: Bur, 2010. P. 78.

на луну и звезды, которые Ты поставил,  
то что есть человек, что Ты помнишь его,  
и сын человеческий, что Ты посещаешь его?  
Не много Ты умалил его пред Ангелами:  
славою и честью увенчал его;  
поставил его владыкою над делами рук Твоих;  
все положил под ноги его:  
овец и волов всех, и также полевых зверей,  
птиц небесных и рыб морских,  
все, преходящее морскими стезями<sup>52</sup>.

Человек, если осознает свое отношение с Сущим, понимает, что он ничто. Он ничто, и все же Бог сотворил его, он чувствует себя сотворенным, ощущает себя сотворенным, созданным ради чего-то великого («Славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих»). Подтверждение, знак того, что человек был наделен славой и честью, не заслуженными с онтологической точки зрения, заключается в том, что Ты, Господи, «поставил его владыкою над делами рук Твоих», над всем творением. Наука, всякий уровень науки и власти зависят от этого: «Господи, Боже наш, как величественно имя Твое по всей земле».

Без положительности, без неудержимой креативности, недремлющей, неистребимой, которая в любой момент, перед любой трудностью находит свое начало, свой исток в реальном присутствии Христа в Его Церкви, жить невозможно. У неисчерпаемого милосердия – Христа, надежды человеческого пути, у Бога вместе будем просить о том, чтобы каждый день вновь осознавать благодарность, которой мы обязаны Христу и Церкви, нашей матери, но прежде всего – о полной отдаче Богу, той полной отдаче, о какой говорится в молитве повечерия: «In pace in idipsum obdormiam et requiescam» [«Спокойно ложусь я и сплю»]<sup>53</sup> – в Нем как в Тайне, в Нем как в Боге, во Христе как в Боге, в Боге. Таков последний возможный вздох человека: в Нем упокоюсь в мире, погружусь в сон, предамся сну. Во сне человек парадоксальным образом обретает образ своего существования, сознания о своем существовании ради человеческой славы Христа в истории. То, что в наших действиях мы живем отдачей Тайне, Христу, Тайне, явившей себя в том Человеке, а значит, то, что мы с изумлением слышим, как из глубины сердца поднимается «да» святого Петра («Да, я люблю Тебя»)<sup>54</sup>, – это чудесная новизна, о которой христианин должен свидетельствовать, куда бы он ни шел, ради человеческой славы Христа в истории. Чем отчетливей будет видно такое изменение, тем больше прославится Христос, славу Христа в истории будут с удивлением замечать, желать, сознательно любить превыше всего. Как говорил мне один друг, слава Христова может стать истинной страстью человека, молодого или взрослого.

---

<sup>52</sup> Пс. 8:2–9.

<sup>53</sup> Пс. 4:9.

<sup>54</sup> Ср. Ин. 21:17.

## Собрание

*Стефано Альберто (отец Пино).* Работа групп в гостиницах выявила один значимый факт: содержание двух лекций сразу же оставило глубокий отпечаток в жизни каждого из нас. Об этом говорят многочисленные поступившие нам вопросы и, я бы хотел отметить, их качество: они связаны с узловыми моментами лекций. Мы выбрали некоторые, а точнее четыре, и хотим задать их тебе.

*Луиджи Джуссани.* Прекрасно.

*Джанкарло Чезана.* Из того, что ты, отец Джуссани, сказал, кажется, что больше нет времени на чистое «делание» или на формальную принадлежность. Почему ты так настаивал на изменении как на изменении познания?

*Джуссани.* Это становится понятно, если подумать, что изменение есть изменение «я», моей личности, твоей личности, личности, понимаемой как целокупность ее отношений, ее способности вступать в отношение со всем: с небом и землей, с хорошими и дурными временами, с друзьями и врагами, когда мы соглашаемся друг с другом, когда ты сердисься на жену. Изменение затрагивает ответственное «я»: пусть и по-разному, но оно всегда ответственно. Такое изменение, как раз потому, что речь об изменении «я», начинается в познании. «Я», чтобы действовать и побуждать к действию, исходит из рациональных причин, даже если таковые рациональные причины и принципы зачастую неявны, имплицитны, а не развернуты и критически осознаны. Поэтому-то Иисус говорил о тех, кто убивал Его, кто распял Его на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»<sup>55</sup>.

Под изменением можно также подразумевать и жизненное обстоятельство. Более того, мы склонны понимать изменение нашего «я» и нашей жизни как изменение обстоятельств, в которых мы живем. Правда, что изменение всегда включает в себя и обстоятельства, но подлинное изменение состоит в нашем серьезном в них вовлечении, в типе нашего подхода к ним. И поскольку речь идет именно об изменении «я», оно может начаться только в рамках зависимости от познания. Изменение «я» зависит от иного познания, в которое «я» погружается, входит. Например, вчера утром мы говорили о видимости. Изменение означает, может означать, что видимость иным образом затрагивает нас. Перед лицом видимости человек может по-разному вести себя. Он может подумать: «Все сводится к видимости» (основополагающая человеческая ошибка), – или сказать: «Все это не просто видимость». Тут на карту поставлено изменение представлений о вещах, способа понимать их.

Иисус (как говорил один миланский настоятель сорок лет назад в семинарии), обращаясь к Отцу с той фразой («Отче! прости им, ибо не знают, что делают»), в краткий момент их неведения выстроил их защиту, защиту слабости, ограниченности людей, убивавших Его. Для Господа это была возможность, Отец превратил их действие в начало тайны Церкви.

Без познания нет опыта, недостает человеческого уровня жизни, поскольку опыт есть уровень жизни, свойственный человеку и определяющий его), а потому и человечность не меняется. Обстоятельства могли бы измениться для всех, Бог мог бы воспользоваться всеми, но

---

<sup>55</sup> Лк. 23:34.

в ответственном «я» Бог не может не использовать как орудие изменения некий новый опыт: опыт. Вот почему весь воспитательный метод нашего Движения, стремящегося, насколько это возможно, подражать Иисусу в том, как Он создал Церковь, заключается во введении нас в опыт. Без такого введения в опыт нет истинного изменения.

*Отец Пино.* Мне кажется, интересно и важно подчеркивать, что изменение начинается в познании. Если конкретнее, один вопрос повторялся довольно часто. Вчера ты сказал, что один из впечатляющих плодов современного менталитета, современного рационализма – путаница между религиозным чувством и верой. Помоги нам глубже рассмотреть этот аспект.

*Джуссани.* Если человека не побуждают к самосознанию, если его не приучают к нему, не подталкивают к самосознанию и не приучают к нему, то есть если он не является самим собой, он оставлен на волю инстинктов, реакций, в которых преобладает животный аспект. Рационализм стремится понимать разум как место истины: истина – то, что разум допускает (где допущение – в гораздо большей степени то, о чем мы сказали выше, чем даже суждение), и таким образом он в конце концов идеализирует то, что чувствует. Мы в конечном итоге всегда склонны идеализировать то, что чувствуем, или, больше того, отождествлять истину с тем, что мы чувствуем. Так, религиозное чувство отождествляется с ощущениями: это ощущение, размытое или отчетливое, но ощущение, а не разум, у него нет особых обоснований; иными словами, эта не та реальность, что достигается через познание, когда оставляешь позади первые шаги, более инстинктивные, более машинальные.

Напротив, религиозное чувство – это не ощущение, не совокупность ощущений. А значит, оно задействует разум. Религиозное чувство изначально стоит у истоков жизни разума, то есть сознательной жизни человека, оно располагается у истоков: оно имплицитно отождествляется с самой человеческой природой. Религиозное чувство не ощущение, и разум не чуждая ему деятельность.

Итак, вера – признание Присутствия. Мы говорим уже по привычке: вера – признание Присутствия, исключительного Присутствия. Вера – признание Присутствия. Это не чувство; хотя в ней задействованы многие чувства, ее нельзя определить как чувство. Присутствие связано с глазами, с эмоциями, которое оно вызывает: в том, что человек испытывает, замешаны глаза, сердце. Но суждение о нем, самое важное, решающее суждение для всей остальной жизни, для всех проявлений жизни, характерная черта признания Присутствия относится к тому изначальному состоянию человеческого сознания, в силу которого перед чудом природы даже ребенок говорит: «Как красиво!» Говоря: «Как красиво!» – он выражает не ощущение, а способ видеть, разумный, полагающий начало жизни, пути разума.

*Чезана.* Вопросы, которые мы получили, как уже совершенно верно сказал отец Пино в начале, затронули все пункты. Однако, без сомнения, чаще всего они касались проблемы жертвы, свидетельствуя, что, несмотря на то, о чем мы говорим, у нас есть проблема этического характера. Мы выбрали одну формулировку, которую сейчас прочитает отец Пино и которая, как нам кажется, лучше всего определяет проблему.

*Отец Пино.* В последнем пункте утренней субботней лекции говорилось о принадлежности к Движению. Что значит принадлежать в повседневной жизни? Возникает словно страх перед невыполненными обещаниями. Как помогать друг другу преодолевать его? В каком смысле жертва есть условие этого преодоления?

*Джуссани.* Это самое интересное слово, наилучшим образом определяющее наши состояния души или наши впечатления или определения нашего Движения. Жертва – ввести свою жизнь в пространство компании – семьи по природе или сообщества людей, поскольку семья или сообщество людей указывают в качестве условия жизни нечто Другое. Поэтому мы говорили: «Нет большей жертвы, чем отдать собственную жизнь ради дела Другого».

«Отдать жизнь ради дела Другого» – великая жертва, величайшая жертва. Но нужно добавить к этой фразе еще кое-что: если по сути жертва означает отдать жизнь ради дела Другого, то жертва – акт любви. Потому что это любовь: отдать жизнь ради дела Другого – это любовь. Жертва есть акт любви, посредством которого человек утверждает положительность всей жизни, признает как высшее Сущее, так и тот факт, что его собственная жизнь отражается на всем мироздании. Чтобы проживать собственную жизнь с сознанием, что она отражается на всем мироздании, требуется акт любви: воспринимать всю жизнь, свою жизнь как отражающуюся на всем мироздании, как ориентир для всего, что мироздание дает человеческому сознанию, есть акт любви, утверждение Другого.

Пространство и время определяют аналогию этой характеристики существования: пространство и время определяют все трудности как положительное утверждение Бытия. Жертва не трудность, а отправная точка, позволяющая встречать лицом к лицу все наши дела, отношения с вещами и людьми. Жертва – я настаиваю – не трудность, а отправная точка, позволяющая встречать лицом к лицу все трудности, то есть это положительное утверждение Бытия. Чтобы принести жертву, нужно видеть, различать положительность. Жертва ради жертвы – как отрицание, как увечье – невысказано. И то, что в большинстве случаев для нас на первый план выходит этот аспект, связано с нашей несознательностью...

*Чезана.* И поэтому мы не приносим жертву!

*Джуссани.* Но тот, кто не приносит жертву в отношении, тот не обладает отношением, еще не осуществил его!

Почему принадлежность к Движению облегчает развитие нашего сознания, пробуждение нашего сознания, так что оно смотрит на жертву не как на негативное жизненное явление? Принадлежность к какому-то движению или к общественному явлению, если она касается жизни и «претендует» на решающую роль в жизни, делает возможным воспитание (развитие человеческого сознания), позволяющее понять, что реальность, побуждая или бросая вызов, нацелена на положительное: на положительность Бытия. Следование за харизмой облегчает признание этой положительности. Харизма, чей исток – в осуществленном религиозном чувстве, ставшем реальным, достигшим полноты во встрече со Христом, очевидным образом облегчает признание положительности всего, всего, даже смерти. Даже смерти: единственная возможность, единственная вероятность того, что смерть есть высшая положительность вещей, дается Сущим как Тайной. Апостол Павел говорит об этом на многих своих страницах, говорит непринужденно, как говорят о череде событий, случаев, пережитых трудностей или несправедливости, среди которых и смерть: «Живем ли, умираем ли, мы всегда Христовы»<sup>56</sup>.

Как бы то ни было, объективный фактор, вложенный Тайной в динамику вещей, способ, с помощью которого Тайна сообщает динамику всех вещей, – как раз таки жертва. Проживаемая жертва гарантирует (это ясно для человеческого сознания) положительность жизни, бытия, существования.

---

<sup>56</sup> Ср. Рим. 14:8.

«Если не будете как дети, никогда не войдете»<sup>57</sup>: вы никогда ничего не познаете и ничем не овладеете. Следование за харизмой актуализирует этот евангельский призыв. Способ, с помощью которого Тайна сообщает динамику вещей, не может не рождаться от взгляда ребенка. Детский глаз априори видит положительное, его взгляд еще не развит, не осмыслен, но он передает положительное (положительное, которое может тут же проявиться как укус, удар, ранка).

Поэтому жертва есть послушание: реальность творю не я, я не создал сам себя, все, что мне дано (Тайной, как и моей матерью), является условием для более глубокой сознательности во всех наших делах. И значит, жертва есть послушание, происходящее из «пред-рассудка» или «пред-убеждения»: из «данности», дела Другого.

«In simplicitate cordis mei, laetus obtuli universa»<sup>58</sup>: в простоте моего сердца я радостно отдал Тебе всё. «Отдал» означает, как гласит наше определение, что самая великая жертва – отдать жизнь ради дела Другого.

Признание положительности бытия, всех вещей как первый знак или начало сознания о вещах – именно в предчувствии того, что потом мы назовем «послушанием»: по мере взросления мы понимаем, что это послушание. Вот почему «если не будете как дети» означает не «если не будете несознательны или неспособны понять», а «если не будете такими, какими вы сотворены», то есть если не предстанете перед вещами, перед жизнью такими, какими сотворены: сотворены Другим, кем-то Другим. Так, даже тот факт, что твоя мать дала тебе жизнь и боль этой жизни, жизни, которую ты прожил, не вызывает в первую очередь твой гнев в отношении матери. Замечание о детях действительно интересно, ведь все их противостояние возникающей боли не отнимает у них первого впечатления перед вещами: они входят в них с широко открытыми глазами, со всем пылом, и, когда боль ударяет по ним, они не обязательно забывают об изначальной простоте. Становясь взрослыми, они жалуются, а в детстве жалуются, не...

*Отец Пино.* Не жалуясь.

*Джуссани.* Нет, они жалуются, и жалуясь, но...

*Чезана.* Не впадают в отчаяние.

*Джуссани.* Не отчаиваются.

*Отец Пино.* Последний вопрос. Нам хотелось бы, чтобы ты сказал о славе Христовой. Благодаря чему она становится пламенным желанием нашей жизни?

*Джуссани.* Истинная природа разума заключается в том, чтобы улавливать сущность вещей, или, точнее, она выражается, осуществляется прежде всего в том, чтобы видеть или видеть вновь, улавливая сущность вещей, вещей как сущего. Вот первый довод разума: высшая положительность существования всего есть единственное справедливое определение человека. Разум создан, чтобы улавливать сущность вещей – Христа, высший миг творения, «omnia in ipso constant», «все Им стоит»<sup>59</sup>, как бы ни проявлялось это «все».

<sup>57</sup> Ср. Мф. 18:3.

<sup>58</sup> «Domine Deus, in simplicitate cordis mei laetus obtuli universa. Et populum Tuum vidi, cum ingenti gaudio Tibi offerre donaria. Domine Deus, custodi hanc voluntatem cordis eorum». Антифон оффертория древней литургии на праздник Святейшего Сердца Иисуса. Цит. по: *Messale Ambrosiano. Dalla Pasqua all'Avvento*. Milano, 1942. P. 225.

<sup>59</sup> Кол. 1:17.

Христианская история говорит нам об этом от самых своих истоков, которые были не инфантильными, а зрелыми: Павел, Петр, апостолы – это не дети; они вновь стали детьми, увидев Иисуса, детьми в нравственном смысле, в их подходе к тому, с чем они встречались. Именно в таком свете нам была преподана эта истина – вершина христианской Тайны в жизни человека: «Все Им стоит». Это утверждение входит в нашу жизнь тем же способом, каким в нее входит то, «как» существуют вещи: отправная точка в неоспоримой объективности – говорится в «Религиозном чувстве».

«Если не будете как дети». Не обладай Павел, Петр, Иаков или Иоанн (я перечисляю тех, кто оставил нам первые записи о христианском факте) такой юностью духа, обновленной, воскрешенной, возрожденной во встрече со Христом, не будь они такими, они не сказали бы нам ничего нового. Даже во взрослых абсолютная свежесть отношения с вещами создает впечатление цельности, которое нельзя отрицать и которое потом всегда усложняется из-за предубеждений.

Христос как человек разумный был замыслен Тайной как всеохватный момент истории мироздания, времени и пространства мироздания и всей человеческой истории. Христос есть знак, всецелым и реальным образом совпадающий с Тайной. Отвергать Христа – значит падать, становиться узниками предубеждений в отношении с вещами.

Утверждать Христа – значит утверждать объективную красоту, вселяющую в нас пламенную любовь к жизни, благодаря чему все становится прозрачным для нашего взгляда. Не случайно радость на лице – главный довод христианского свидетельства по всему миру, перед всеми. Радость сердца – по мере нашего взросления, с течением времени – подтверждает нам самим то, что мы говорим и во что верим. Но радость обнаруживается, может обнаружиться только в силу объективной красоты, в силу чего-то объективно прекрасного и благого. Радость несовместима с тем, что не благо и не прекрасно. В таком случае можно говорить о довольстве, об удовлетворении, но не о радости.

Христос – Знак, с которым Тайна совпадает в реальности и в истории, во всем мироздании и в истории народов. Поэтому утверждать Христа – значит утверждать объективную красоту, внушающую пламенную любовь к жизни, благодаря чему все становится прозрачным для нашего взгляда. До тех пор, пока вещь, реальность не достигают прозрачности, уверенной прозрачности, мы обладаем ими, не обладая, и их смысл остается зыбким.

Утверждение Христа ставит нас на первый порог, с которого Тайна начинается как Тайна, творящая вещи: то, что творит Бог, становится опытом. Христос – первый этап, первый шаг, первое присутствие. Отношение со Христом делает всю жизнь прозрачной для нашего взгляда. Проверка же заключается в том, что мы становимся радостными искателями и действующими лицами всего, чем поистине исполнены вещи: «Явным соделаю могущество Моего имени в радости их лиц»<sup>60</sup>. Опыт радости, которую приносит наша жизнь, есть совершенная положительность, действующая в нас через отношение с другими людьми.

---

<sup>60</sup> «Populus Sion, ecce Dominus veniet ad salvandas gentes: et auditam faciet Dominus gloriam laudis suae in laetitia cordis vestri». Молитва при преломлении хлеба, IV Воскресенье Адвента по амвросианскому обряду. Цит. по: *Messale ambrosiano. Dall'Avvento al Sabato Santo*. Milano, 1942. P. 78; cf. *Vulgata. Is 30:30*.



## «ПОЗНАЕТ ЛИШЬ ИЗУМЛЕНИЕ»

«Идеи творят идолов, познает лишь изумление»<sup>61</sup>. Эта фраза святого Григория Нисского, великого деятеля первых веков христианства, соответствует нашему представлению о познании и признании Христа, которое встречается в наших текстах и в нашем языке. Как определить причину, чтобы говорить да Христу? Причина говорить да чему-либо, что входит в нашу жизнь и побеждает любые предрассудки, – красота: красота и добро, которым, вполне вероятно, мы не сумеем подобрать определение, но которые мы ощущаем как содержание нашего разума, позволяющее принять «самое серьезное» для него решение, то есть веру, ибо вера возникает как признание, совершаемое разумом.

«Идеи творят идолов, познает лишь изумление». Простота детей есть истина нашего присоединения к *вере*, присоединения *нашей веры* к тому, что говорит Церковь, что христианская традиция доносит до нас, что Церковь говорит через Движение. Простота – поведение ребенка, предстающего перед вещами без «но», «если» и «однако», предстающего перед вещами, прикасающегося к ним и обращающегося с ними непосредственным образом. Вот почему Иисус говорит: «Если не станете как дети, если не станете такими, будучи взрослыми, никогда не войдете, никогда не поймете, никогда не почувствуете»<sup>62</sup>. Поэтому и мы утверждаем, что «идеи творят идолов, познает лишь изумление».

Как признать, что присоединиться ко Христу нас побуждает Движение и Церковь Божия, Католическая Церковь, а не какая-то другая? «Лишь изумление»: изумление, как было для Иоанна и Андрея. Это слово объясняет все, что мы говорим о начале веры. Акт веры зародился, возник в Иоанне и Андрее, они «управляли» им (как же важна для нас первая страница Евангелия от Иоанна!) в силу Присутствия. Это было вдохновляющее Присутствие, поразительное Присутствие, изумлявшее Присутствие: «Почему Он такой?» Ровно то же самое звучит во всех фразах, которые могут произнести люди, живущие с нами, которые они, возможно, «вынуждены» произносить, глядя на пример каждого, на наше свидетельство («Как им удастся быть такими радостными?», «Как у тебя получается сохранять такое спокойствие?»).

Вера, которая есть утверждение факта, объективного факта – Христа, выявляет эстетическое, очарование, открывающее сообразную причину в действии: сообразную причину, порождающую эстетику в отношении. Потому что добро, а точнее, этика, *рождается от эстетики*. Именно из-за очарования, исходившего от фигуры Христа, которая поразила меня еще в детстве, когда я поступил в семинарию, и умножилась позже, стала более серьезной позже, моя «твердолобость» или моя нерадивость были вынуждены всегда смотреть на добро, пока я не осознал перед Богом, что я творю его, или пытаюсь его творить.

Если мы не придерживаемся этого правила, не стараемся следовать ему, то добро, приверженность к нравственности, к тому, о чем говорит Церковь, как к нравственности, не убеждают, поскольку подобное предложение не соответствует человеческой природе.

«Идеи творят идолов, познает лишь изумление»: познает и поэтому постигает. А иначе мы становимся жертвами предубеждений. Не будучи детьми, как говорит Евангелие, мы исходим из предубеждений. Но присоединиться к тому, что требует жертвы в силу предубеждений,

<sup>61</sup> Cf. Gregorio di Nissa. *La vita di Mosè*. PG 44, 377B; *Homilia XII // Cantica Canticorum*. PG 44, 1028D.

<sup>62</sup> Ср. *Мф*.18:3.

нельзя: присоединяться должно в силу притягательности. Так случилось с Иоанном и Андреем: «Как притягателен этот Человек!» И в них зародился вопрос: «Что значит то, что Он говорит о Себе? Что Он говорит о Боге?»

Вот почему в нашем воспитании необходимо открывать способ улавливать, выявлять и утверждать очарование предложения. Мы принимаем всерьез только чарующее предложение. В противном случае мы берем от него лишь то, что решаем мы, тем самым уничтожая его. Именно так вера низводится до религиозного чувства.

Ни один современный философ или художник не скажет и не помыслит то, что сказал Григорий Нисский. Сегодня они говорят в основном о том, как у них возникает предпочтение, выбор, и приводят как единственную сообразную причину собственное чувство, делая самих себя отправной точкой для жизни и мира.

Поэтому Иисус приводил в пример взрослым людям маленького ребенка, ведь прежде всего нужно быть свободными и истинными, прозрачными. Напротив, все вызывает возражение: все наши возражения происходят от предубеждения и строятся на нем, так что оно становится неприкосновенным и впоследствии препятствует любым попыткам разума выявить реальную истину. Лишь изумление «убеждает», то есть познает вплоть до убеждения, вплоть до того, чтобы убеждать. Предубеждение уничтожает настоящую эстетику, настоящий вкус жизни.

## «ВСЁ И ВО ВСЕХ ХРИСТОС» 1999\*

*Первые тексты отца Джуссани об экуменизме и о воспитании молодежи, собранные в новом томе («Porta la speranza. Primi scritti»), были представлены в Миланском католическом университете ректором, Адриано Баусолой, Николаусом Лобковицем и монсеньором Карло Каффаррой. В разных уголках мира множились поводы для обсуждения и изучения интеллектуального пути отца Джуссани, его вклада в понимание человеческого и христианского опыта, его метода мышления и отношения с культурой нового времени и современности. В Буэнос-Айресе испанское издание «Религиозного чувства» представил монсеньор Хосе Марио Бергольо, незадолго до этого ставший архиепископом аргентинской столицы. В Джорджтаунском университете в Вашингтоне Дэвид Шиндлер и некоторые его коллеги организовали конференцию, посвященную мысли отца Джуссани. Стенли Хауэрвас в предисловии к «Рискованному делу воспитания» признается, что ему самому хотелось бы написать страницы этой книги.*

*После публикации энциклики «Fides et ratio» отец Джуссани прокомментировал ее в колонке газеты «La Repubblica», вспомнив годы преподавания в лицее Берше и «необходимость разъяснить, что такое разум, поскольку без разума нет и веры»<sup>1</sup>.*

*Несколькими месяцами ранее возникла необходимость придать завершённую форму работе, проделанной в последние двадцать лет, и собрать размышления, лекции, выступления в один том, который стал бы одновременно осознанием пройденного пути и указанием на то, чего еще предстоит достичь. В 1960 году отец Джуссани вместе со своими учениками написал небольшую книгу «Пути христианского опыта», где рассуждал об опыте и предлагал метод христианского присутствия в окружающем мире и особенно в школьной среде. «Новые пути» – проект, который должен был подвести итог работе, описав, какое развитие получили первые шаги и к какой зрелости удалось прийти с годами. Отец Джуссани задумал коллективный труд – плод совместно пережитого зрелого опыта. Он пожелал, чтобы соавторами новой книги («Прочертить след в истории мира») стали отец Стефано Альберто и отец Хавьер Прадес. Это был знак общей ответственности, а также выражение общинного метода, на основании которого протекали жизнь Движения и его руководство.*

*Отец Джуссани в последний раз провел упражнения в уже проверенной форме видеозаписи. В последующие годы лекции читали другие люди, сохраняя преемственность с путем, проделанным до сих пор, в размышлениях, чувствах и суждениях.*

*В последнем письме Иоанну Павлу II, написанном в январе 2004 года, отец Джуссани говорил: «Я никогда не намеревался что-либо „основывать“, и кроме того, как мне кажется, дух Движения, которое родилось на моих глазах, – в том, что мы ощутили острую потребность говорить о необходимости возвращения к изначальным аспектам христианства, увлеченность*

\* Духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Римини, 23–25 апреля 1999 г.

<sup>1</sup> L. Giussani. *La ragione contro il potere // La Repubblica*. 24 ottobre 1998. P. 13.

христианским событием как таковым в его самобытных составляющих, и ничего более. Вероятно, именно это открыло непредвиденные возможности для встречи с представителями иудейского, мусульманского, буддистского, протестантского и православного миров, от Соединенных Штатов до России, вместе с нашим стремлением принимать и признавать ценность всего истинного, прекрасного, благого и праведного, что есть в каждом, кто живет той или иной принадлежностью»<sup>2</sup>.

Глубина мысли, изложенной на следующих страницах, свидетельствует об устремленности к изначальным, самобытным составляющим христианства, от которых рождается «я» и объятие по отношению к другому человеку.

Книги отца Джуссани, переведенные к тому моменту на множество языков, позволили огромному числу людей с самыми разными корнями и взглядами встретить «харизму, которая является историей» и предлагает себя каждому как возможность жизни и человеческого созидания.

Страстное желание единства Тела Христова в мире, то есть Церкви, возникшее у отца Джуссани в семинарии Венегоно и созревшее в первые годы священства, удивительным образом обрело обновленное и в то же время самобытное экуменическое измерение.

---

<sup>2</sup> Письмо Иоанну Павлу II в пятидесятилетнюю годовщину «Общения и освобождения». Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 1138

## РЕШАЮЩЕЕ ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЛОВО

### 1. Потребность в принадлежности и ее очевидность

«Призри, Всемогущий Боже, на человечество, измученное смертной немощью, и позволь ему страданиями Единородного Сына Твоего вернуться к жизни»<sup>3</sup>. Такая позиция волнует наше сердце, и оно вновь всерьез обращается к своему Крещению.

В прошлом году мы сказали: «Всё и во всех Христос». Сейчас нам нужно более глубоко, более внимательно, более сознательно постараться понять, что это означает, или, точнее, что нужно делать, чтобы эта очевидность (ведь «всё и во всех Христос» – очевидность для христианина) осуществлялась в жизни. Мы должны выявить то, что Бог позволил нам пережить в опыте – нашем или наших братьев.

Чтобы стало яснее, что значит «всё и во всех Христос», мы также должны вспомнить метод, феномен, поведение, с которых начинается новая дорога, воплощающая этот идеал – с одной стороны, «земной», но с точки зрения ценности вечный. Вспомним название прошлогодних упражнений: «Чудо изменения». Но чтобы измениться, нужно перестроить отношение, упразднить отношение, заменить его другим или же углубить отношение, отнестись к нему серьезнее, постараться лучше понять его, больше открыться тому, что оно сообщает нам о себе. Вот почему слово, используемое в Библии и в нашей христианской традиции для того, чтобы описать, как происходит чудо изменения, с одной стороны, выражает условие, а с другой, указывает на силу изменения, на силу и направление изменения. Это слово «*принадлежность*». Следовательно, изменение имеет условием принадлежность, выявляет «принадлежность» как решающее для существования слово.

Но что такое принадлежность? Человек осознает свою человечность и использует слова, чтобы описать ее, извлекая их смысл из собственного опыта. Человек опирается на разум, чувства, склонности, составляющие опыт, и на этом учится. Слова, которые человек использует, проливают свет на то, как он осознает порождающий его опыт. В хорошо знакомом нам тридцать первом псалме говорится: «Не будьте как конь, как лошак несмысленный, которых челюсти нужно обуздывать уздой и удилами, чтобы они покорялись тебе»<sup>4</sup>. Человек – говорили мы – хочет быть сознательным, он вынужден осознавать свою человечность (в каком-то смысле он вынужден быть не «полным», не завершенным или так или иначе определенным, а «сознательным»). Человек осознает свою человечность, прислушиваясь к опыту, в котором она проявляется и который созидает человеческую реальность в соприкосновении с тем, что человек встречает. Перед ним стоит задача с помощью разума прояснить то, что ему удастся увидеть и уловить в собственном опыте. В противном случае на первый план выходит предубеждение, или заранее сложившаяся идея.

Любовь, которую человек испытывает к самому себе, которую питает к самому себе, разделяет его сознанием, стремится наделить его сознанием о том, кто он такой. Именно в силу своей разумности человек ищет ясности в отношении того, что ему удастся увидеть и уловить в опыте реальности.

В любом случае, если человек, чтобы постичь самого себя и собственную реальность, не опирается на опыт, течение жизни определяется предубеждением или же она подстраивается под

<sup>3</sup> Ср. Заключительная молитва утрени Великого понедельника. *Литургия часов римского обряда*.

<sup>4</sup> Пс. 31:9.

навязанную ей заранее сложившуюся идею. Вспомним замечание Алексиса Карреля, приведенное в начале «Религиозного чувства», одновременно грандиозное и лаконичное, которым все сказано, в котором выражена вся необходимая объективность, поскольку человек постигает объективность вещей не за счет спорного интеллекта, а скорее благодаря нравственной позиции: «Недостаток наблюдательности и избыток рассудочности ведут к заблуждениям. Избыток наблюдательности и недостаток рассудочности ведут к истине»<sup>5</sup>. Следовательно, перед разумом стоит именно такая задача: прояснить то, что ему удастся увидеть и уловить.

Но какое значение тогда имеет «принадлежность» для опыта самого себя, который человек переживает и в рамках которого он может действительно понять смысл этого слова? Первое, что обнаруживается при анализе опыта, – поначалу неосознанная, а потом все более осознаваемая очевидность: человек *зависим*, он был сотворен. В «Религиозном чувстве» сразу, в первой же главе говорится: «Человек по-настоящему самоутверждается, только принимая реальность, ведь он начинает самоутверждаться, давая согласие на существование, то есть принимая реальность, которую не создает сам»<sup>6</sup>. В силу этого можно сказать: человек принадлежит Богу. Та же причина обуславливает и высшую очевидность зависимости от Бога как зависимости человека от Другого, Другого по отношению к себе, он зависим вплоть до инструментов, которыми может воспользоваться Бог, вплоть до принадлежности к семье и обществу. Эта принадлежность часто выглядит непоследовательной: например, когда родители перестают быть авторитетом и противоречат сердцу «я» или, прежде всего, когда общество берет на себя власть и пытается «освободить» человека от любого другого определяющего его влияния, в том числе и влияния родителей. Государство склонно смотреть на человека как на индивида, как на служащую ему функцию.

С этой точки зрения поистине похвальна и утешительна молитва библейских псалмов. В сто тридцать девятом псалме говорится: «Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было»<sup>7</sup>. Человеческое «я» зависимо, и из опыта человек черпает *потребность во всецелой зависимости и ее очевидность*. Как разум по своему устройству, по своей природе стремится объять реальность во всех ее факторах, так и человеческий опыт выявляет потребность во всецелой зависимости и ее очевидность, зависимости от источника его существования как такового, всеобъемлющей зависимости. На меньшее согласиться нельзя, иначе человек «разобщен» и больше не использует свои возможности.

Библия помогает человеку ощутить свой опыт: слова, которые человек находит, сознательно соприкасаясь с тем, что его окружает, подчеркивают исконную принадлежность человека его Творцу, говорят человеческому «я» – вершине творения – нечто неизбежное. Ясно, что к человеку нельзя относиться как к несущественному явлению вселенной, в нем нужно видеть, как сказано в восьмом псалме, высшую ценность, ценность, ради которой Богу угодно было сотворить мироздание: «Что что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его»<sup>8</sup>.

Принадлежность, свойственная твари (в широком смысле), на практике подразумевает явное, сознательно ощущаемое человеком развитие. И потому изменение (для всей природы,

<sup>5</sup> Цит. по: Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 5. См. здесь С. 50

<sup>6</sup> Там же. С. 13.

<sup>7</sup> Пс. 139:13–16.

<sup>8</sup> Пс. 8:5–6.

для всей твари, и в том числе для человека) – это прежде всего отличие от предыдущего мгновения, сознательно обнаруживаемое человеком. Идея изменения господствует в религиозной душе, как, например, у блаженного Августина, представлявшего, что Бог сотворил мир, сотворив «*rationes seminales*»<sup>9</sup>, своеобразные семена всего (что в действительности очень схоже с научным объяснением эволюции земли и космоса). Но только для человека происходит событие, в рамках которого Тайна, всецело его порождающая, открывается ему в таинственности Своего существования, в своей таинственности Сущего, так что в своем отношении с Сущим, с тайной Бога, человек обладает силой познавать Его, а также силой воздействовать на все мироздание, как личность, поступающая в подражание Богу. И правда, восьмой псалом продолжается и неожиданно говорит: «[Ты] поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями»<sup>10</sup>.

«Ты все отдал в руки его». Статьи Марко Берсанелли (итальянский астрофизик, профессор Миланского государственного университета. – *Примеч. перев.*), опубликованные в журнале «Трассе», увлекательно, хотя и косвенно, подтверждают содержание восьмого псалма. Когда речь заходит о расширении Вселенной, становится очевидно (и сейчас невозможно не упомянуть об этом), что Вселенная эта сотворена ради того, чтобы проявилось «я», чтобы в смутном существовании вещей, в безграничном и в то же время конечном мироздании могла возникнуть точка, именуемая «я», в которой все мироздание обретает сознание. Таким образом, в этой точке – в человеческом «я», в человеке – все мироздание начинает сознавать себя, понимать, что оно такое и какова его судьба. Но и «я» принадлежит Другому, Тому, Кому принадлежит мироздание.

Итак, человеческая природа проливает свет на первые решающие последствия принадлежности Богу. Например, человеческая природа есть свобода, поскольку ее истоки целиком и полностью – в Сущем, в Тайне. Природа свободы заключается как раз в признании этого всеобъемлющего начала – отношения с Богом (вот почему я процитировал восьмой псалом). «Я» – отношение с бесконечным, нет ничего посредине; иными словами, оно сотворено, создано как отношение с «Я» Тайны. Свобода состоит в том, чтобы прилепиться к Сущему. Все происходящее в творении подтверждает человеку, что он был рожден от «чего-то», что ему предшествует, что неоспоримо владеет реальностью, то есть от Тайны.

«Человек не может быть самодостаточен, это означало бы, что его нет. В этом тайна человеческого существования»<sup>11</sup>, – говорит Бердяев. Чтобы быть свободным, человек не может быть самодостаточен: вот возмутительное противоречие или же вопрос, подпитывающий желание человека идти вглубь самого себя. Но творение принадлежит Тайне, и потому тут точно нет противоречия: говорить, что человек не может быть самодостаточен, – значит описывать его, как он есть. Тайна бытия заключается в том, что человек в своем существовании не самодостаточен.

Тайна – то, что лежит за пределами, после, за гранью, близко ли, далеко ли, как бы мы ее ни представляли. Творение принадлежит этой Тайне. Факт свободы не просто делает животрепещущим утверждение, что творение принадлежит Тайне, поскольку свобода означает также возможность самобытного проявления себя, креативности со стороны человека. Именно это, на мой взгляд, проясняет весь восьмой псалом Давида. Человек превосходит все остальное, и,

<sup>9</sup> Cf. Sant'Agostino. *De Genesi ad litteram libri duodecim*. IV, 33; IX, 17; X, 20. См. Также: Бл. Августин. *Исповедь*. XIII, 4; *О Троице*. III, 8, 13; 9, 16; VI, 7, 8; *О граде Божьем против язычников*. XI, 21; XII, 2.

<sup>10</sup> Пс. 8:7–9.

<sup>11</sup> Н. А. Бердяев. *Царство Духа и царство Кесаря*. М.: Республика, 1995. С. 299.

более того, именно в нем становится прозрачной или стремится стать прозрачной картина всего мироздания. Бог мог сотворить вселенную ради одного «я». Однако же какая огромная толпа, какое бесчисленное множество людей воздают славу Богу! Человек велик, потому что великим его делает отношение с Богом. Хотя что такое человек на наш взгляд, по ощущениям человеческой руки, которая хотела бы овладеть им, перед лицом требований, которые предъявляет общество? Если человек стареет, что он такое? Подобные мысли приходят в голову и о детях, не только о стариках. Потом, с течением лет, в которые человек совершенно рассеян и увлечен тем, что он делает или что, как ему кажется, он делает, забываются и детство, и старость. Но «Бог всё во всем».

## 2. Отрицание принадлежности и его последствия

Человека – конкретного человека, меня, тебя – не было, сейчас он есть, а завтра его больше не будет. Следовательно, он зависим. Он зависит либо от череды своих предшественников и является рабом власти, тех, у кого больше возможностей для обладания, либо от того, что находится у истоков всех вещей, за их пределами, то есть от божественного. Лишь божественное способно спасти, поставить человека на достойное место.

С невероятной чуткостью к близким нам темам еврейка Ханна Арендт утверждает: «Без действия, без способности начинать что-то новое и таким образом обозначать новое начало, которое вторгается в мир с рождением каждого человека, жизнь человеческая, простирающаяся между рождением и смертью, поистине была бы обречена без возможности спасения. <...> При всей своей неуверенности действие подобно постоянному напоминанию о том, что люди, хотя и должны умереть, родились не ради смерти, а чтобы дать начало чему-то новому. *Initium ut esset homo creatus est*, говорил Августин. С созданием человека принцип начала возник в мире, и это, разумеется, лишь иной способ утверждать, что с созданием человека на земле появился принцип свободы»<sup>12</sup>. Человек становится человеком, когда что-то начинает, а начинает человек всегда, всегда: только родившееся на свет существо что-то начинает, развитие же этого начала в руках Божиих, в руках Того, Кому человек принадлежит.

Современная культура, правая ли или левая, вытеснившая без остатка общепризнанную древнюю ценность былого мира, вершиной своих воспитательных достижений имеет упразднение прошлого, предшествовавшего, а значит, уничтожение ценности принадлежности. Ценность принадлежности современная цивилизация, современная культура подменяет свободой, которая есть неприсоединение к сущему как к Тайне и потому – источник лжи. Неслучайно Иисус называет дьявола «отцом лжи».

Неприсоединение к сущему убивает свободу. Поэтому современная культура, утверждая человека мерилom всех вещей, на самом деле подавляет свободу, душит свободу, ибо она не позволяет ей быть, она не может позволить ей быть не ложной, воспринимать ее или обладать ею как не ложной. «Почему вы не понимаете речи Моей? – спрашивает Иисус. – Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи»<sup>13</sup>.

Человек современной культуры не только лжив, но и насильственен: теоретическое

<sup>12</sup> Н. Arendt. *Lavoro, opera, azione. Le forme della vita attiva*. Verona: Ombre corte, 1997. P. 70. Ср. также: Х. Арендт. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 231.

<sup>13</sup> Ин. 8:43–44.



и прежде всего практическое отрицание нашей принадлежности Богу есть ложь, источник лжи, а значит, и *насилия*, насилия, которое длится столько, сколько длится история, во всех общественных сферах и отношениях (в том числе и в семье, и в самой близкой дружбе, и с теми, кто сражается вместе с нами, с нашими соработниками). Насилие – любое человеческое отношение, лишенное сознания о судьбе, лишенное сознания о принадлежности чему-то другому.

Насилие это доходит до того, что может называться «справедливостью», законы которой стремятся разрешить все человеческие проблемы в обществе, словно человек всецело принадлежит обществу, где он живет. Однако душа, или отношение с Богом, пребывает не вне того места, где человек сидит телесно, где он ест или принимает друзей, она не вне: душа не есть что-то иное, и это нужно сказать обо всех деяниях человека, обо всех поступках человека, поскольку его первичной или главной заботой должна быть связь с Богом, отношение с Богом.

Сегодня же многие люди, в том числе священники и богословы, склонны превозносить как основополагающую ценность «приучение к законопослушности», но, говоря подобные вещи, они забывают, что человеческие законы всегда несовершенны и всегда судимы по закону Божию. Нельзя обособить правосудие, оторвав его от всех человеческих аспектов, от всех человеческих факторов, которые могут пострадать от вердикта судьи.

«Они постановлений Моих не исполняли, – говорит Иезекиль, – и заповеди Мои отвергли... и глаза их обращались к идолам отцов их [они унаследовали отцовские ошибки]. И попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы»<sup>14</sup>.

Власть общества, которая претворяется в том числе и в законы, должно судить согласно другому закону – закону принадлежности Богу, принадлежности всеохватной, ибо любое проходящее участие в великой принадлежности Богу (включая семью, общество, государство) может существовать лишь в сопоставлении с Вечностью, с вечным законом, с законом Божиим. И потому, если кого-то и встретят с изумленной и восторженной благосклонностью читатели какой-нибудь газеты, Бог никогда не оставит их в покое. Возможно, даже произойдет изменение, казалось бы, обеспеченное законом, но оно не будет истинным, не будет нравственным, ведь человек не является продуктом общества, а общество нельзя толковать исключительно как мнение государства, яростно обеспокоенного справедливостью, отчего государство утверждает свое право на власть, почти как божество.

Насилие и рабство. Отсутствие тождества между свободой и принадлежностью, свобода, не движимая принадлежностью, – предвестие масштабных войн.

«Я не люблю вашей холодной справедливости; и во взоре ваших судей глядят на меня всегда палач и его холодный меч. Скажите, где же находится справедливость, которая есть любовь со зрячими глазами? Создайте же мне любовь, что вынесет не только всякое наказание, но и любую вину!» – странным образом пишет Ницше в книге «Так говорил Заратустра»<sup>15</sup>.

«Интересно, – снова мудро замечает Арндт, – что попытка спасти человеческую природу в ущерб человеческой обусловленности была предпринята в момент, когда – мы все прекрасно знаем... – предпринимаются попытки изменить природу человека, радикально изменив традиционные условия. Разнообразные эксперименты, проводимые современными наукой и политикой, чтобы „обусловить“ человека, единственной целью имеют переустройство человеческой природы во имя общества»<sup>16</sup>. Общество определяет человеческую природу как порядок, а значит, как власть.

<sup>14</sup> *Иез.* 20:24–25.

<sup>15</sup> Ф. Ницше. *Полное собрание сочинений*: В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2005. С. 72.

<sup>16</sup> Н. Arendt. *La lingua materna*. Milano: Mimesis, 2005. P. 77.

«Безумец думает: „Бога нет, Бога не существует“»<sup>17</sup>. Такое безумие стало теорией мира сего. Мы тоже дрейфуем, можем дрейфовать, чувствуя, что нас уносит волной всеобщего согласия или кажущегося согласия. Но это безумие! Действительно, государство способно убить всех верующих в Бога (как часто поступали с христианами), но Его нельзя устранить, ведь Он присутствует в самой структуре нашей совести и является единственным источником самосознания, благодаря которому самосознание непрестанно обогащается, может быть непрестанным событием открытия, ведущего к истине, а охватить истину нам не удастся никогда.

Проблема радикальна, поскольку речь идет о двух противостоящих мирах: один соглашается принадлежать Богу, а другой не соглашается. Тот, кто говорит, что не соглашается, что отвергает ее и даже содрогается перед понятием принадлежности, которое мы сейчас подчеркиваем, называет человека мерой всех вещей. Однако если мера всех вещей – человек, забывающий о трагедии, выпавшей на долю всей нашей западной цивилизации из-за ее бурного и беспорядочного самоутверждения, он предстает исключительно как тот, кто отрицает принадлежность. А отрицание принадлежности как отрицание Бога склонно превращаться в отрицание любой другой принадлежности (к компании, к истории отечества, к дружбе). Как бы то ни было, человек, мера всех вещей, чтобы отрицать принадлежность Богу, не в состоянии избежать принадлежности к предубеждениям (отгородиться от которой можно лишь на словах), и эти предубеждения, пусть даже неосознанные, вынуждают его действовать согласно нерациональным мотивам.

Скажем тем, кто уклоняется от принадлежности Богу, что без нее нет ни истории, ни традиции (тогда как, если человек признает принадлежность Богу, он не может не чувствовать прошлого, того, чему Бог позволил существовать до нас). А значит, нет больше драмы «я», ведь нет свободы. И правда, мы не соотносим себя с пустотой, или с бессмыслицей, или с отвлеченной моралью! Камю говорил: «Первой должна прийти любовь, а за ней – мораль. Обратное мучительно»<sup>18</sup>. Но что такое любовь? Любовь может быть лишь одним из двух: либо попыткой обладать ради собственных эфемерных целей, либо компанией в пути, на пути, в любом случае, без малейшего промедления, компанией, основанной на желании судьбы другого. «Первой должна прийти любовь, а за ней – мораль». Иными словами, необходимо «восстановить нравственность с помощью „Ты“»<sup>19</sup>. Эти два утверждения Камю весьма знаменательны и верны и приближаются к нашему пониманию христианской нравственности, поскольку, не сказав да, да Иисусу, Петр не нашел бы покоя в своей нравственности: его нравственность платила бы мзду храму и еврейской среде.

Тот, кто удаляется от принадлежности Богу, становится чужим для всех. В одиночестве, определяемый по большей части экономическими и коммерческими факторами, он живет иной принадлежностью, кажущейся, не существующей, единственной, которая позволяет отрицать принадлежность Богу: принадлежностью миру сему. Поэтому Иисус сказал: «Не о всем мире молю»<sup>20</sup>.

«Ничто, – пишет Арндт, – становится полноценным заместителем реальности, потому что ничто несет с собой облегчение. Такое облегчение, конечно же, нереально; оно сугубо психологично: избавление от тревоги и страха»<sup>21</sup>. «Когда человек лишен любых инструментов для

<sup>17</sup> Ср. Пс. 13:1; Пс. 52:2.

<sup>18</sup> А. Камю. *Записные книжки // Соч.:* в 2 т. Т. 5. Харьков: Фолио, 1998. С. 320.

<sup>19</sup> Там же. С. 213.

<sup>20</sup> Ин. 17:9.

<sup>21</sup> Х. Арндт. *Жизнь ума.* СПб: Наука, 2013. С. 155.

интерпретации событий, у него не остается никакого смысла реальности»<sup>22</sup>. Режимы ведут к этому.

Таким образом, по меткому выражению Марию Луци, «в современном человеке побуждения и призывы памяти более не совпадают с побуждениями и призывами надежды, а существуют отдельно»<sup>23</sup>. Человека призывают к тому, что не отвечает его надежде, надежде, действительно живущей в нем; он без рассуждений совершает поступки, подсказанные не его надеждой, и потому его путь преграждает отчужденность.

Сейчас я хотел бы подвести итог сказанному, выделив важнейшую характеристику христианского понимания принадлежности Богу, принадлежности Тайне, творящей все. Она подобна свету, который должен озарить все отношения, чтобы они были гармоничными и прожигались достойно.

### 3. Историчность принадлежности

Мы принадлежим Тайне, принадлежим Богу. Но какая дорога ведет к Нему, к Тайне? Если мы признаем принадлежность Тайне, какой дорогой можно пойти ей навстречу, пойти к ней? Как узнать путь, который Он проложил в ответ на потребность принадлежать? Принадлежность соткана из предложения, из признания, из подчинения нашей жизни этому признанию и непосредственному опыту принадлежности в указанной точке опоры. Наметила ли Тайна какой-то ответ на эту идею, на потребность принадлежать? Проложила ли Тайна какой-то путь? Мы принадлежим Тайне. Каким же путем она хочет нас провести? Как переживать принадлежность Тайне?

Принадлежность Богу в качестве основного фактора предполагает *историчность*. Историчность означает людей, вещи, знакомые нам, осязаемые, зримые; она означает вещи, которые принадлежат нам и которыми, как раз в силу их принадлежности нам, мы можем распоряжаться. Принадлежность Богу в качестве основного фактора предполагает историчность: такова была и есть гениальность Создателя, давшего ощутить Его господство определенным образом. Потому-то Он и зовется Господом: Он Господин. Вспомним, как Моисей говорил с Богом на горе, и Бог прошел рядом с ним, сокрытый облаком, и возвестил: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый...»<sup>24</sup>

#### А. Избрание народа

Евреи и христианское общество четко утверждают, что Бог есть основание принадлежности всякого «я», принадлежности, затрагивающей любого человека, не будь он даже евреем или христианином. Однако есть коренное отличие (в том числе и между евреем и христианином).

Нельзя говорить о принадлежности Богу, не понимая всего того, что Бог решил открыть человеку, не следуя за этим, не подражая этому, ибо Бог открывается в рамках истории. А история есть время и пространство, которые текут и увлекают человека к его судьбе.

Вся история всего мира проясняется благодаря нити, начинающейся с человека из Месопотамии, Авраама. Бог избрал его, чтобы люди могли познать Его и чтобы спасти людей, которые блуждали в полном забвении или утверждали целое согласно собственной мере. Прочие религии представляют собой истолкование человеком Тайны. Избрание же Авраама – первый

<sup>22</sup> Н. Arendt. *Ebraismo e modernità*. Milano: Feltrinelli, 1993. P. 127.

<sup>23</sup> М. Luzzi. *L'inferno e il limbo*. Milano: ilSaggiatore, 1964. P. 17.

<sup>24</sup> Ср. *Исх.* 34:5–7.

случай, позволяющий получить истолкование наших отношений с Тайной в конкретных терминах. «Бог, – говорит еврейский философ Мартин Бубер, – хочет прийти в Свой мир, но хочет Он прийти в него через человека. Вот в чем мистерия нашего бытия, шанс человеческого рода на сверхчеловечество»<sup>25</sup>.

Авраам оставляет свою землю из чистого доверия Богу. Бог открывается этому человеку, и за две тысячи лет до Христа в таинственности Своего присутствия Он вселяет в него способность мыслить, предчувствие связи с Ним, какой не существует более нигде в мире. Она настолько немыслима, непредставима, что сложно найти средства для ее выражения. Авраам был источником такой чистой идеи Бога, присущей всей еврейской истории.

В центре отношений, которые Бог устанавливает с Авраамом и его потомством, – *избрание*. Авраам был избран, избран отцом нового течения, нового народа.

Способ избрания, или выбора, или предпочтения, свидетельствует о том, что Тайна является человеку особым образом, неотрывным от событий реальной истории. Тайна сообщает о Себе человеку, которого избирает, народу, которому оказывает предпочтение, открывая ему о Себе то, что Ей угодно. Невозможно даже вообразить, как ограничить свободу Бога!

Процесс избрания возникает в истории, решительно претендуя на то, чтобы быть учительством для всего мира. Из псалмов видно, что евреи (так было и во времена Иисуса) испытывали страстное, пламенное желание отправиться в миссию. Их жизнь, жизнь их групп являлась орудием миссии и должна была донести до мира Бога, о Котором они унаследовали ясное представление – прежде всего как о всеобъемлющем могуществе, о неисповедимости («Мои пути – не ваши пути»<sup>26</sup>) и о справедливости.

Процесс избрания учит, что Бог позволяет познавать Его в конкретных обстоятельствах времени и пространства (благодатно время и пространство, в которые входит Бог: нет в мире ничего прекраснее). Евреи называли Храмом то место, где Бог открывал Себя людям и судил их.

Никакой другой народ в мире не переживал подобных отношений с Богом. Прочие народы изумлялись и черпали у евреев свет, чтобы разглядеть в собственном существовании то, что для евреев уже было ясно. Поэтому, если обратиться к древности, к тому, что возникло давным-давно, от начала вещей, мы увидим, что еврейский народ для человеческого сознания находился в центре мироздания. Человеческое сознание было пропитано и обогащено творением в жизнь, в действие принадлежности Богу, Богу Храма, поскольку в еврейском обществе именно Храм воплощал представление об отношении Бога и человека: совет, помощь Бог давал в Храме.

«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим»<sup>27</sup>. Древнее не есть «прошедшее»; древнее формирует настоящее. «Вспомни, – говорит Моисей в конце жизни, – дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе»<sup>28</sup>. Однако для всей современной культуры принадлежность враждебна, ведь слова «дни древние, лета прежних родов» указывают на таинственное происхождение того, что животворит нас и, как мы знаем, побуждает к действию.

Этому народу приходится тяжелее, чем всем другим религиозным течениям, потому что единство и святость Бога, то есть Тайны, «накладываются» на повседневные дела. Душа, созна-

<sup>25</sup> М. Бубер. *Путь человека по хасидскому учению* // М. Бубер. *Хасидские истории. Первые учителя*. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2006. С. 372.

<sup>26</sup> Ср. *Ис.* 55:8.

<sup>27</sup> *Иер.* 6:16.

<sup>28</sup> *Втор.* 32:7.

ние ощущают вмешательство Бога, но тело отягощает душу, тленное тело сдерживает широту души («et corpus quod corrumpitur aggravat animam»<sup>29</sup>). Но Бог, библейский Бог внушительно являет Себя. Единство и святость Бога связаны с повседневными делами. «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём [и в душе твоей]; и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая; и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих»<sup>30</sup>. Это говорит о том, насколько принадлежность Тайне подразумевает, что Тайна пронизывает все наши кости и всю нашу плоть и все, что мы делаем. Бог есть всё во всем.

Решение Тайны избрать народ как средство Своего вхождения в мир на уровне познания и действий, – это риск, которому Тайна подвергает Себя, чтобы углубить и сделать более зрелой принадлежность Ей человеческого существования и тем самым обеспечить сознание долговечности того факта, что народ и отдельный человек принадлежат Ей в рамках тех мимолетных обстоятельств, в каких Она достигает их.

Одним словом, Тайна как будто сказала: «Я хочу, Мы хотим признания от ничто». Как получить признание от ничто? Что может сказать ничто перед лицом Сущего? Мы даже говорим о Нем образно! Троица как будто сказала: «Сотворим то, что могло бы Нас признать». Бог как будто решил сказать: «И ничто тоже обязано услышать Нас и одобрить Нас. Ничто должно сказать: „Я ничто, но есть Ты“». И как Бог добился этого, как сотворил подобное? Он сотворил человека, человеческое «я», которое является свободой. Но что такое свобода? Свобода – это признание Сущего, прирастание к Сущему. Поэтому непризнание Сущего «сковывает» данное нам бытие, сжимает его, душит его, ослабляет его; и по глупости, в ослаблении и в противоречиях, которые Бог и жизнь ставят перед ним, человек находит предлог для философствования и выведения многих следствий: как если бы дом был объят пламенем, а он, вместо того, чтобы лить воду на огонь, лил бы ее в противоположном направлении.

Решение Тайны избрать народ – «риск», которому Тайна подвергает Себя. Уходящее время движет вперед историю. История соткана из событий: Авраам, Исаак, Иаков. Это река, реальность, пребывающая в движении и рождающаяся по инициативе Тайны от исторического источника – Авраама, от исторических источников – начальников народа после него. И потому поразительно, что Бог использует народ, а народ «притязает» на избранность (мы тоже должны были дать книге о христианстве название «У истоков христианского притязания»<sup>31</sup>). Событие за событием подтверждало существование семей, родов, которые целиком и полностью определяла изначальная позиция прародителя. Подобно предыдущему роду они устанавливали отношения в высшей степени насыщенные и полные смысла. Все это сосредоточено в наиболее известной и великой фигуре – в Моисее. Во времена Моисея история уже была настолько богата конкретными факторами, что он стал величайшим вождем, величайшим учителем, выразителем связи с Богом, тех почтения и любви, какие надлежит питать к месту, напоминающему о принадлежности, где можно было найти приметы и признаки надежды – отправной точки для народа и причины, по которой он отправился в путь.

Таким образом, завет определяет высшую форму отношений между человеком и Богом, между избранным человеком и Богом (ибо избранный человек должен возвещать об этом всему миру: своему народу и через свой народ – всему миру). Завет, начавшись с библейского

<sup>29</sup> Прем. 9:15.

<sup>30</sup> Втор. 6:4–9.

<sup>31</sup> Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М: Христианская Россия, 2010.

народа, исполняется, окончательно осуществляется в народе христианском. И потому тот, кто избран Богом, чтобы принадлежать Богу, должен принадлежать к этому народу (вот почему мы сказали, что мы тоже евреи). «Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя. И пал Аврам на лице свое. Бог продолжал говорить с ним»<sup>32</sup>. Ни одна литературная история не рассказывает ничего более драматичного.

«Ни у одного народа нет таких отношений с Богом, как у еврейского. Это древний народ, он давно Его знает! Он познал Его великую милость и холодную справедливость, он много грешил, горько каялся, и он знает, что его могут наказать, но не могут покинуть», – говорит Йозеф Рот в книге «Дороги еврейских скитаний»<sup>33</sup>.

«Вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов... и весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя; и поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя»<sup>34</sup>. «Богом твоим...» Твоим! Ты Божий, ты принадлежишь Тайне, ибо Он сотворил всего тебя! Бог говорит «Бог твой» человеку, для которого Тайна – всё: он происходит от Бога, и потому он Божий.

«Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, – ибо вы малочисленнее всех народов, – но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которою Он клялся отцам вашим»<sup>35</sup>. Эта любовь и эта верность сохраняются во времени.

Слово «завет» означало обещание счастья для каждого и финальное торжество Его народа перед лицом всех народов. Следовательно, завет (т. е. отношение Бога с Его избранными) – изумительное определение поведения Бога с сотворенным миром. Бог хочет спасти всех людей, обреченных на смерть (именно так все люди толкуют свое недолговечное существование). Действительно, без отношения с Богом, человек конечен.

Завет указывает, уточняет, «как» Тот, Кому человек (и мироздание) принадлежит, Бог-Творец, близок ему. «Заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: „кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?“ и не за морем она, чтобы можно было говорить: „кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?“ но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его»<sup>36</sup>. Эта глава Второзакония всегда подпитывала и утешала нас.

Итак, завет предполагает, что, во-первых, все человечество принадлежит к тайне Бога, входящего в жизнь людей, которые погрязли во зле и которых Он намеревается спасти (зло есть первородный грех, ему поддаются люди, которых Он сотворил и намеревается спасти); а во-вторых, что спасение это происходит путем все большего утверждения ценности Бога через тех, кого Он избирает первыми, чтобы они узнали Его и стали в мире миссионерами и чтобы таким образом все узнали Его. Вот истинное, полное, всеохватное представление о принадлежности (у всех типов принадлежности есть общая черта: человек принадлежит своей собаке; если ночью с ним нет никого, кроме собаки, и она лает, он зависит от нее; но это немного другой случай!). Не существует человеческой жизни без такого мотива, без такой цели, без

<sup>32</sup> Быт. 17:1–3.

<sup>33</sup> Й. Рот. *Дороги еврейских скитаний*. М.: Текст: Книжники, 2011. С. 47.

<sup>34</sup> Быт. 17:4, 6–7.

<sup>35</sup> Втор. 7:7–8.

<sup>36</sup> Втор. 30:11–14.

такого служения: быть миссионерами Бога, ибо Бог есть Бытие, всё, Он Бытие, из Которого всё сотворено, а Бытие означает положительность, в конечном счете положительность (и это предельно ясно в понятии милосердия, о котором мы говорили в другие разы).

### *Б. Иисус из Назарета*

Этот второй пункт, следующий за упоминанием странного начала еврейского народа и его странного понимания как места присутствия Бога, где можно было переживать отношение с Богом, говорит о возникновении в определенный момент истории проблемы Мессии, Того, через Кого Бог спасет человека. Пророки называли Его Рабом Божиим.

В жизни и в сознании еврейского народа была пустота: ожидание того, как Бог воспользуется ими, чтобы достичь других людей. Ответ Бога был сильнее чистого познания Бога и непостижимого и страшного события первородного греха: в человеческую историю проникает весть о новом факторе. Этому содержанию сознания и ожидания суждено быть провозглашенным всему миру.

Завет остается невысказанным методом, который для сердца человека есть высший путь его собственной жизни и верности народа верному Богу: благодаря верности народа исполнится обещание, данное Богом Аврааму и наконец принесенное миру Мессией, Христом, Иисусом из Назарета. Бог никогда не просит ни о чем другом, кроме повторения изначального события, но на более глубоком и более широком горизонте.

Идут года, тысячелетия, и поразительно, что среди всего избранного народа лишь малая часть сохраняет живым – как смысл жизни – обещание Тайны. Опираясь особым образом на сознание пророков, древних и пророков, этот «остаток» прирастает к обещанию и поражается тому, что определенное течение, определенное направление отмечает в качестве момента, когда определится все, чем Бог является для них («всё во всем»), конкретную дату. Однажды возникает конкретная дата. За несколько сотен лет до Христа древние и пророки говорили: придет посланник от Бога и исправит народ; для евреев эта мечта была неотрывна от ожидания Мессии и политического триумфа еврейского народа. Это направление отмечает в качестве момента, когда определится то, чем Бог является для них, дату – приблизительно во времена царствования в Иерусалиме Ирода, а также (в озарении некоторых пророков) имя города, где появится Мессия.

Все это мы не можем не относить к самим себе! Тридцать лет назад христианин мог исчерпать свое суждение о мире и его судьбе нравственным усердием собственного сознания. Сейчас же нет: мы призваны осознавать все аспекты, в которых Тайна желает быть признанной, чтобы Ее божественное достоинство было искуплено от ошибок забвения, порочности, отчужденности, в которые впали, наряду с остальными людьми, избранные как новый род или новый народ в мире, отвергнутые – так им казалось – и наказанные за их преступления.

Чувство Тайны, Бесконечного ведет к инаковому поведению в истории. Справедливо по отношению к народу и завету действует милосердие (справедливость есть вселенная, где замысел Божий понимается как уже воплощенный в мире и признанный избранными). Бог не может не поддерживать человека, которого Он сотворил «конечным» – конечное существо, причастное к Нему и признающее Его своим Господом. Ценность всего творения – в этом признании!

Весь род человеческий не признает Бога, предавая сам себя, хотя Бог явил Свои намерения, Свой образ господства в «остатке». Еврейский народ заставляет человечество осознать, что в человеческом сердце есть загадочное зло. Первородный грех продолжается, справедливость, казалось бы, невозможна, но «остаток Израиля» не в состоянии смотреть вечером на прекрасный закат или погружаться в зарю поутру, не ожидая, не умея ждать.

На все это неотложное ожидание, на очищенное и поистине благочестивое желание Господь Бог – Тайна – ответил положительно: «Я с вами». Пока остальные, как я сказал ранее, впадали в мирские искушения, этому народу Бог дал положительный ответ – Христа. Ответ Бога наделяет человеческий взгляд новизной, великой положительностью, хотя народ как таковой и не признает Христа в Иисусе из Назарета. «Остаток Израиля», однако, замечает Его в тот день, когда Младенца посвящают Отцу в Храме: рожденный от женщины, в полной мере человек, Он вырастет и поймет, что Тайна сотворила в Нем и с Ним. Потом Он возрастет еще больше и скажет перед всеми: «Я и Отец – одно»<sup>37</sup>.

Присутствие Иисуса как ответа на долгое ожидание народа и всех народов длится на протяжении всей истории. Мы знаем, что ожидание есть ожидание Искупителя, а значит, и собственного счастья. Любой человек ожидает Искупителя. «Бог трогает нас прежде всего Своим человеческим лицом»<sup>38</sup>, – говорит Камю. Иисус из Назарета, в Чьи руки Отец отдал все, утверждает Себя в таинственном Телe, приобщая к Себе всех избранных, всех тех, кого Он избирает в Крещении (избирает Он), делая частью Своего Тела, утверждая Себя там, где двое или трое собраны ради Него: так возникает Тело Христово. Вот что зовется новым и вечным заветом: такое единство во все времена истории.

«Христианин определяется не минимальными требованиями, – говорит Пеги, – а общением. Христианами являются не потому, что достигают некоего нравственного, интеллектуального или духовного уровня. Христианами являются в силу „принадлежности“ к определенной восходящей расе... к расе духовной и плотской, временной и вечной, к определенной *крови*»<sup>39</sup>.

---

<sup>37</sup> *Ин.* 10:30.

<sup>38</sup> А. Камю. *Указ. соч.* С. 124.

<sup>39</sup> Ch. Péguy. *Oeuvres en prose complètes*. Vol. III. Paris: Gallimard, 1992. P. 573–574.



## КТО ВО ХРИСТЕ, ТОТ НОВАЯ ТВАРЬ

### 1. Событие иной человечности

Я хотел бы начать с чтения двух отрывков «Песни принадлежности» Джорджо Габера, которую многие знают: «Принадлежность / не случайное скопление людей, / не присоединение к собранию, / принадлежность означает носить других внутри себя». Но как на самом деле (кажется, это несбыточная мечта) «носить других внутри себя»? В последней фразе песни говорится: «Уверен, моя жизнь изменилась бы, / начни я / говорить „мы“»<sup>40</sup>.

Принадлежность – суть поведения, подобающего человеку в отношении Бога, и такая точка зрения, которая становится потом столь полезной для нашей памяти, возникает в силу естественной очевидности. Если бы человек ни к чему не принадлежал, он был бы ничем. Принадлежность по природе – по крайней мере по природе – подразумевает, что «я» не было, а теперь оно есть. Если бы человек ни к чему не принадлежал, в его самосознании образ ничто встал бы перед ним или позади него, как только его память сосредоточилась бы на чем-либо на мгновение или на несколько мгновений. Не сознавая свою принадлежность, он, если бы подумал, поразмыслил, оказался бы перед собственным ничто.

«Не может успокоиться на простом нигилизме тот, кто хочет Истины», – справедливо говорил Павел Флоренский. «Ведь если разум, – продолжает он, – непричастен бытию, то и бытие непричастно разуму»<sup>41</sup>. Акт познания является не только гносеологическим, но и онтологическим, не только идеальным, но и реальным. Если разум непричастен бытию, если не признает, что нечто предшествующее ему внушительно предстает перед ним, если не признает, что он был сотворен ради этой высшей встречи, превосходящей самосознание, он не может даже начать познавать. Святой Фома прекрасно подчеркнул это, сказав, что реальность, встреча с реальностью сразу же пробуждает «я» и что реальность влияет на «я» и призывает его.

Принадлежность Богу – самое очевидное, что сознательный по природе человек должен допустить («должен» допустить, может признать!). Самое очевидное – всецелая принадлежность, принадлежность Богу: человека не было, он был сотворен Богом, Другим, кем-то Другим, как и мироздание. Ничто в мироздании не творит само себя, существует нечто предшествующее, охватывающее все из глубины, изнутри, и выстраивающее: все «сотворено кем-то» и, значит, «принадлежит кому-то». Бог есть Творец, творение принадлежит Творцу. Совсем не так выглядит наш способ завладеть вещами, обладать отношениями, которые мы стремимся обособить как единственное, что нас интересует в мире!

Как мы сказали в конце утренней лекции, принадлежность Богу тождественна всецелой, всеохватной принадлежности Человеку, если Бог стал тем человеком. Если Бог уподобил Его Себе, достиг Его и уподобил Его Себе, то принадлежность Богу совпадает с принадлежностью Ему. Человеческий разум, даже если идея может показаться ему абсурдной, не в состоянии запретить Беспредельному «положить» Себе предел.

Давайте теперь посмотрим, что предполагает принадлежность Христу с точки зрения всего нашего существования («Бог всё во всем», а значит, «всё и во всех Христос»). Речь о событии иной человечности: Христос есть событие иной человечности, во Христе мы рождаемся

<sup>40</sup> G. Gaber. *Canzone dell'appartenenza*. Album *Un'idiozia conquistata a fatica*. Gaber 98–99, © GIOM.

<sup>41</sup> П. А. Флоренский. *Столы и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах*. М.: Академический проект, 2017. С. 78–79.

как новые люди, отличные от остальных. Событие это даруется и проявляется в Крещении, поскольку Крещение – действие, посредством которого Христос завладевает жизнью, предпочитает и избирает чью-то жизнь. В Крещении мы рождаемся как новые люди, отличные от остальных в силу Крещения. Крещение, будучи местом, где Тайна умирает среди человеческого зла и воскресает благодаря божественному могуществу, заключенному в Ней, есть место, где принадлежность Богу получает от Самого Бога сверхъестественность, превосходное естество.

Апостол Павел пишет: «Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей»<sup>42</sup>, воли Христовой, ибо избирает Христос, Бог в Иисусе из Назарета. «Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его»<sup>43</sup>.

Таким образом, именно Крещение позволяет человеку возрасти, осознать самого себя, обрести самосознание, выливающееся в возвешение отношений, изливающееся и в его собственную душу как возвешение исключительных, непревзойденных отношений, «превосходящих» его возможности. «Кто может говорить об изливающем мир Христовом человеколюбии?»<sup>44</sup> Однако рождается новый человек, начинается и рождается не так, как человек естественный: за первым рождением следует второе.

Интересно еще и то, что каждый крещеный поразительным образом связан с другими, и они способны представлять как единое целое, несмотря ни на какие отличия: единство возникает, поскольку каждый крещеный отражает тайну единства Бога. И потому оно таинственно, это таинственное событие.

Если Бог стал одним из нас, чтобы мы могли существовать правильно, то есть жить верой во Христа, условие для этого – принятие Христа и совместная жизнь с Ним, сокровенное участие в Его жизни, а значит, и в Его кресте и воскресении (а путь сокровенного участия в Его жизни – прежде всего литургия Церкви). Так человек обретает способность самореализоваться в глубине общения (вот почему Габер никогда не найдет на своем пути того, о чем говорит в конце песни: «Уверен, моя жизнь изменилась бы, / начни я / говорить „мы“»; мы же «обязаны» говорить «мы», этим определяется вся наша история). Если Бог стал одним из нас, чтобы мы могли существовать правильно, то есть жить верой во Христа, условие для этого – принятие Христа, признание, что мы принадлежим Ему, а значит, и совместная жизнь с Ним, сокровенное участие в событиях Его жизни (через память и литургию Церкви) ради того, чтобы смотреть на другого человека как на часть самого себя, реализованную в глубине общения: из глубины наших душ, онтологически соединенных Тайной, явленной в сакраментальном знаке, такое общение претворяется в высший сакраментальный знак – Церковь.

«Если бы Он пришел, как Бог, – говорит святой Августин, – то оказался бы не узнан. Ибо если бы Он пришел, как Бог, то не достиг бы тех, кто не мог узреть Бога. Ведь Он не приходит и не удаляется сообразно Своему божеству, поскольку Он вездесущ и ничем не ограничен. Но как кто Он пришел? Он явил Себя человеком»<sup>45</sup>.

Один из первых отцов в истории Церкви святой Ириней Лионский утверждает: «Слово Божие обитало в человеке и сделалось Сыном Человеческим, чтобы приучить человека принимать Бога и Бога обитать в человеке, согласно с волей Отца»<sup>46</sup>, Тайны.

<sup>42</sup> *Еф.* 1:4–6.

<sup>43</sup> *Рим.* 8:9.

<sup>44</sup> Ср. Дионисий Ареопагит. *О Божественных именах.* Гл. XI, 5.

<sup>45</sup> Бл. Августин Гиппонский. *Толкование на Евангелие от Иоанна:* В 2 Т. М.: Сибирская звонница, 2020. Т. 1. Рассуждение 2, 4 (4). С. 65.

<sup>46</sup> Св. Ириней Лионский. *Против ересей. Доказательство апостольской проповеди.* Кн. III, 20, 2. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. С. 300.

Святой же Бернард говорит: «Бог пришел во плоти, чтобы открыть Себя людям, которые из плоти, и чтобы познали Его благодать, явился в человечестве. Ибо Бог явился в человеке, и благодать Его уже не может быть сокрыта. Что лучше подтверждает Его благодать, как не то, что Он принял мою плоть? <...> Умалившись через воплощение, Он явил Себя великим в благодати; и Он столь мне дорог, сколь меня ради уничижил Себя»<sup>47</sup>.

Нельзя принадлежать Богу, не принадлежа Христу. Избранный народ, призванные люди все поставили, все ставят на принадлежность Христу, вочеловечившемуся Богу, Богу, появившемуся в человеческой истории, как любой другой человек, убитому за народ и воскресшему из мертвых, получившему от Тайны силу, то есть Духа, получившему от Тайны Ее саму и власть над всем сущим. Вот почему мы говорим, что смысл истории – Христос, Иисус из Назарета.

Благодаря принадлежности Христу «я» уже не остается замкнутым в самом себе, с заботами и переживаниями, как у всех остальных. Оно сотворено ради Присутствия и во имя Его делает все. Человек, избранный Богом, крещеный, более не может пребывать в самом себе, иметь заботы и переживания, как все остальные. Он живет и делает все во имя Присутствия, ради Которого он сотворен, Которым он сотворен (он ощущает это, сознает это), присутствия Христа в Его Церкви.

Поэтому апостол Павел пишет первой церкви в Коринфе: «Любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего»<sup>48</sup>. Так относились друг другу христиане в самом начале, в первые времена распространения христианства. В четырнадцатой главе Послания к римлянам он говорит: «Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни»<sup>49</sup>. В Послании же к галатам Павел уточняет: «Уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»<sup>50</sup>. Ни в каком человеческом воображении не могло возникнуть ничего подобного.

Да, у нового человека те же заботы, что и у всех остальных, но они отличаются, они упорядочены перед лицом того, что необходимо для работы – работы как живой принадлежности Христу, как живого сознания о принадлежности Христу. С этой точки зрения одно и то же – умирать за Христа или вскармливать ребенка. «Ибо мы [все] – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять»<sup>51</sup>.

Будучи так обладаем Богом, признавая, что он принадлежит Ему, поскольку все происходит от Него, человек открывает Его для себя как историческое событие. И потому избранный все переживает как принадлежность. Следовательно, для христианского народа, образованного традицией, все становится почти сценическим проявлением (ничто не остается за кулисами, нет ничего бесполезного, никакое отношение не принижает величия души и сердца); все становится почти сценическим – драматическим – проявлением, а драматизм всегда отличал христианский народ. Все становится делом Христовым в диалоге со Христом и с тем, как Он присутствует, с близкими или чуждыми Ему людьми: в диалоге и в ответе.

<sup>47</sup> Св. Бернард Клервоский. *Речь на Богоявление*. 1, 2.

<sup>48</sup> 2 Кор. 5:14–15.

<sup>49</sup> Рим. 14:7–8.

<sup>50</sup> Гал. 2:20.

<sup>51</sup> Еф. 2:10.

Мы без смущения и колебаний говорим, что мы другие: мы совершенно иначе, чем остальные люди, видим и понимаем действие.

Когда 30 мая мы отождествили жизнь с нищенской мольбой, а главную потребность человека – с живым сознанием, что он принадлежит Христу и Богу, мы говорили о молитве как о высшем выражении нашей свободы, поскольку молитва есть признание Сущего, Которым все создано<sup>52</sup>. Поэтому всё обретает огромный потенциал положительности: всё, даже смерть. Отчаянному возгласу пастора Бранда из одноименной драмы Ибсена (как часто мы его цитировали!): «Ответь мне, Боже, в час смерти моей: неужто всей человеческой воли недостаточно, чтобы получить хоть каплю спасения?»<sup>53</sup> – отвечает смиренное утверждение святой Терезы Младенца Иисуса, писавшей: «Когда я милосердна, во мне действует один лишь Иисус»<sup>54</sup>. В этой фразе «я» святой Терезы Младенца Иисуса признает свою ценность, утверждая, что вся его доброта, вся его способность к добру, как и вся его жизнь принадлежат воплощенному Господу, умершему и воскресшему ради нас. «Когда я милосердна, во мне действует один лишь Иисус».

## 2. Цель принадлежности

Для чего рождается новое творение? Для чего Бог вмешался и вмешивается в жизнь мира, чтобы создать новое творение? Давайте порассуждаем о цели принадлежности.

В первую очередь мы сегодня увидели, что принадлежность Богу должна стать принадлежностью Христу, и именно так в мир входит новый человек, иное творение (в первые семинарские годы, слыша слова «новый человек», я их не понимал; я толком не понял их, и окончив семинарию; я понял их позже, время – драгоценный инструмент Бога).

### А. Ради славы Отца

Новое творение рождается, чтобы через Христа, благодаря Его безусловной самоотдаче Отцу, исполнился таинственный замысел Отца. Христос, благодаря Его безусловной самоотдаче Тайне, меняет и меня вместе с огромной человеческой толпой, которая, согласно таинственному Божьему замыслу, стремится войти в реку, чьи воды – история спасения, дабы все явленное в Еврее из Назарета влилось в море Христа: да исполнится тайна Отца во мне, а значит, и в мире. По этой причине Отец сотворил человека: Он восхотел, чтобы Его признало ничтожество, ничто. Эта абсолютная безвозмездность, в рамках которой совершается действие сознательного существа, то есть существа, признающего, что есть один лишь Бог, нашла таким образом возможность беспрельдно приумножать эту парадоксальную встречу.

Вот первая цель необходимости жить, сознавая принадлежность: слава Отца, проясняющая отношение между Бытием и ничем, между Богом и тварью (необходимо всегда подчеркивать, что «я» есть самосознание всего мироздания, всего творения).

Тайна таинственным образом сотворила ничто, пожелала войти в диалог с ним, с нищим. Мы ничто. Тайна таинственным образом сотворила ничто, пожелала войти в диалог с ним в силу непредставимого и не поддающегося нашему определению единства между волей Бо-

<sup>52</sup> Имеется в виду встреча Святейшего Отца Иоанна Павла II с церковными движениями и новыми общинами. Рим, площадь Св. Петра, 30 мая 1998 г. См. также: Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 4–9.

<sup>53</sup> Cf. H. Ibsen. *Brand. Poema drammatico in cinque atti*. Milano: BUR, 1995. P. 240.

<sup>54</sup> Teresa di Lisieux. *Storia di un'anima. Manoscritti autobiografici*. Milano: Ancora, 1997. P. 291.

жией, спрашивающей у человека: «Кто Я для тебя?» – и человеком, отвечающим: «Ты всё», – или: «Я не признаю Тебя, не знаю, кто Ты. Я свободен». Только первый ответ правильный, истинный, не ложный. Поэтому-то 30 мая на площади Святого Петра мы говорили, что истинный человек – нищий, просящий подаяния.

Тайна таинственным образом сотворила ничто, пожелала войти в диалог с ним, с нищим, ради Своей славы – ради славы Божией. Мы предчувствуем суть, важность, величие этих вещей, но не понимаем, как они происходят. «Как» станет понятно в вечности, пока же по крайней мере для нас начинает обрисовываться имя проблемы, чьи факторы постепенно проясняются.

### Б. Новый народ

Нищий, просящий, человек крещеный, не пребывал в одиночестве, а стал «quasi arena in litore maris»<sup>55</sup> [как песок на берегу моря], стал народом, «этносом *sui generis*», как говорил Павел VI<sup>56</sup>. Народ этот состоит из тех, кто выражает себя и распространяется, вовлекая многих, кого Бог дает им. Таким образом, это народ, сотворенный и ведомый Богом через некоторых, кому Бог позволяет самовыражаться с преумножающей силой.

Этот народ в высшем своем проявлении есть сакраментальный знак присутствия Христа (сакраментальный знак значит, что знак не только отождествляется с Тайной в пространстве, но и что содержание, которое он знаменует, осуществляется, исполняется). Поэтому он обладает осязаемым, видимым, осязаемым обликом, подобно тому, который Бог принял в воплощении, воплотившись. Знак, не воплощенный в реальности, не является местом, где Бог действует как Христос. Человечность Иисуса из Назарета, призванная быть причастной к тайне божественной природы, расширяется, чтобы совершилось установленное Отцом: в осязаемой, видимой и осязаемой реальности, в народе, обладающем умом и привязанностью. Он есть мистическое Тело Христово, осязаемое Тело Христа, где невидимая божественность охватывает сферы, которые Отец дарует Сыну. Такое проникновение порождает людей с новым мышлением и новой плодотворностью.

«По благодати, соделавшей из Церкви Тело Христово, все члены милосердия [то есть любви, все члены места, где Бог явил Свою любовь к людям] да пребывают сплоченными и да сохраняют неотступно единство Тела. Сия да будет молитва наша»<sup>57</sup>, – говорил святой Фульгенций из Руспы.

Мы, христиане, берем свое начало от Церкви, места Христова сегодня, от свободной инициативы Духа Христова, благодаря Которому становится живой, осознанной и желанной принадлежность Ему. Историческим условием для того, чтобы этот переход состоялся (условием «историческим», «фактическим»), является харизма. Харизма – вмешательство Духа Христова ради укрепления принадлежности Христу в мире. Это факт истории, в рамках которой мы рождаемся, в рамках которой Дух настигает нас, в которую Отец поместил нас. Замысел порождающей Тайны, Отца, поместил нас на определенный путь, на определенную стезю в лоне Церкви, погрузил нас в событие Христа, причастил нас к Себе, сделав нас Своими с точки зрения познания и привязанности. Таким образом, харизма есть милосердие Христа, явленное нам, когда Он сделал нас Своими: Своими с точки зрения сознания и привязанности, с точки зрения мышления, отношения к человеческой привязанности и ее осуществления.

<sup>55</sup> Быт. 22:17.

<sup>56</sup> Paolo VI. *La proiezione dell'Anno Santo nell'avvenire della Chiesa*. Udienza generale, 23 luglio 1975 // *L'Osservatore Romano*. 25 luglio 1975. P. 1. См. также Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 164–165.

<sup>57</sup> San Fulgenzio di Ruspe. *Ad Monimum libri*. III, II, 11–12.

Итак, новизна заключается в понимании того, каким образом Христос, Дух Христов стремится сформировать в нас *иное мышление*, способ смотреть, а также выносить суждение и делать выводы из этого суждения, способ познания в полном смысле слова, ином и новом, *способ привязанности* в самом широком смысле, обеспечивающий ясное и истинное познание наших отношений со всякой вещью, но прежде всего – иную динамику, иной трепет самой природы естественной любви.

Мы христиане, берем свое начало от Церкви, места Христова сегодня, от свободной инициативы Духа Христова, благодаря Которому становится живой, осознанной и желанной принадлежность Ему. Это говорит о долге, о высшем законе нашей совести, охватывающем весь кругозор человека.

### *В. Ради человеческой славы Христа*

Цель всего, цель, ради которой новый человек вошел в мир, – человеческая слава Христа. Проникновение Христа в реальность непреступно для человека, но, поскольку Он создал физическое место – Тело – в отдельном человеке и в группе людей, общине, его можно физически преследовать как раз из-за истины и любви, которые Христос пробуждает, из-за силы истины, из-за величия и верности любви, которые Христос пробуждает.

Произошедшее однажды, может произойти снова, как утверждает Элиот<sup>58</sup>, говоря о том, что христиане должны создать жертвенник, построить жертвенник, который разрушат враги. За разрушением последует новое время созидания. Такое чередование будет длиться, пока Богу угодно.

Поэтому христианин (и это важный критерий мышления и истинное свойство любви) не в состоянии получать удовольствие от гегемонии, от захвата власти, ибо власть у Бога, Он знаменует ее.

В каждый момент развития Тела возможны преследования, но возможно и возрастание человечности, которая насыщается ощущением присутствия Христова, чуда как нравственного изменения и эстетического усилия. Вместе с истиной, признанной умом, такая человечность может породить новое общество, способное достичь уровня, обычно немислимого для человека и его меры. Это общество может с разных точек зрения представлять сакраментальным в истории, как было в Средние века, в определенные периоды средневековой истории.

Окончательный смысл мироздания (включающего и человеческую историю), который «совершается» на протяжении всего жизненного пути народа (от Андрея и Иоанна до Сына Человеческого, грядущего в последний день), – Иисус из Назарета, в Чьи руки Отец отдал все<sup>59</sup>. Именно Отец избирает народ, признает его святость в тех, кто признает исполнение Его завета, кто, как Он видит, глубоко переживает принадлежность Ему (как, например, Анна и Симеон, Мария и Иосиф среди остатка Израиля...). Однако, поскольку Отец отдал все в руки Сына, истоки призвания отдельного человека, начало народа Церкви и его свершение – Человек, Иисус из Назарета, в Котором Сущий, Тайна, Бог присутствует для меня. Эта реальность возникла две тысячи лет назад. И потому жизнь христианина по динамике своей есть память и уверенность, а иначе говоря – надежда на Иисусовы обещания, на их исполнение в каждом призванном Им человеке. Я всегда думаю об этом, когда слышу в «Ангеле Господнем» ту прекрасную молитву, в которой мы просим Бога, дабы мы, познавшие через ангельское приветствие Его воплощение, Его смерть и воскресение, приобщились к славе Христовой. Слава

<sup>58</sup> См. Т. С. Элиот. *Камень*. VI. С. 135–136.

<sup>59</sup> Ср. *Ин.* 17:1–10; *Мф.* 11:27; *Лк.* 10:22; *Ин.* 16:15.

наших действий, то есть формирование принципа, ради которого мы живем, Присутствия, Которому мы посвящаем себя, – в Человеке, Иисусе из Назарета, называемом Христом, ибо Он был Мессией, коего евреи ожидали, но ради спасения народа убили.

Новое «я» познает иным образом, оно испытывает положительную привязанность ко всему сущему в определенных границах (границах, установленных творением, соответствующих их изначальной природе), во всем, что он делает во исполнение замысла Бога, то есть Христа.

Вот почему христианин должен любить Христа. Для сознательного христианина, воспринимающего все неизбежные обстоятельства жизни как выражение его принадлежности Тайне, Богу, как выражение сознания об этой принадлежности, все должно восходить к любви ко Христу, рождаться и протекать из нее. Любовь ко Христу – динамика всех отношений со всеми вещами, со всеми людьми, критерий и мера всего, цель всякого действия; благодаря любви ко Христу человек на все начинает смотреть согласно уму Христову, он перенимает ум Христов, поступает согласно уму Христову.

Некоторые проблемы, кратко перечисленные здесь, представляют собой основополагающие факторы общественной жизни, жизни человека в обществе: работа, привязанность (удовлетворение привязанности), справедливость. В трех словах (работа, привязанность, или проблема привязанности, справедливость) мы попытались обозначить весь пыл, всю способность к действию, все усердие человеческой свободы, и мы уже касались так или иначе этих тем и знаем, как они развиваются, но, надеюсь, мы углубим их в жизни наших общин.

#### *Г. Переход к окончательному смыслу: вера, надежда, любовь*

Последнее замечание. Мы сказали, что нужно любить Христа во всех непредвиденных обстоятельствах нашей жизни, в том, как она разворачивается, в возникающих в ней отношениях привязанности. Таким образом для сознания о принадлежности намечается финальный переход к смыслу бытия, мироздания и всей истории – Страшному суду. Никто не знает дня этого Суда, о нем знает лишь Отец, изначальная Тайна. Именно Отец определяет таинственный замысел, в рамках которого на долю христианского народа выпадают и добрые и дурные времена, как и в течении истории народа еврейского. Этот принцип очевиден или должен быть очевидным в жизни христианина.

Самое явное отличие христианина в плане его мышления (иными словами, в плане его ума и привязанности, поскольку характерная черта христианского мировоззрения, христианского мышления – указывать на глубокую, исконную связь между познанием и любовью; вот почему мы говорим, привыкли говорить, что взаимная любовь и, следовательно, дружба могут происходить только из суждения: любовь, не происходящая из суждения, не является человеческой), самое явное отличие христианина в плане его мышления (в плане ума и любви) от человека, не принадлежащего Христу, заключается в том, что он переживает условия существования и истории, опираясь на положительную уверенность в отношении всего. Сохранять такую позицию можно исключительно в рамках христианского события.

Подумаем, к примеру, о родителях, потерявших ребенка, или о христианской общине, которая раньше была полна воодушевления, а потом стала аморфной, как некоторые первые общины, описанные Иоанном Богословом в Откровении («Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: „я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды“; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг»<sup>60</sup>). Подумаем о наших семьях, об

<sup>60</sup> Откр. 3:15–17.

отдельном человеке, в чьей жизни происходит что-то серьезное. Он всегда думал, что в жизни верующего не может быть таких суровых противоречий, и вот теперь, в испытаниях, он вынужден подтверждать свою надежду. Разумное принятие испытаний, посылаемых Богом, понимание, что Господь посылает нам испытания, чтобы возрела любовь к Нему, привязанность к Нему, всегда служит прибавлению святости, прибавлению сознания о собственной принадлежности.

При утрате такой способности к надежде определенные церковные явления пытаются спасти свое место в мире, принимая мирские критерии за источник достоинства и уважения (христианин же, напротив, стремится утверждать в мире свою надежду). Это признак исчезающей принадлежности Христу, и именно для нее вновь звучит драматичный вопрос Христа о том дне и часе, которого не знает даже Сын: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»<sup>61</sup>

Вот главная проверка веры! Вера во Христа есть признание Христа присутствующего, основания нашей надежды, в любых обстоятельствах, даже перед лицом смерти. Таким образом намечается финальный переход к смыслу бытия, мироздания и всей истории – Страшному суду. Финальный переход к смыслу, то есть финальный всеобъемлющий ответ на проблему принадлежности. Достижение этого уровня, признание конечной цели принадлежности – награда, награда, которая удостоверяет и подтверждает, подтверждает и удостоверяет великую ценность принадлежности – слова, созревающего в нашей душе.

Быть христианином – значит принадлежать Христу, тому, «как» Христос явился человеку. Христос выражается, распространяется в истории народа. Наша принадлежность Христу совпадает, таким образом, с принадлежностью народу Христову, Церкви Божьей. А наш образ жизни в Церкви Божьей – харизма.

Апостол Павел говорил первым христианам в Фессалониках: «Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним. Посему увещивайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете. <...> Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь»<sup>62</sup>. Вот открытие христианской культуры. В первоначальной маленькой общине «Студенческой молодежи» мы сразу же выбрали в качестве определения культуры следующие слова апостола Павла: «Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь». Но зачем сопоставлять все с этой встречей, так чтобы можно было говорить о ценности? Таково вечное открытие, происходящее от принадлежности Христу: любовь ко всем вещам.

Положительность, которую мы упоминали ранее, есть любовь ко всем вещам, соучастие в *caritas*, в безвозмездности, с какой Бог увидел все и сотворил все и делает все для своего творения.

Молитва Церкви в субботу пятой недели Великого поста говорит: «Боже милостивый и верный, сотворяющий бытие человека и обновляющий его [с избрания Авраама, которое расширяется, развивается в истории еврейского народа, Бог ждал времени для полного ответа на верность, которая была в Его народе, времени, когда пришел Христос: Бог стал человеком, пришел Христос, это обновление человека, его существования], призри с благоволением на народ, который Ты избрал, и неустанно призывай к Твоему завету новые поколения, дабы, по обетованию Твоему, они радовались, получая в дар достоинство детей Божьих, превосходящее сверх всякой надежды сами возможности их природы»<sup>63</sup>.

<sup>61</sup> Лк. 18:8.

<sup>62</sup> 1 Фес. 5:9–11, 16–21.

<sup>63</sup> Начало литургического собрания в субботу V недели Великого поста по амвросианскому обряду. *Messale ambrosiano quotidiano. Tempo di Avvento, Natale, Quaresima, Pasqua*. Vol. I.



Эта молитва Церкви – настоящий синтез того, что должно составлять самосознание христианина и направление его углубления, а также познание произошедшего и любовное приращение ко Христу. Потому что, тогда как человеческая проблема – любовь к Отцу, любовь к Тайне, проблема человека-христианина – любовь ко Христу. И Тайне угодно было воспитывать человечество именно через любовь ко Христу: через то, к чему мы прикасались, к чему прикасаемся, ведь любовь ко Христу – это любовь сознательная, это крепкая привязанность к Его Телу, любовь к Его Телу, привязанность к Его Телу есть жизнь наших общин.

## Собрание и заключение

*Джанкарло Чезана.* Вчера вечером мы по традиции провели работу в гостиницах. В этом году участники собраний действительно постарались уложить результаты обсуждения в один вопрос. Сначала одно наблюдение: почти все поступившие нам вопросы касаются первой лекции. Это означает, что вторую нужно внимательно перечитать, учитывая ее центральность и обобщающий характер. И вот первый вопрос: почему в этом году подчеркивается термин «принадлежность», тогда как в прошлом мы настаивали на «познании»?

*Луиджи Джуссани.* Мы сосредоточились на термине «принадлежность», поскольку содержание познания возвращается и доводится до воплощения, то есть передается, прежде всего с помощью критерия, свойственного тому, чему мы принадлежим, который также называется менталитетом. Отдаем ли мы себе отчет или нет, но наш образ чувств, видения, суждения происходит от того, чему мы принадлежим. Вот почему мы не можем быть христианами, не можем говорить, что мы христиане, если с Божьей помощью не стараемся смотреть на вещи, на все вещи (в собственной жизни и в жизни мира, как, например, страшные события этих дней) и, молясь Богу, не пытаемся отвечать на них, руководствуясь критерием, полученным от Церкви, к которой мы принадлежим.

*Стефано Альберто (отец Пино).* Следующий вопрос задавали много раз: «Можно ли лучше объяснить взаимоотношение принадлежности и свободы?» Согласно всеобщему менталитету (так пишут друзья из гостиницы), принадлежать, «быть чьим-то» – значит, быть несвободным. Ты же говорил о свободе как о важнейшем факторе и первом следствии принадлежности. И далее: «Почему идея „я“, принадлежащего кому-то, вызывает сопротивление?»

*Джуссани.* Если принадлежность означает зависимость, сотворенность, сознание о том, что мы все еще творимы, непрерывно творимы Создателем, Богом, Тайной Бога, что тогда мы получили от Тайны Бога? Все! А следовательно, и то, что можно назвать «свободой». Поэтому принадлежность есть источник свободы. Этим можно жить в большей или меньшей мере; но в большей ли или меньшей мере ты этим живешь, зависит от свободы, а также еще от одного фактора – воли Тайны, таинственной воли Бога. Как бы то ни было, думаю, исчерпывающий ответ такой: если принадлежность указывает на фактор, который дал и по-прежнему дает нам бытие, то силу, формирующую в нас позицию свободы, мы получаем от принадлежности. Свобода не творится сама собой.

*Чезана.* Но почему тогда мы так противимся?

*Джуссани.* Мы так противимся прежде всего потому, что не знаем сути проблемы, не знаем, что такое свобода, мы никогда не размышляли об этом. Слово тем временем используют все, ведь оно возникает из нашего опыта (все, что человека волнует, нужно заметить в опыте, который он переживает). И все используют его в соответствии с тем или иным течением мысли, или интересов, или власти. Однако, если «очистить» толкование слова и дойти до его сердцевины, свобода, как мне кажется (и как мы говорили два года назад), заключается в признании Того, Кто дает нам бытие, Того, Кто творит нас, Того, Кто создает нас, и всего, что искренне

и активно содействует Богу, что Он использует как инструмент воплощения Своих идей о нашей жизни, Своих представлений о нашем существовании. Если мы хотим дать исчерпывающее объяснение, то должны сказать: свобода – признание, что Бог всё во всем, как будто Бог пожелал создать мир и творение, чтобы бросить вызов ничто, чтобы бросить вызов ничтожности (это лишь словесные обороты, но я не знаю, как лучше донести, что такое свобода, что такое творение), как будто Бог пожелал, чтобы Его творение признало, что Он есть всё, как эхо славы, заключенной в Тайне.

Наконец, заданный вопрос касается того, почему мы противимся. Задавать его себе – почти нелепо, ведь мы не осязаем Тайну, не в состоянии исчерпать ее, исчерпать отношение между Тайной и творением. В конечном счете, на мой взгляд, мы не в силах объяснить причину, по которой человек отвергает величайшую очевидность. Проблема становится еще более насущной и шокирующей, если подумать о дьяволе (*daimon*), о мятежном ангеле, о котором не случайно можно сказать, что он не признает себя творением Другого («Нет, я не знаю Тебя, не Ты дал мне бытие»): для нас это звучит как отрицание, как ложь, превращающаяся в отрицание. Некоторые аспекты этой позиции остаются непроницаемо таинственными; определить свободу в иных терминах нельзя. Мятеж нельзя объяснить; он объясняется лишь как мрачное молчание перед самими собой, перед последней дверью – ощущением собственной сотворенности: «Я не признаю Тебя». Но ничто не устранил предшествующий факт: Бог есть всё во всем, Сущий есть всё во всех творениях.

*Чезана.* Как избежать искушения гегемонии в рамках исторической ответственности, лежащей на христианах?

*Джуссани.* Гегемония не становится причиной наших действий, когда мы не стремимся утолить жажду успеха, вызванную самолюбием, или эгоизмом, или какими-то интересами. В таком случае разрешается противостояние гегемонии и исторической ответственности. Сказав, что гегемония – это хюбрис, возникающий из паутины насилия, опутывающей нашу повседневную жизнь (уввы!), обратим внимание на историческую ответственность христианина. Необходимо иное слово, чтобы определить ее: не гегемонистское стремление к собственному успеху, не личная гордыня, не поиск удовлетворения и не собирательство того, что интересно. Историческая ответственность христианина в другом. Она обусловлена тем, что любовь ко Христу, сообщающему Себя в Церкви, любовь ко Христу, лично охватывающему нашу душу, ведет нас к обязательствам с иным именем и иной природой: мы интересуемся жизнью других людей, всех людей, используя все возможности и все инструменты, которые Бог позволяет человеку находить и которые справедливы – справедливы! Милосердная любовь, движущая нами, не является стремлением к гегемонии, ее нельзя назвать так. Христианин должен стараться бороться за свою веру или за свободу и справедливость в отношении других людей, в том числе и когда он пытается занять место у власти. Если же он его не получает, цель была не в этом, его высший долг не в успехе, поскольку обстоятельства, в которые Бог его помещает, могут того и не допустить. Даже Иисуса, пришедшего в мир, чтобы принести мир, убили!

*Отец Пино.* Теперь более конкретный вопрос, касающийся первой лекции: «Что значит, что справедливость тоже должно судить согласно закону принадлежности?»

*Джуссани.* Справедливость не подвешена в воздухе, как звезда, она не осуществляется в воздухе без участия активного субъекта. И потому человек, судящий другого человека, должен

быть способным делать это с сознанием, придерживающимся закона Божия, поскольку другой человек принадлежит Богу, как я и как ты. Однако, обладая таким сознанием, он не может судить другого человека ради извлечения, к примеру, политической выгоды или ради продвижения по карьерной лестнице в судебной системе. Вот почему, на мой взгляд, во многих случаях очень тяжело и сложно повиноваться, исполнять закон Божий и для меня как для священника, и для судьи (хоть я и не выступаю судьей в наших судах, перед Богом я могу им быть: ведь это и есть исповедь, не так ли?). Одна деталь всплывает на поверхность и помогает увидеть муть на дне: отсутствие любви к человеку. Поэтому я цитировал фразу Ницше: «Во взоре ваших судей глядят на меня всегда палач и его холодный меч»<sup>64</sup>. Кроме того, если судья, представляющий общество в тот момент, отталкивается от явно преувеличенного, утрированного прочтения предписаний кодекса, не учитывая то, о чем мы говорили (свою зависимость от Бога), это всегда – всегда! – противоречит высшим, истинным интересам общества.

*Чезана.* С другой стороны, можно также сказать, что, поскольку мы всегда принадлежим (либо Богу, либо мамоне), человек, особенно если он этого не замечает, судит согласно господствующей власти.

*Джуссани.* Конечно! Однако господствующая власть, со всеми ее инструментами, все больше вторгающимися в личность на психологическом уровне, все более способными обобщать все и вся, «успешна», если мы уже не принадлежим чему-то – не временно, а на уровне суждения о самих себе, о том, кто мы и что делаем в мире, как вы слышали вчера в словах первых апостолов, Иоанна, Павла: «Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем»<sup>65</sup>.

*Чезана.* Вопрос, который я прочитаю сейчас, описывает распространенную ситуацию и сформулирован в несколько упрощенных, но ясных словах: «От одного уравнивания меня бросает в дрожь. Бог Авраама, являющий Себя во Христе, продолжающий пребывать в Церкви и достигающий нас в твоей харизме, воплощается в людях, в ответственных моего города, которых нужно слушаться. Для меня это проблема. Что значит принадлежать в послушании этим людям?»

*Джуссани.* Послушание – слово, которое должно часто звучать в размышлениях этого года, потому что, если человек рождается от Другого, если я создан Другим, необходимость послушания этому Другому очевидна. Если человек предстоит перед Тем, от Кого происходит, то послушание есть добродетель, обеспечивающая развитие того, что ему дано. Однако же послушание вызывает острые и яростные возражения, и это искушение для нашего сознания в эпоху, как наша, когда факты и события нашего сознания, природного и явленного Богом, Иисусом, совершенно не учитываются, то есть их не понимают и, следовательно, игнорируют, поскольку они кажутся отрицанием нашей свободы, свободы или удовольствия, и как будто противоречат существованию. Но именно Тому, от Кого мы зависим, Тому, Кто сотворил нас, именно Ему мы обязаны послушанием. Ничто твое не принадлежит тебе, не твое изначально, все было тебе дано. И дано с умом и любовью. У Отца, сущего на небесах, есть замысел о тебе; развитие того, что тебе дано, чтобы жить и существовать, отмечено «чертами», поясняющими,

---

<sup>64</sup> См. здесь С. 81.

<sup>65</sup> Рим. 14:7–8.

в чем заключается этот замысел и как его осуществить: и это законы, нравственные законы (нравственные законы изобретены не человеком, но они составлены людьми, сознающими свои истоки). Истоки указывают на этапы развития человеческих способностей. И потому добродетель послушания свойственна христианину. Действительно, Христос был послушным даже до смерти, и смерти крестной. Все в нашей жизни, кажется, противоречит этому слову. В свою очередь, критерий, на основании которого мы живем, желаем, пытаемся достичь желаемого, полезного, того, что представляется прекрасным, критерий (как мы видели и в эти дни) в конечном счете принадлежит Другому. Быть послушным – значить поступать, руководствуясь критерием Другого. Если человек создан Богом, вся его жизнь зависит от Бога. Вот почему три года назад мы начали упражнения, сказав: «Бог всё во всем». Но для современного менталитета деятель, то есть человек, человек работающий, образованный, созданный Богом, состоящий из Бога, присутствующего в нем изначально, словно оставил свои истоки. Истоки считаются само собой разумеющимися и в результате со временем затуманиваются, пока не исчезают совсем. Вместо них, теперь уже с детского сада, через одноклассников и вплоть до университета, все больше, со все большей заносчивостью «мир» – говорит Христос – предлагает свои суждения, свои призывы, свои советы и свою привлекательность. И мы взрослеем, нам кажется, будто мы взрослеем, как раз потому, что, забыв о наших истоках, мы идем против долга. Не быть в послушании ни у кого или, точнее, не слушаться собственных отца и матери, не слушаться прошлого, предложений, которые диктует нам прошлое: непослушание стало классическим поведением человека. Разрыв с прошлым – вот гениальное решение министров образования в наших правительствах.

*Чезана.* С другой стороны, тот, кто послушен, ищет харизму, ищет истоки, а кто призывает – призывает не к себе, а к харизме, признанной Церковью.

*Джуссани.* Благодарю тебя за это замечание, поскольку ты затронул очень интересное следствие, касающееся послушания Церкви и Движению, которое часто кажется неубедительным. Все, что вы слышите от нас, убедительно в той мере, в какой вы просты и искренни. А иначе Бог ошибся, став человеком! Если бы Он не стал человеком, не было бы и всех этих последствий. Однако, говорил святой Григорий Назианзин, «не принадлежи я Тебе, мой Христе, я был бы бессмысленной тварью»<sup>66</sup>, я не был человеком, ибо все человеческое естество даешь Ты. Бог пожелал прийти и говорить среди отчаявшихся людей, людей рассеянных, сбитых толку; Бог стал человеком, человеком среди нас: Он и сейчас среди нас, как две тысячи лет назад. Именно здесь исток. Христос мог говорить и рассуждать, как человек: «Я здесь навсегда, Отец дал Мне в руки весь мир, и Я здесь чтобы спасти его. Но, если согласиться умереть, если согласиться быть распятым на кресте, что потом?» И вот тогда, в тот момент Он придумал, как и дальше присутствовать согласно Его идеалу, идеалу, который Тайна Отца привила Его человеческому сердцу: Он придумал великую вещь – Церковь, Церковь, появляющуюся, когда двое или трое собираются во имя Его (таков принцип и нашего Братства). Глава твоей общины может быть посредственным человеком, гроша ломаного не стоит. Тем не менее, Бог и папы, которых мы знали, которые были глубоко и разумно верующими, приучили нас не иметь подобных возражений. Подобно Церкви, движения в Церкви и все, что причастно к Церкви: епархии, приходы, движения – все вместе они еще яснее провозглашают, что Слово Божие и Божия благодать передаются дрожащими руками, как у семидесятилетнего человека. Рука дрожит,

<sup>66</sup>Gregorio Nazianzeno. *Carmina*, II/I, carme LXXIV. V. 4–12 // *Patrologia Graeca*. XXXVII. Paris: 1862. Coll. 1421–1422.

и ты принимаешь гостию из дрожащей руки, как должен был принимать ее, когда рука была твердой! Церковь истинна, потому что ее основал Христос (и Он не может оставить), потому что в начале Дух Святой сошел на апостолов и Богородица и даровал Себя всему человечеству. Христос остается здесь ради всех до скончания века.

В общинах у некоторых людей есть роли, и необходимо, чтобы то, что они говорят делать, полностью совпадало с тем, что каждый христианин в силу долга, роли или в силу милосердия, отношений должен уважать и любить в совершенстве. Послушание – самое сложное для рыцарей, монашествующих и для мирян в движениях.

\* \* \*

Я хотел бы оставить вам одно пожелание. После всего услышанного, его можно и не понять, но я все равно скажу, потому что не могу сказать ничего лучше.

Вы встретили нечто великое, и это благодать Божия, как нам говорят естественным и непосредственным образом везде, где присутствует кто-то из нас... Во встрече мы получили благодать, и потому в вас есть потенциал, потенциал, заложенный Духом Святым, явно или неявно, в соответствии с историей каждого из вас; Дух Святой даровал вам способность свидетельствовать о Христе, и это то единственное, чего ожидает мир, ведь там, где Христос, отношения исполнены мира, единства и мира, в том числе и между супругами (единство и мир должны быть формулой семьи, но это верно для всех)... Какой бы ни была форма призвания, желаю вам в том великом, что Господь вам дал, через то великое, что Господь вам дал, по мере того, как оно становится все более личным, то есть проживаемым со все большим послушанием (потому что переживание личного опыта предполагает разумное послушание), вы могли встретить отца, пережить опыт отца, поскольку первая принадлежность – и с физиологической и с социальной точки зрения, а также и в наших собственных глазах – есть принадлежность родителю. Бог дан нам через отца и мать.

Пусть каждый из вас по-настоящему заново откроет величие этой роли, даже не роли, а условия, при котором человек видит Бога и Бог доверяет человеку то, что Ему дорого; роли отца, а значит, и матери, поскольку это одно и то же, в духовном смысле это не две разные функции, разница существует только на материальном уровне: у каждого свои ограничения. Именно поэтому я хотел прийти сюда и поприветствовать вас. Желаю вам пережить опыт отца, отца и матери. Желаю этого всем ответственным ваших общин и каждому из нас, ведь каждый должен быть отцом своим друзьям, матерью окружающим людям, не занимая высокомерную позицию, а неся подлинную любовь. Нет людей удачливее и счастливее, чем мужчина и женщина, которые чувствуют, что Господь сделал их отцом и матерью. Отцом и матерью всем, кого они встречают. Помните эпизод (об этом говорится во второй книге школе общины), когда Иисус, идя по полям с учениками, увидел вблизи селения, называемого Наин, женщину, плакавшую и рыдавшую над гробом мертвого сына? Он подошел к ней, но не сказал: «Я воскрешу твоего сына». Он сказал: «Женщина, не плачь», – с нежностью, утверждая ни с чем не сравнимую для человека нежность и любовь! А потом Он отдал ей и живого сына<sup>67</sup>. Но суть не в этом, ведь чудеса могут творить и другие. Такое же милосердие, такая любовь Христа к человеку не сравнима ни с чем!

<sup>67</sup> Ср. Лк. 7:11–17.

## ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ 2000–2004

С 2000 года отец Джуссани больше не вел духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Даже участие в формате видеоконференции стало для него слишком обременительным из-за ухудшения здоровья, и долгие речи, каких требуют лекции и размышления, стали невозможны. Это была огромная жертва для него, человека, который среди причин недостаточного влияния веры на жизнь современных людей выделил отсутствие доводов, объясняющих предложение христианской вести, а также неспособность передавать ее как ответ на конкретные вопросы человеческого существования.

Как бы то ни было, он, по своему обыкновению, не сдался и продолжил в разных формах выражать то, что открывал для себя по мере жизни: содержание своего самосознания, мысли о литературе и музыке, о событиях, реакции и суждения, касавшиеся общинной жизни, к которой он всегда был очень чуток. Это были выступления для конференций, которые зачитывали его сотрудники, интервью и статьи в национальных ежедневных газетах, обращения к Движению по особым случаям или в связи с важными встречами, письма Братству 2002 и 2004 годов, телевизионные передачи. После покушения на итальянских солдат в Нассирии и их похорон в Риме (12 ноября 2003 года девятнадцать итальянцев: двенадцать карабинеров, пятеро военных и двое гражданских лиц – находившихся с миротворческой миссией в Ираке, погибли в результате взрыва, осуществленного смертниками. – Примеч. перев.), объединивших в скорби всю страну, директор телеканала Tg2 попросил отца Джуссани написать текст для начала новостного выпуска в 20:30. В тексте, прозвучавшем в эфире, Джуссани прокомментировал стихотворение «Плач извечный» Джозуэ Кардуччи, XXXIII Песнь «Рая» Данте, слова о прощении, сказанные вдовой карабинера Колетты, погибшего в Нассирии, а также призвал к «воспитанию сердца народа»: «Если бы народ получал воспитание, всем было бы лучше»<sup>1</sup>. Тот же телеканал использовал его размышление для выпуска в Сочельник 2004 года. Это было последнее публичное выступление Джуссани, в котором, помимо прочего, он сказал, что «Рождество есть любовь Христа к человеку. <...> В мир входит новая Жизнь»<sup>2</sup>. За месяц до этого он выбрал в качестве текста для традиционного рождественского плаката Движения фразу Чезаре Павезе: «Единственная радость в мире – начинать. Жизнь прекрасна, ведь жить – значит начинать: всегда, в каждое мгновение»<sup>3</sup>. В молитве на мессе по случаю двадцать третьей годовщины признания Братства Святым Престолом (2005 г.) отец Джуссани призвал «рисковать» и поступать, как Христос, и назвал Братство «местом, пребывая в котором, мы сразу же понимаем, каковы наши истоки»<sup>4</sup>.

В упражнениях он развивал четкую логическую мысль, в центре которой – проблема «я» и персонализация веры, о чем говорят их названия: «Что есть человек и как он это понимает»

<sup>1</sup> L. Giussani. *L'urto del cuore // Tracce – Litterae communionis*. N. 11. 2003. P. 26–27.

<sup>2</sup> L. Giussani. *La scommessa del potere di Dio nel tempo. Tracce – Litterae communionis*. N. 1. Gennaio. 2005. P. 128.

<sup>3</sup> C. Pavese. *Il mestiere di vivere...* P. 96.

<sup>4</sup> Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. P. 1166.

(2000), «Авраам. Рождение „я“» (2001), «Что живу по плоти, то живу верю в Сына Божия» (2002), «Событие свободы» (2003), «Судьба человека» (2004).

Отец Джуссани принимал участие в упражнениях из своего дома, в конце обращаясь с приветствием к участникам, приехавшим в Римини или смотревшим их по видеосвязи. Исключением стал 2003 год.

Его слова – почти импровизация – выражают впечатление от услышанного; они насыщены размышлениями, эмоциями, любовью ко всем, кто слушал его и видел его на экране в огромных залах выставочного центра в Римини. Это памятные слова («Женщина, не плачь», «Veni Sancte Spiritus», «положительность жизни»), которые его друзья неоднократно повторяли и которые врезались в сознание людей, оставляя в нем неизгладимый след. Слова, как и все остальные его слова, позволявшие ощутить близость отца Джуссани к жизни каждого человека – тогда и по сей день.

Отец Хулиан Каррон, прежде разделявший с кем-то ответственность за упражнения (он читал одну из лекций или возглавляя заключительное собрание), впервые полностью провел их в 2004 году. Отец Джуссани по видеосвязи выразил свое убежденное воодушевление от услышанного.

«Надежда не постыжает»: таково было название упражнений 2005 года, состоявшихся уже после смерти отца Джуссани 22 февраля.



## ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТЦА ДЖУССАНИ НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2000 ГОДА «ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК И КАК ОН ЭТО ПОНИМАЕТ»\*

Я говорю с вами... мы говорили весь день сегодня, весь день вчера, мы говорим всю жизнь, ведь то, что мы пели в наших первых песнях, в самых первых наших песнях, – чистая правда.

1. «Я не достоин того, что Ты делаешь для меня, Ты, так сильно любящий такого, как я»<sup>5</sup>. По истине горько, что Бог взрастил нас в любви и в живом осознании того, что есть человеческая жизнь, что есть Движение, что есть вся Церковь, каков конец человека, какова судьба человека (судьба же человека совпадает с его концом), и мы настолько этого недостойны.

«Я недостойн того, что Ты делаешь для меня». Подумайте о том, как каждый день во мне умножается изумление от того, что делает Бог! А Бог делает сегодня, потому что делал вчера! Речь о новой реальности в мире, реальности, вошедшей в мир, о новом единстве, вошедшем в мир Церкви, и потому можно, нужно добавить, что новая реальность в лоне Церкви умножает ее истинную суть, позволяет ей расцвести в большей любви и лучезарности.

Видишь, «я недостойн того, что Ты делаешь для меня, я ничего не могу подарить Тебе», но я говорю Тебе: «Если хочешь, возьми меня».

2. В эти дни я думал о том великом богатстве жизни и мысли, что было между нами. И очень показательно, что первая песня, которая «случилась» с нами (говорю «случилась», поскольку это правда), обозначила масштаб вопроса (то есть причины), движущего нами, а с другой стороны, уже дала на него ответ.

Подумайте о гимне нашего Движения, о словах Маретты Кампи на музыку Адрианы Масканьи: «Беден голос человека, которого не существует, беден наш голос, если у него нет больше просьбы о смысле»<sup>6</sup>. Но «он должен кричать, должен умолять, чтобы дыхание жизни не имело конца». Порыв, о котором мы говорили, о котором так хорошо говорилось сегодня утром на собрании, великий порыв желания жизни, исполненный эмоций, усердия, чувств, усилия свободы, можно претерпевать и как вынужденную необходимость.

«Беден голос человека, которого нет». Без причины существования голос этот был бы фальшивым и пустым. Поэтому, он должен не только кричать и умолять, чтобы дыхание жизни не имело конца, но и «петь, ибо жизнь существует». Это колоссальная причина, не сравнимая ни с какой другой. «Вся жизнь требует вечности». Просыпаясь по утрам, чтобы вступить в суматошный день, утомительный день, день, свободный от особых обязательств, мы «должны петь, ибо жизнь существует, вся жизнь требует вечности».

Вся жизнь требует вечности. Подумайте о сорока годах, в которые вся жизнь требовала вечности! «Не может умереть, не может закончиться наш голос, требующий жизни у любви». И потому «не беден голос человека, которого не существует, наш голос поет с просьбой о смысле».

В последние дни, думая о том, кто написал эту песню, ее слова и музыку (две подруги пятнадцати-шестнадцати лет), я спрашивал себя: кто сейчас способен найти такие лаконичные и живые выражения, полные просьбы, в которых все слышат серьезность и искренность?

\* Духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Римини, 19–21 мая 2000 г.

<sup>5</sup> *Io non sono degno*. Сл. и муз. К. Кьеффо.

<sup>6</sup> *Povera voce*. Сл. М. Кампи, муз. А. Масканьи.

3. Когда Иуда оставил Иисуса и удалился, чтобы предать Его, когда он пошел на предательство, «erat autem nox»<sup>7</sup>, «была ночь» – говорится в Евангелии.

Забыть то, что нам было сказано, что нам говорится, отказаться от этого – значит погрузить всю нашу жизнь во тьму, на которую, кажется, обречено большинство людей.

Мы продвигаемся в существовании благодаря уверенности, сжигающей все наши тяготы и страхи, связанные с недостатком сил.

Надежда для нас – уверенность, уверенность в будущем. Идти без уверенности в пункте назначения сродни трагедии бедного человека.

Однако мы слишком часто позволяем тьме возобладать нами, и прежде всего в нас больше разочарования неверия, чем желания истины.

«Скажи мне, как может надеяться человек, удерживающий в своих руках все, но не имеющий прощения»<sup>8</sup>. Эта строка из песни нашего Клаудио Кьеффо – пожалуй, самое человеческое и ошеломляющее наблюдение.

«Как может надеяться человек, удерживающий в своих руках все, но не имеющий прощения», не признающий прощение – самый драматичный и убедительный аспект отношения Тайны с нами – и таким образом не принимающий прощение как высшую форму отношений между собой и другими людьми (в молитве «Отче наш» говорится: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»). Однако человек, в котором господствует чувство собственного ничтожества, чувство отчаяния, подвластен, позволяет властвовать собой и становится рабом того, что говорит мир. А мир рано или поздно добивается, чтобы отрицание стало верх над человеческим счастьем.

*Erat autem nox*, была ночь. Тьму, в которой растворяется источник нашей надежды, ее сила, поддерживаем мы сами, поскольку надежда не представляется нам непосредственным ответом, живым и осуществленным. В таком случае мы рассуждаем, как человек, живущий в лицемерии. Так омрачаются и все достоинства нашей дружбы, нашего Братства, все достоинства жизни Церкви в истории.

Негативное преобладает, когда человек – Иуда, когда он не может избежать отождествления с Иудой, с предателем, но, вместо того чтобы кричать, он должен бы «умолять, чтобы судьба жизни не имела конца».

Как бы то ни было, ничто в мире не способно по-настоящему помочь нам. Но, поскольку «нужно, чтобы кто-то освободил нас от зла»<sup>9</sup>, Бог – Тайна – стал осязаемым присутствием, плотью в нашей плоти.

Созерцание Иисуса во чреве Богоматери – самое освобождающее, самое великое, величайшее из всего, что мы можем представить. Давайте помогать друг другу всегда идти в направлении этого света, чтобы угасающие силы не затмевали истинность света.

---

<sup>7</sup> Ин. 13:30.

<sup>8</sup> *Ballata del potere*. Сл. и муз. К. Кьеффо.

<sup>9</sup> *Ivi*.

## ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТЦА ДЖУССАНИ НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2001 ГОДА «АВРААМ. РОЖДЕНИЕ „Я“» \*

Мне удалось участвовать в вашем пути так, как Господь мне позволяет, более ограниченным и тяжелым образом, чем раньше. Но всё – путь Божий в нашей жизни. Только эта формула делает наше сердце морально – в том числе и морально – готовым и всегда способными страдать, ради того, для чего Бог создал нас.

Чтобы не задерживать вас здесь, сегодня я скажу вам, что есть только одна вещь, которая не должна ускользнуть (и давайте не упускать эту возможность): нужно молиться в буквальном смысле слова, нужно умолять Того, Кому мы принадлежим, чтобы наше призвание не было тщетным.

Каждый день мы призваны, каждый час мы призваны, каждую минуту, каждое мгновение мы призваны. Что характеризует «я», что определяет «я» на фоне любых человеческих действий, что характеризует «я», – так это как раз осознание, что оно является отношением с бесконечным. Например, женщина шьет, шьет или готовит на кухне, и она есть отношение с бесконечным. Человека характеризует парадоксальное измерение между тем малым, что он из себя представляет, тем мизерным, между той хрупкой деталью, какой он является, между малостью и образующим отношением, образующим отношением – отношением с Богом.

Сейчас я не хочу возвращаться к тому, о чем вы уже говорили. Я только хочу сказать: давайте молиться, молиться, ведь это то, что человек может делать, выполняя любую другую работу. Это намерение; молитва открывает нас для намерения, подобно солнцу, в дождливый день прорывающемуся сквозь тучи, рассеивающему тучи и проливающим свет, она позволяет нам проливать свет на все, чем мы являемся и что делаем.

В последнее время я использовал, в последнее время я открыл для себя всем сердцем, взволнованно, можно сказать, «формулу молитвы», наиболее полную формулу, какую можно вообразить с христианской точки зрения: «Приди, Дух Святой. Приди через Богородицу». *Veni Sancte Spiritus. Veni per Mariam*. Повторяйте эту формулу ежедневно, ежечасно, когда Господь избирает вас, чтобы быть услышанным: в этот момент все воссоединяется и возобновляется, все таинственным образом становится единым и прекрасным.

*Veni Sancte Spiritus*, ибо *Spiritus est Dominus, Spiritus est Deus* (Бог есть Дух, Дух есть Бог). Дух есть Бог, Которому мы принадлежим. Наш дух – самосознание, и, применяя его должным образом, мы понимаем, человек понимает, что он принадлежит, принадлежит Другому. Речь о принадлежности Присутствию, Присутствию опять же таинственному (таинственному, ибо оно не наше, в определенном смысле это Присутствие не наше; оно происходит от другого истока, не от нашего истока).

«Приди, Дух Святой», в каждое мое действие, «приди, Дух Святой», в каждое мое мгновение.

*Veni per Mariam*. Богородица – в высшей степени человеческое и убедительное действие Бога по отношению к человеку.

*Veni per Mariam*. Подумаем об эволюции этой женщины и о том, каким образом она продолжает пребывать в истории! Очевидно, что она происходит от Бога, в Боге – основание ее

---

\* Духовные упражнения Братства «Общениа и освобождения». Римини, 18–20 мая 2001 г.

принадлежности. Однако, с другой стороны, Мария – полнота человека, полнота человека, которая превознесена настолько, что становится инструментом, необходимым для отношения с Богом (необходимым не в прямом, а в высшем смысле слова). *Per Mariam*, ибо она не согрешила, Бог не допустил, чтобы она стала объектом нападок дьявола, противника истины. Дева чистая и прекрасная: красота – знак, и она является практически сакраментальным знаком красоты, ради которой Бог сотворил мир.

Итак, я рад, что призвал вас произносить эту молитвенную формулу, свидетельствующую об обновляющейся, вечно обновляющейся славе нашей христианской жизни. Пусть молитва «*Veni Sancte Spiritus. Veni per Mariam*» будет опорой, опорой, ясной с психологической точки зрения, поскольку она коренится в самой глубине человеческой природы.

Желаю вам, чтобы эта молитва, этот порыв искренности и простоты каждодневно находил место в ваших сердцах и призывал нашу человечность меняться согласно тому окончательному порядку, ради которого мы сотворены. Такова судьба, и это то, чего нам часто не хватает, но что не иссякает ни на миг: Бог даже на миг не может перестать быть источником нашего счастья, нашей плодотворности.

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТЦА ДЖУССАНИ  
НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2002 ГОДА  
«ЧТО ЖИВУ ПО ПЛОТИ, ТО ЖИВУ ВЕРОЮ В СЫНА БОЖИЯ» \***

В тот вечер Иисуса задержали, остановили на пути в селение, в которое Он направлялся, в которое шел: женщина громко рыдала, крича от боли так, что сердца всех, кто был рядом, содрогались, но прежде всего содрогнулось, сотряслось сердце Христа<sup>10</sup>.

«Женщина, не плачь!»<sup>11</sup> Он никогда ее прежде не видел, не встречал.

«Женщина, не плачь!» Какую поддержку могла найти она, та женщина, что слушала слова Иисуса, обращенные к ней?

«Женщина, не плачь!» Когда возвращаешься домой, когда едешь на трамвае, когда садишься в поезд, когда видишь вереницу машин на дороге, когда думаешь обо всем, что влияет на жизнь миллионов и миллионов людей, сотен миллионов людей... Насколько важен взгляд, каким ребенок или «взрослый» взрослый, смотрят на того Человека, возглавлявшего небольшую группу друзей и никогда не видевшего ту женщину, но остановившегося, когда звук, отголосок плача достиг Его! «Женщина, не плачь!» Слово никто не знал ее, словно никто не узнал ее сильнее, полнее, решительнее, чем Он!

«Женщина, не плачь!» Когда мы видим (как я говорил ранее) все движение мира, в реке которого, в потоках которого все люди входят в жизнь и осознают жизнь, неизвестность конца есть не что иное, как неизвестность того, каким образом была достигнута эта новизна, позволяющая найти Человека, встретить незнакомого Человека, Который перед болью женщины, увиденной впервые, говорит ей: «Женщина, не плачь! Женщина, не плачь!»

«Женщина, не плачь!» С таким сердцем мы призваны встретить взгляд и грусть, боль всех людей, с которыми вступаем в отношения по дороге или в путешествии, в наших путешествиях.

«Женщина, не плачь!» Как же невообразимо, что, глядя на человека и слушая его, Бог – «Бог», Тот, Кто творит в этот момент весь мир, – может сказать: «Не плачь, человек! Не плачь! Не плачь, ведь не для смерти, а для жизни Я создал тебя и поместил в мир, поместил в великую компанию людей!»

Мужчина, женщина, парень, девушка, ты, вы, не плачьте! Не плачьте! Есть взгляд и сердце, пронзающие вас насквозь и любящие вас вплоть до вашей судьбы; взгляд и сердце, от которых никто не в состоянии уклониться, которые никто не заставит замолчать о том, что они думают или что чувствуют, которых никто не сможет лишить силы!

«Gloria Dei vivens homo»<sup>12</sup>. Слава Божия, величие Того, Кто творит звезды небесные, Кто по капле добавляет в море всю его синеву, есть живущий человек.

Ничто не может сдержать этот незамедлительный прилив любви, привязанности, уважения, надежды, ибо Он стал надеждой для каждого, кто Его видел, кто слышал: «Женщина, не плачь!» – кто услышал, как Иисус говорит: «Женщина, не плачь!»

Ничто не может остановить уверенность в таинственной и благой судьбе!

\* Духовные упражнения Братства «Общения и освобождения». Римини, 3–5 мая 2002 г.

<sup>10</sup> Ср. Лк. 7:11–17.

<sup>11</sup> Лк. 7:13.

<sup>12</sup> «Слава Божия есть живущий человек» (лат.). Св. Ириной Лионский. *Против ересей. Доказательство апостольской проповеди*. Кн. IV, 20, 7. С. 379.

Мы вместе и говорим друг другу: «Я никогда не видел тебя, я не знаю, кто ты; не плачь!»  
Плач – твоя судьба, кажется, это твоя неминуемая судьба: «Человек, не плачь!»

«Gloria Dei vivens homo»: слава Божия – та, ради которой Он поддерживает мир, вселенную, – есть живущий человек, всякий живущий человек: живущий человек, плачущая женщина, улыбающаяся женщина, ребенок, женщина, умирающая мать.

«Gloria Dei vivens homo». Мы хотим этого и ничего другого, только чтобы слава Божия явилась всему миру и коснулась всех земных сфер: листьев, всех листьев на цветах и всех человеческих сердец.

Мы никогда с вами не виделись, но именно это мы видим среди нас, чувствуем среди нас.

Пока!

**ВЫСТУПЛЕНИЯ ОТЦА ДЖУССАНИ  
НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2004 ГОДА  
«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»\***

**После первой лекции**

Лекция Каррона – лучшее из того, что Господь дал мне понять за все наши духовные упражнения. Умоляю вас, просите ваших священников, просите ваших ответственных, чтобы они предоставили вам текст выступления отца Каррона. Это самое прекрасное, что я слышал в моей жизни, самый ясный, самый замечательный призыв, где вся тема благодати, уделенной нам Христом, связана с народом, который перед лицом происходящих в жизни событий будет щедро и пламенно дарить нечто великое, нечто несравненно великое.

Надеюсь, Господь даст мне благодать участвовать во всех ваших собраниях и вновь слышать на них смысл того, о чем мы слышали сегодня. Потому что, поверьте (сейчас я не в силах сказать хорошо; я должен был бы сразу же повторить то, что отец Каррон сказал так хорошо): мы хотим быть верными Христу. Верность Христу – это верность тому, что смысл жизни существует, он был явлен, он актуален и явлен каждому из нас, и поразительно, что в любой ситуации жизнь положительна.

Я нахожусь в той ситуации, когда можно «просчитать» вклад моего опыта в судьбу, ради которой мы созданы, которой мы предназначены. Он не в отдельных действиях, не в отдельной победе, а в победе истинной – в том, чтобы кричать о положительности нашей жизни, поскольку победа Христа в Его смерти происходит от этого: в Его прочтении жизни не господствует зло, не господствуют языковые трудности, его определяет не новизна лексики, а безошибочным образом – да, безошибочным образом, ибо он безошибочен – положительность нашей жизни, положительность нашего существования.

Мы, безусловно, должны напоминать друг другу, что даже язычник призван свидетельствовать об истине, о победе Христа в его жизни. Мы должны помнить об этом ежедневно между нами, ежедневно мы должны напоминать друг другу о победе положительности, о победе побед, о победе воскресения Христова, о победе Христовой, что покорит наше сердце, дабы оно стало проводником знания, которое наши братья по народу, наши братья по общине, наши братья по общению имеют право и долг передать нам, положительностью жизни спасая то, чего мы всегда желали.

Суть победы не в облегчении внутри смерти, а в том, что смерть обретает смысл внутри пламенной жизни.

Прошу вас звать меня, давать – когда только можно – возможность восхищаться вашей верностью, верностью вашего решения, верностью в вашей компании, верностью в нашей компании, ведь эта компания спасает мир.

---

\* Духовные упражнения Братства «Общениа и освобождения». Римини, 23–25 апреля 2004 г.

## Заключительное обращение

Позвольте мне снова приветствовать вас. Чем дальше я размышляю, тем больше благодарю Господа и каждого из вас, потому что тема упражнений этого года – самая прекрасная и безграничная тема, какую только можно себе представить. Ибо победа Христа есть победа над смертью. А победа над смертью есть победа над жизнью. Во всем есть положительность, во всем есть такое всепоглощающее благо, что оно, когда Господь обозначит конец времен, выявит великую причину, ради которой сотворен мир.

Поэтому в силу такой положительности жизни каждый из нас должен обладать мужеством, ведь любое противоречие и любое страдание в «русле» этой жизни обретают положительный ответ.

И надеюсь, мы сможем договориться с Господом, чтобы Он просветил нас во всем, что мы должны делать в «новых» обстоятельствах, и чтобы мы увидели положительность всей человеческой жизни, глубокую положительность ее конечной цели.

Жизнь прекрасна: жизнь прекрасна, это обещание, данное Богом в победе Христовой. И потому каждый день, когда мы встаем с постели (какой бы ни была наша непосредственная ситуация, даже если она невыносимо мучительна), – это благо, зарождающееся на краю нашего человеческого горизонта.

Нужно попробовать перенести все это в историческую перспективу. Мы должны постараться, чтобы была затронута история нашей жизни, как и история жизни всех народов мира, с самого начала и до последнего предела (говорили мы ранее), до последнего предела реальности, какой является человеческая жизнь. Она требует нового внимания, внимания, заключающего в себе великую награду (великую награду!), заключающего в себе великую награду, которая ожидает каждого человека в конце всего. Мы должны помогать друг другу, мы должны поддерживать друг друга, мы должны быть братьями друг другу именно в этой высшей положительности перед лицом любой боли: такое умиротворение вносит согласие в связь между нами.

«Изучение» истории человечества в таком ключе станет новым способом благодарить тех, кто позволяет нам исполняться радости перед добротой Бога, перед Его добротой.

Желаю всем, чтобы каждый на пути своей жизни находил проявления блага, каким является воскресший Христос, находил помощь в том, что пробуждает в людях положительность, делающую разумной дальнейшую жизнь. Слава Господу, одержавшему победу над смертью и над нами! Пока всем!



## БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты, собранные в настоящей книге, были отредактированы и подготовлены для этого издания на основании аудио- и видеозаписей, хранящихся в архиве Братства «Общения и освобождения».

Предыдущие издания отдельных текстов:

### 1997

*Введение и часть первая.* L. Giussani. *L'uomo e il suo destino. In cammino.* Genova: Marietti 1820, 1999. P. 7–60.

TU O DELL'AMICIZIA. *Appunti dalle meditazioni di Luigi Giussani e Stefano Alberto.* Rimini, 16–18 maggio 1997 // *Tracce – Litterae communionis.* N. 6. Giugno. 1997. P. 43–46.

### 1998

*Часть третья.* L. Giussani. *L'uomo e il suo destino. In cammino.* Genova: Marietti 1820, 1999. P. 103–154.

IL MIRACOLO DEL CAMBIAMENTO. *Appunti dalle meditazioni di Luigi Giussani.* Rimini, 24–26 aprile 1998 // *Tracce – Litterae communionis.* N. 7. Luglio-agosto. 1998. P. 49–56.

### 1999

CRISTO È TUTTO IN TUTTI. *Appunti dalle meditazioni di Luigi Giussani.* Rimini, 23–25 aprile 1999 // *Tracce – Litterae communionis.* N. 7. Luglio-agosto. 1999. P. 12–40, 47–54.

### 2000–2004

#### 2000

*Заключительное выступление отца Джуссани. Che cos'è l'uomo e come fa a saperlo.* Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 2000. P. 47–49.

#### 2001

*Заключительное выступление отца Джуссани.* S. Alberto, J. Carrón. *Abramo: la nascita dell'io* // *Tracce – Litterae communionis.* N. 6. Giugno. 2001 P. 48–49.

#### 2002

*Заключительное выступление отца Джуссани.* S. Alberto, J. Carrón. *Pur vivendo nella carne, vivo nella fede del Figlio di Dio.* Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 2002. P. 47–48.

#### 2004

*Выступления отца Джуссани.* S. Alberto, J. Carrón. *Il Destino dell'Uomo* Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 2004. P. 30–31, 48–49.

## СОДЕРЖАНИЕ

Хулиан Каррон. «ХРИСТОС – ЖИЗНЬ МОЕЙ ЖИЗНИ» .....	3
<b>«Ты», или О дружбе. 1997</b> .....	15
Введение .....	17
«БОГ ВСЁ ВО ВСЕМ» .....	18
1. Новая точка отсчета: онтология .....	18
2. Два искушения: нигилизм и пантеизм .....	18
3. Существование «я» .....	20
4. Просьба о бытии .....	22
5. Выбор чуждого .....	23
«ВСЁ И ВО ВСЕХ ХРИСТОС» .....	25
1. Природа и судьба человека .....	25
2. Подражание Христу .....	26
3. Бог есть Отец .....	27
4. Поведение Иисуса по отношению к Отцу .....	28
5. Нравственность рождается от дружбы.....	30
6. Свет, сила и помощь для человека.....	31
7. Экуменизм и мир в русле мировой истории.....	33
Собрание .....	37
ХРИСТОС – ЖИЗНЬ ЖИЗНИ.....	40
1. «Делал и учил» .....	40
2. Событие в настоящем.....	41
<b>Чудо изменения. 1998</b> .....	45
БОГ И СУЩЕСТВОВАНИЕ .....	47
1. Проблема познания.....	47
2. Опыт и разум .....	48
3. Три серьезные подмены .....	49
4. Искажение религиозности .....	53
5. Традиция и харизма .....	55
ВЕРА В БОГА ЕСТЬ ВЕРА ВО ХРИСТА .....	57
1. Новое мышление.....	57
2. Пустая вера: пять «без» современного рационализма .....	60
3. Новая нравственность.....	64
Собрание .....	68
«ПОЗНАЕТ ЛИШЬ ИЗУМЛЕНИЕ».....	73
<b>«Всё и во всех Христос». 1999</b> .....	75
РЕШАЮЩЕЕ ДЛЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ СЛОВО .....	77
1. Потребность в принадлежности и ее очевидность .....	77
2. Отрицание принадлежности и его последствия .....	80
3. Историчность принадлежности.....	83
КТО ВО ХРИСТЕ, ТОТ НОВАЯ ТВАРЬ.....	89
1. Событие иной человечности .....	89
2. Цель принадлежности .....	92
Собрание и заключение.....	98

<b>Выступления и приветствия. 2000–2004</b> .....	103
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТЦА ДЖУССАНИ НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2000 ГОДА «ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК И КАК ОН ЭТО ПОНИМАЕТ» .....	105
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТЦА ДЖУССАНИ НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2001 ГОДА «АВРААМ. РОЖДЕНИЕ „Я“» .....	107
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ОТЦА ДЖУССАНИ НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2002 ГОДА «ЧТО ЖИВУ ПО ПЛОТИ, ТО ЖИВУ ВЕРОЮ В СЫНА БОЖИЯ» .....	109
ВЫСТУПЛЕНИЯ ОТЦА ДЖУССАНИ НА ДУХОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ 2004 ГОДА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» .....	111
БИБЛИОГРАФИЯ.....	113